

ПИОНЕР 6

1981

После
скудного
витаминами
зимнего рациона
зверьки
с удовольствием
уминают свежую
нежную луговку.

ЭТО КРО- ЖЕ ЛИ- КИ!

Взяла старт летняя трудовая четверть. По всей стране работают сейчас школьные производственные бригады.

Наш корреспондент **Виктор РЫБИН** побывал у ребят Черкасской области Украинской ССР. Почти при каждой школе области есть сейчас кролиководческие фермы, на которых ребята учатся ухаживать за животными, учатся хозяйствовать. Одна из таких ферм — в селе Плескачевка Смелянского района. Хозяева этой фермы — пионеры местной восьмилетней школы.

О футболе и «ушастиках»

Село Плескачевка утопает в садах. Весной и ранним летом, когда начинают цвести черешни, яблони, груши, сливы, крыши домов скрываются под ослепительно белым покрывалом цветов. Крутые увалы, обступающие село со всех сторон, переливаются яркой зеленью и кажутся огромными волнами, несущими на своих горбатых спинах леса и пашни. В хорошую погоду так и хочется взобраться на

крутую горку, лечь на мягкую траву и загорать. Или забросить удочку в ставок, или мяч погонять... Но это все после, а сейчас у ребят из Плескачевки другие заботы. Весенние травы самые богатые витаминами, самый полезный корм для кроликов. Вот и приходится ежедневно и не по разу карабкаться в гору на сенокос, а потом спускаться вниз с охапкой душистой луговой травы. И никто не ропщет, даже самые непоседливые мальчишки, потому что знают: корм для кроликов — первостепенное дело. После скудного витаминами зимнего рациона зверьки с удовольствием уминают свежую нежную луговку.

Кролеферма плескачевцев сравнительно

небольшая — есть и покрупнее. Но забот, как у настоящих хозяев, много. В прошлом году ребята вырастили и сдали государству 120 кроликов, в этом году обязались вырастить не менее 200.

Растут и доходы школы. В 1981 году они составят не менее тысячи рублей. Тысяча рублей. Это новое школьное оборудование, туристические поездки, это новые книги в школьной библиотеке, форма для юнармейцев, диафильмы и грампластинки. Наконец, это вкусное мясо в школьных обедах. Вот что дает школе одна только кролеферма! Районное общество кролиководов наградило ребят цветным телевизором, а лучших юннатов — путевками в республиканский пионерский лагерь «Молодая гвардия». Год назад плескачевские пионеры выступили с почином «Каждой школе — образцовую кролеферму». Этот почин был подхвачен всеми школами области, занимающимися разведением кроликов.

А таких школ оказалось 665!

Разведение кроликов — дело государственное. Недаром же инициативы лучших кролиководов страны были одобрены Бюро ЦК ВЛКСМ, а об успехах юннатов упоминалось на XVIII съезде комсомола. И ребята гордятся тем, что дело, которому они преданы, неотделимо от забот всей страны, а школьная кролеферма — посильный вклад пионеров в осуществление продовольственной программы, намеченной XXVI съездом КПСС.

— Хозяйство наше растет, — рассказывает директор школы Анатолий Иванович Федун. — Растут и доходы. Но дело, конечно, не только в этом.

Он делает паузу и жестом приглашает меня к окну.

— Вот смотрите, с какой увлеченностью занимаются мальчишки и девчонки с кроликами. А сколько знают ребята об этих животных... Назовут вам лучшие породы, корма, рационы, расскажут, как лечить кроликов, как сделать удобную клетку, каков должен быть привес — словом, все, что касается «ушастиков».

Я недолго пробыл у плескачевцев, но успел убедиться в этом. С какой гордостью ребята рассказывали о своем беспокойном хозяйстве, показывали дневники, которые ведут уже не первый день, знакомились с опытами, которые проводили на кролеферме.

— Нравится возиться с кроликами? — спрашивал я их.

И все единодушно отвечали:

— Очень нравится!

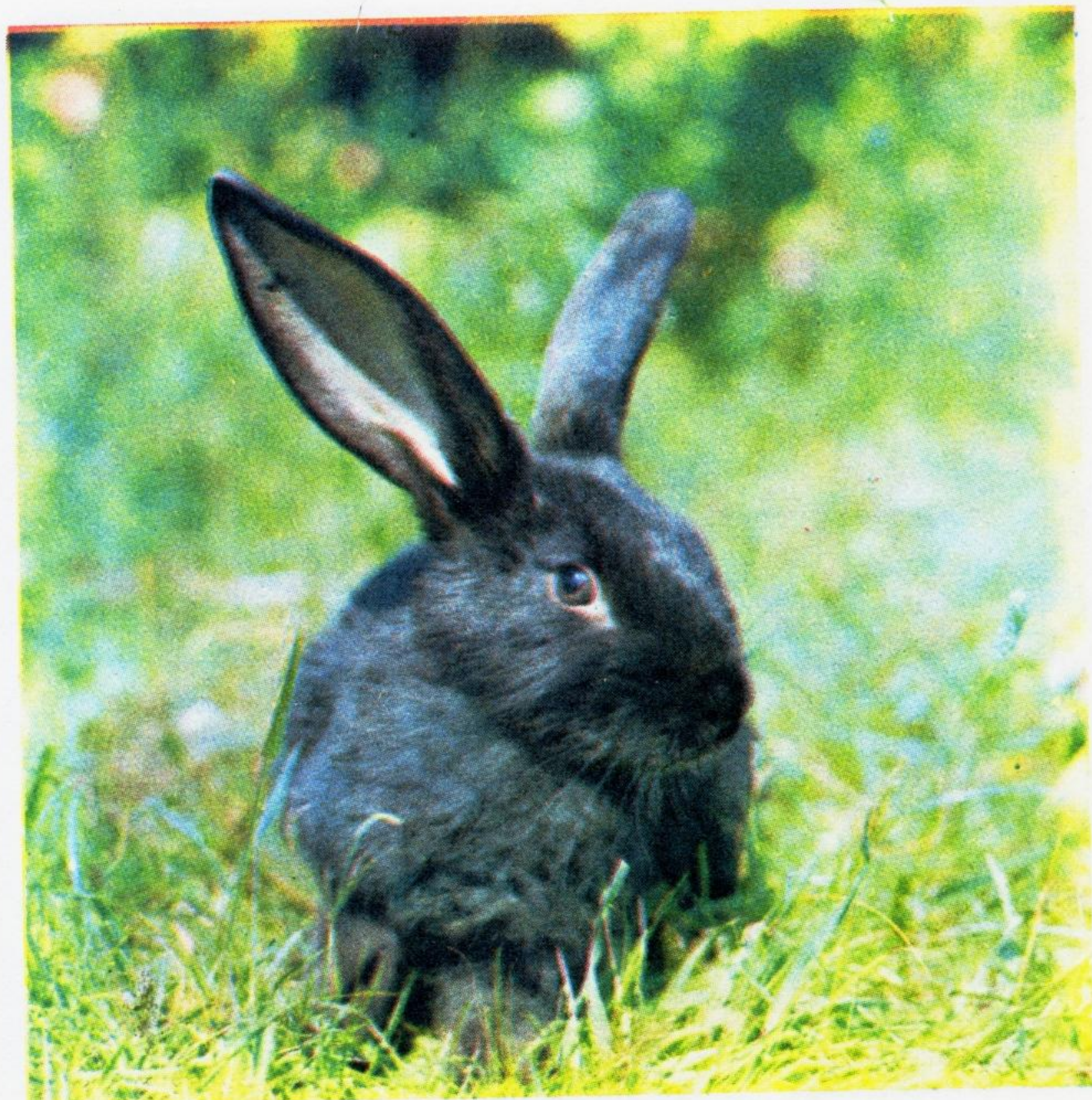
— А времени свободного не жаль?

— Почему жаль? — удивлялись ребята.

— Ну, в футбол погоняли бы... книжку интересную почитали бы... — неуверенно разъяснял я.

И Ваня Подгорный, не удержавшись, выпалил:

— Сравнили кроликов с футболом! Это же

кро - ли-ки! Дело-то, можно сказать, государственной важности.

А потом добавил:

— Да на все хватает времени. Работаем-то на ферме по графику — четыре-пять часов в неделю получается. Немного! Успеваем еще и за своими, домашними кролями присматривать...

— А домашние у всех есть?

— Пока не у всех, — отвечают ребята. — Пока только у семиклассников. Они вызов бросили, рекорд собираются ставить...

Вызов

Утром 5 сентября прошлого года Света Андрущенко, Люба Бургацкая, Валя Зубалий, Лена Прохименко и все их товарищи-одноклассники были необычайно возбуждены. Давно они ждали этого дня, и вот наконец он настал. 5 сентября по традиции на школьной

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина

ИЮНЬ 6

Москва 1981 г.
Издательство «Правда»

линейке седьмому классу торжественно вручаются ключи от кролефермы. На этот раз вручал их восьмиклассник Толя Белан. Ровно год он и его товарищи ухаживали за школьными кроликами, вели такое хлопотное, но такое занятное хозяйство. И, может быть, оттого, что не будет больше этих волнений и забот, ставших привычными и понятными, радости за удачу, огорчений и побед, Толе стало грустно. И надо расставаться—такова уж традиция,—а не хочется. Передавая ключ от кролефермы, сказал Толя новому бригадир Вале Зубалий:

— Мы работали на совесть. Просим и вас не подкачать, содержать ферму в порядке...

— Обещаем не подвести вас и вырастить не меньше кроликов. Мы решили...

Валя запнулась, но тут же оправилась и твердо закончила:

— Мы обязуемся сдать государству не меньше двухсот кроликов, то есть на восемьдесят больше, чем предыдущий класс!

В наступившей вслед за этим тишине гулко простучали Валины каблучки, и вдруг все разом заговорили, зашумели.

— Куда им?! Ну и дают!

Анатолий Иванович подошел к сгрудившимся вокруг Вали семиклассникам.

— Это что же, Валя, вызов белановцам? А сможете? Двести штук—это... двести штук! —покачал головой директор.

Семиклассники заговорили наперебой:

— Сможем, Анатолий Иванович! Сможем! Не сомневайтесь!

Валя достала из кармана фартука помятый листок бумаги, исписанный карандашом и ручкой, и протянула директору.

— Вот... мы подсчитали. Можно и больше двухсот, если к школьным ребята добавят своих кроликов, домашних.

— Всегда добавляли,—пожал плечами директор.

— Мало добавляли, надо больше! Если каждый, например, вырастит по десять штук—сколько будет?!

— Да разве у вас все ребята разводят кроликов? —улыбнулся Федун, окидывая семиклассников вопросительным взглядом.

— Будут у всех—мы так решили!..

Анатолий Иванович взглянул на вихрастого шустрого мальчишку, напирającego сбоку, потрепал его русые волосы.

— Будешь за кроликами доглядывать? Хватит терпения?

— А то нет?! Что я, хуже других?

Глаза Вани Подгорного выражали такую решимость, что Анатолий Иванович заколебался.

— А это вы здорово придумали,—сказал он после недолгого молчания,—расширить школьное производство за счет домашних кроликов! Молодцы!

И были будни. После уроков ребята спешили на школьную кролеферму, а потом домой—кормить, поить, чистить своих Шустриков и Ушастиков, Серых и Красноглазиков. У каждого забот прибавилось, но от работы никто не отлынивал, не хныкал и не отставал. Позором считали сдать дежурство ниже, чем на пятерку.

К весне подсчитали первые результаты своего труда и обрадовались: обязательство будет перевыполнено! Сверх того ребята сдадут еще пятьдесят кроликов!

— Мы не можем бесконечно расширять школьную кролеферму,—говорил мне после Анатолий Иванович Федун.—Да и нет необходимости держать большое кроличье хозяйство—хлопот-то с ним сколько! А болезни? Они страшнее голода! И, конечно же, сохранить животных легче, когда при школе 150—200 кролей, нежели 500—600. Однако наше производство можно расширить за счет домашних кроликов. Недаром сейчас по всей республике проходит кампания под девизом «Под силу одному—кролеферма на дому!». Под таким девизом трудятся юные кролиководы республики. Домашние кролефермы—большое подспорье для нас, а бригада Вали Зубалий бросила вызов не только предыдущим семиклассникам-белановцам. Она бросила вызов всем юным кролиководам!

Чернухины дети

В тот холодный январский день на кролеферме дежурили Люда Мачурская и Люба Карпенко. До начала уроков еще был целый час, и девочки не спеша чистили кроличьи клетки, меняли подстилку, раскладывали в кормушки сено и морковь. Вот здесь, в угловой клетке, под старой яблоней, жила Черну-

ха — большая черная самка-велетень с белым пятном на левом ухе. Две недели назад Чернуха родила шесть крохотных крольчат и спрятала их в маленьком деревянном домике, специально сколоченном для новорожденных. А до этого она несколько дней подряд рвала на себе пух — готовила мягкое, теплое гнездо для будущего потомства. После родов Чернуха здорово похудела, перестала есть и редко показывалась из домика.

— Это у них всегда так, — с видом знатока утверждал Коля Ямборский. — Ничего, поправится.

Но Чернуха не поправлялась — силы ее угасали день ото дня. Бессильными оказались даже лекарства.

...Люда подошла к Чернухиной клетке и резко провела палкой по металлической сетке. Но вместо привычной возни крольчихи, пугающейся любого шума, в клетке было тихо. Чернуха неподвижно лежала на сене, безжизненные глаза ее печально смотрели на шершавую стенку клетки. Девочке стало не по себе.

— Ой, Людмила, Чернуха умерла... — вскрикнула она и бросилась тормошить крольчиху, словно могла оживить ее.

Через полчаса у клетки собралась вся бригада.

— Что же делать с крольчатами? Они же совсем крохотные... — Ребята смотрели на Валю Зубалий.

Валя молчала, думала.

— Не выживут, — сказал кто-то, но на него зашикали со всех сторон:

— Чего зря говорить? Надо, чтобы крольчата выжили!

— А что, если попробовать кормить их из соски, как телят? — предложила Валя Зубалий. — Найдем соску и будем кормить теплым молоком.

— Верно! — согласились ребята и спохватились: — А где же крольчата жить будут? На дворе-то зима!

Пока крольчиха была жива, она обогревала детенышей своим теплом. И теперь, поеживаясь на январском морозе, каждый вдруг представил, как трудно будет заменить это материнское тепло, уберечь крохотные пушистые комочки от холода и голода.

— А может, возьмем их домой? — предложила Алена Ямборская. — Каждый по кролику?!

— Это как же «каждый по кролику»? — насторожился Витя Коваленко. — Кроликов-то шесть, а нас восемнадцать!

— Ну, может, кто-то не возьмет, — возразила Алена.

Но ребята зашумели: кто это не возьмет? Все возьмут!

Чтобы не рассориться, решили крольчат оставить в клетке, но утеплить их гнездо. Кроме того, обязать дежурных — днем ежедневно, а ночью через три часа — проверять крольчат, подкармливать их теплым молоком, а клетку утеплить еще и снаружи.

На перемене после первого урока весь класс пришел кормить своих питомцев. И хотя на территории кролефермы положено находиться только дежурным, решили нарушить этот порядок — уж так велико было искушение посмотреть, потрогать Чернухиных детенышей.

Крольчата долго не могли понять, зачем им так настойчиво впихивают в рот соску. Они смешно фыркали, тыкались носом в сено или забивались в темный угол клетки. А то вдруг собьются в кучу и никакой силой не оттянешь их друг от друга.

Наконец удалось покормить одного, наверное, самого проголодавшегося, а вслед за ним и остальных.

Постепенно дело налаживалось, и крольчата привыкли к соске. День ото дня стали они крепнуть, прибавлять в весе и скоро догнали своих сородичей. Через месяцев шесть, глядя на белоснежных красавцев кроликов, трудно было представить, что когда-то они были совсем крохотными, беспомощными существами.

На станции юннатов

Станция юннатов в Черкассах расположилась среди белоствольных березок и ветвистых кленов, пушистых сосенок и елей. Целых восемь гектаров земли у нее.

Вместе с директором станции Анатолием Иосифовичем Казанцом мы побывали в теплице и оранжерее, агрохимическом и биологическом кабинетах, в аквариуме, мастерских, юннатовском саду. И везде кипела работа. Некоторые кабинеты оказались даже теснова-

тыми для кружковцев — настолько много было желающих.

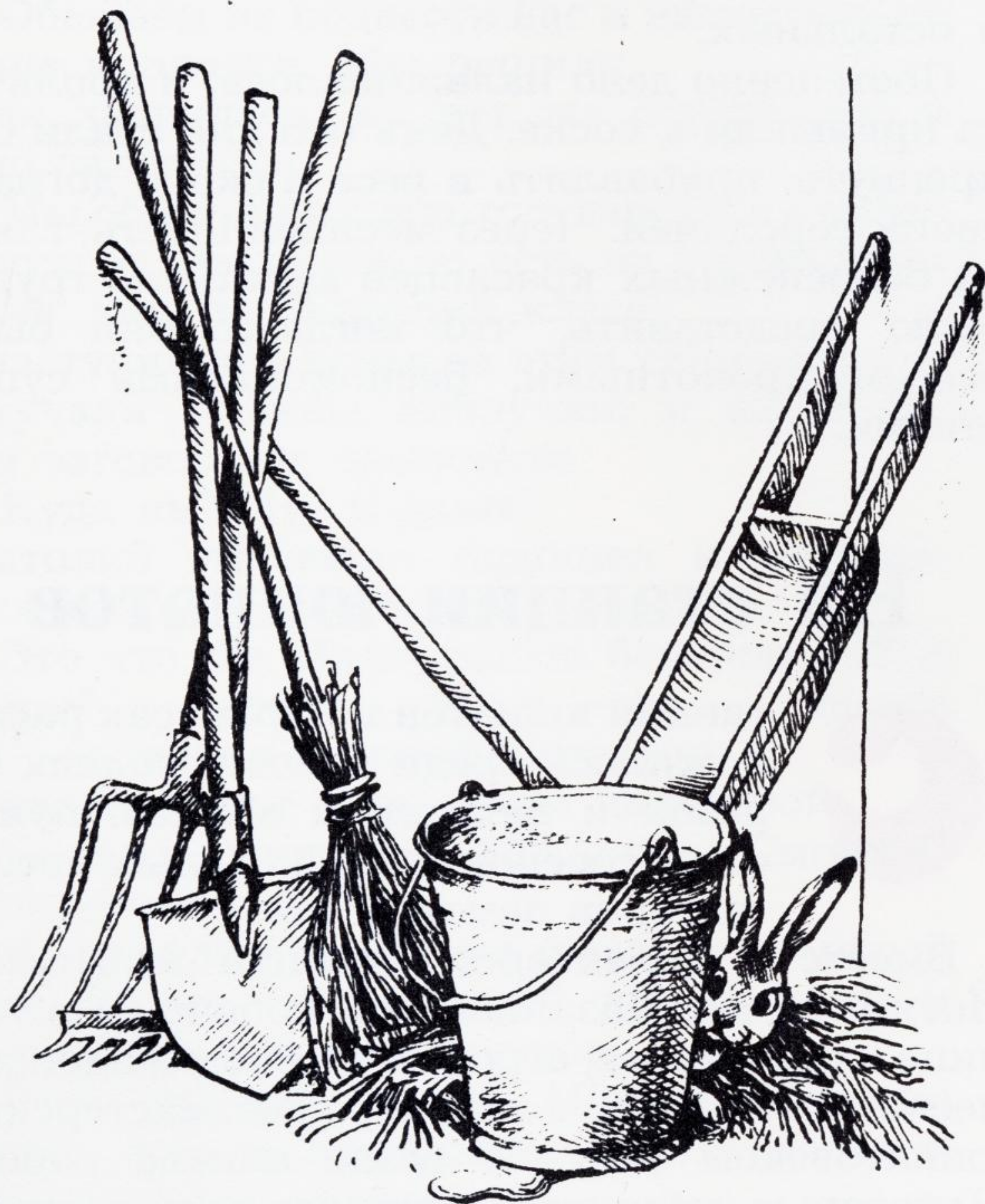
Наша недолгая экскурсия по владениям станции закончилась у клеток с кроликами. Только что всей этой черно-бело-серо-дымчатой пушистой братии ребята принесли корм, и зверьки с аппетитом хрустели буряками. Мальчишки и девчонки толпились тут же, никак не хотели отходить от своих питомцев. У крайней клетки на столе весы. Веснушчатый мальчишка лет тринадцати доставал поочередно из клетки кроликов, взвешивал их и что-то помечал в толстой потрепанной тетрадке.

— Кролиководство — наше серьезное увлечение, — рассказывал Казанец. — Вот здесь, на этой небольшой ферме, ведется кропотливая опытническая работа. Ребята изучают жизнь и развитие животных, составляют кормовые рационы, исследуют, какие породы кроликов больше других подходят для нашей области. По результатам своих наблюдений юннаты составляют рекомендации и рассылают их по школам. Стараниями юных кролиководов в прошлом году выращено и сдано государству 766 500 кроликов! Это 3,5 тысячи тонн отличного мяса! Разведение кроликов в Черкасской области превратилось в полезное для государства дело.

Признаться, для меня эти цифры оказались неожиданными. В магазинах города и области я часто замечал на прилавках и кроличью тушенку и свежее кроличье мясо. Но только сейчас начал понимать, что это не пришло само собой, а есть во всем этом доля труда мальчишек и девчонок Черкасщины.

Фотографии А. ФЕДУНА.

Рисунки Д. БАРАБАША.

Медаль ЮНЕСКО — советской пионерке

В прошлом году ЮНЕСКО объявила среди детей планеты интересный конкурс на лучшее стихотворение о земле, мире и дружбе. В Париж, где находится штаб-квартира ЮНЕСКО, полетели конверты с разноцветными марками из многих стран мира. В каждом конверте — детские стихи. Строгое жюри читало каждое письмо. И вот, наконец, его решение — присудить памятную бронзовую медаль за второе место среди десяти призеров московской школьнице Кате Ивановой. В Катином стихотворении всего восемь строк, и кончается оно словами:

*Нашу землю никогда
Я не дам в обиду.*

Катя, как и ребята из 20 стран, участвовавшие в конкурсе, по-своему рассказала о том, что ее волнует и тревожит. Она, как и миллионы детей, мечтает о мире на всей земле.

Медаль ЮНЕСКО совершила путешествие из Парижа в Москву. И в Центральном Совете Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина Кате Ивановой вручили заслуженную награду. Радовалась сама виновница торжества, радовались мама, бабушка и мы, журналисты «Пионера», где были впервые напечатаны стихи юной поэтессы, редактора отрядной газеты «Нептун». Катя хорошо учится, увлекается музыкой. Журнал наградил Катю Иванову Почетной грамотой и подарил книжку детских стихов — «Кораблик», тот самый, который печатает только ребят. «Пионер» от души желает лауреату Международного конкурса новых удач в поэзии и музыке, в пионерских делах.

ЮНЕСКО — Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры.

Здравствуй, „Рябинушка“!

Посвящается «Рябинушке», лагерю труда и отдыха совхоза-завода «Подгорный».

В „Рябинушку“!

С гор скатилась Катунь-река.
В белой пене ее бока.
Крепкий трос над рябой водой
В струях ветра поет струной.
Наш паромщик одним рывком
Отогнал от мостков паром.
Рукавица на нем черна:
Видно, тросом обожжена.
Задевает густую бровь
Пули след — до сих пор багров.
Обступил его наш отряд,
Пособить ему каждый рад.
Улыбнулся паромщик нам:
— Что вы! Что вы! Я сам с усам.
Это, парни, дела мои —
Я связной берегов земли.

Здравствуй, лагерь труда и отдыха!
Светлых домиков хоровод!
Об Алтае, о нашей Родине
Нам деревьев листва поет.
Чуть виднеются пики горные,
Луга скошенного лоскут.
И, шутя, ветерки проворные
Перепрыгивают наш пруд.

На прополке

На разросшихся стеблях цветы
Закрывают от солнца морковку.
Нам не надо такой красоты!
Начинаем прополку...

Ветер крылья над нами расправил.
Как там слева сосед? Как там справа.
Первым быть до чего ж нелегко...
Кто кого победит? Кто кого?

Дома есть и сад, и грядки,
И река Майма.
Шей, читай, а хочешь — в прятки...
Выбирай сама.
Тот же ветер. То же солнце.
Только под салют
Шуток, песен и пословиц,
Словно праздник, труд.

Ветер крылья над нами расправил!
Как там слева сосед? Как там справа?..

Мне бы синим ветром
Закружиться в поле,
Быть с тобою рядом,
Прядь убрать со лба,
Что светла, как лучик.
Не заметил в школе,
А вот на просторе
Разглядел тебя.

Ветер крылья над нами расправил!
Как там слева сосед? Как там справа?

Все вокруг говорят:
Человека узнать —
Надо съест с ним пуд соли.
Трудовой наш отряд
Всем помог нам понять,
Кто из нас чего стоит.

Шефская помощь

Сверкают лужи на дороге.
Калитка. Ветхое крыльцо.
Сырая тряпка у порога.
Щеколды ржавое кольцо.

Ребята вытирают ноги,
Все не решат, кому стучать.
— Что скажем?
— Шефская подмога!
— Да, тише ты! Чего кричать?!

— Мы просто скажем: «Из отряда».
Поможем бревна распилить...
— А вдруг ей этого не надо?
Вдруг надо крышу починить?..

И видят — дверь уже открыта,
Старушка в беленьком платке.
— Смелей, сынки, в избу входите,
Простудитесь на сквозняке.

Прощальный костер

Завтра будем дома.
Позади пол-лета.
Будто стометровку
Пробежали дни.
Словно мы, задумчив
И вихрастый ветер,
И в густой осоке
Шепоток волны.

С неба прямо в руки
Стали звезды падать,
И трещит костер наш
Бивнями сучков.
Мы высокой дружбой
Спаяны в отряде.
Нам до Главных Строев
Несколько шагов.

СОКОЛИНАЯ ОХОТА

РАССКАЗ

Рисунки М. ЛИСОГОРСКОГО.

В первый раз он появился на нашем дворе ранней весной. Еще скворцы не прилетели. Смешной такой молчаливый мальчишка в зеленых штанах и коричневой вязаной кофте, похожей на женскую. Кофта ладно, но он и сам был похож на девчонку: большущие синие глаза с длинными ресницами, желтые, как перезрелый подсолнух, волосы и маленький, аккуратный нос. Чуть что, мальчишка опускал глаза и краснел так, что уши пылали. И голос у него был тоненький, девчоночий. Он никогда громко не говорил. Наверное, поэтому ребята с нашего двора часто перебивали его, не дослушав, и говорили что-нибудь свое. Слава — так звали мальчишку — не обижался и тут же умолкал, хлопая своими длинными ресницами. Сам он других никогда не перебивал.

Конечно, не зеленые штаны и вязаная кофта и даже не синие девчоночьи глаза поразили нас тогда, а совсем другое: на плече незнакомца сидел рябой с зеленоватым отливом сокол. Когтистые желтоватые лапы впились в шерстяную кофту, круглые темные глаза бесстрашно смотрели на нас. Загнутый хищный клюв покачивался совсем близко от глаз мальчишки.

Не каждый день в Ленинграде увидишь на плече такого же, как и мы, мальчишки настоящего, живого сокола! Мы вмиг забыли про все свои игры, окружили его и разинули рты. Честно говоря, мы даже и не знали, что это за птица: сокол, орел или коршун? Ясно, что хищная. Глаза, когти и клюв сами за себя говорили, а вот какой она породы, этого никто не знал. Наше удивление было столь велико, что сначала никто не произнес ни единого слова: все молчали и глазели на диковинную птицу.

Даже когда мальчишка вежливо сказал: «Здравствуйте!» — никто ему не ответил. Потому что мы тогда на него не смотрели, пожирали глазами хищника с загнутым

острым клювом и удивлялись, почему он преспокойно сидит на плече и не улетает. Раз или два он расправил свои огромные крылья и снова сложил.

Мальчишка улыбнулся, улыбка тоже у него была ясная, девичья, и сказал, что птица на его плече — настоящий сокол. Он ручной и может ловить птиц, как в старину охотились на пернатую дичь. Охота называлась соколиной. Теперь так почти никто не охотится. Разве что в азиатских степях. И то не с соколом, а с беркутом. Беркут — огромный орел, он может даже лисицу закогтить. А зайца схватить и поднять в воздух ему ничего не стоит.

И тогда мы все разом заговорили:

— Как зовут сокола?

— Где ты его достал?

— Не дерется он?

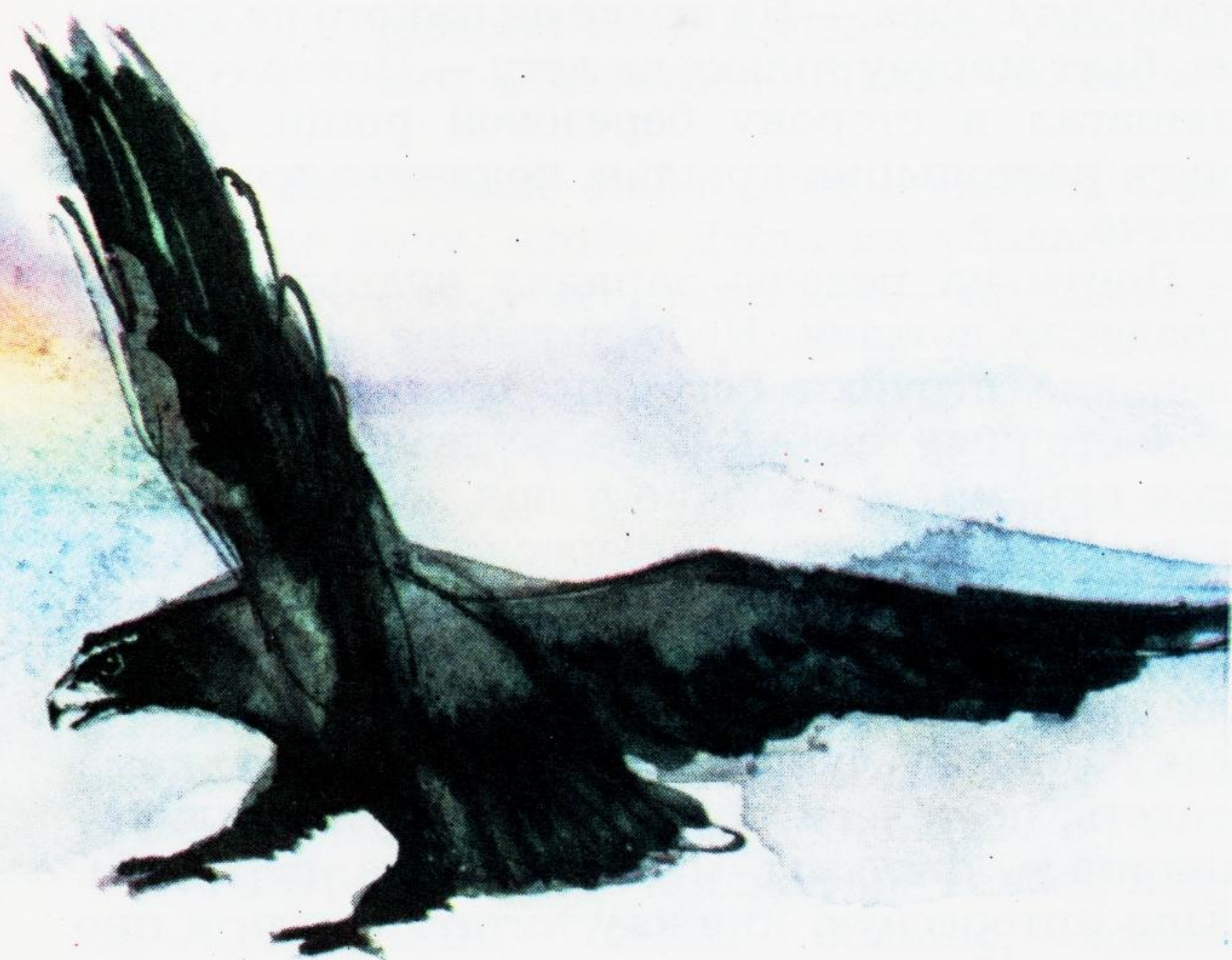
— Что он ест?

И еще мы ему задали кучу разных вопросов про сокола.

Мальчишка внимательно всех выслушал, улыбнулся и, попросив пропустить его, неспешно зашагал по тропинке к березовой роще, что виднелась сразу за строительной площадкой. Мы жили на окраине города, в новом микрорайоне. Березовая роща подступала вплотную к новому дому. А дальше начиналось большое овощное поле пригородного совхоза. За полем проходила железнодорожная ветка. По ней проносились электрички. Сначала слышался продолжительный густой свист, потом нарастал металлический грохот, и, наконец, меж белых берез весело мелькали длинные зеленые вагоны с блестящими окошками.

Мы оторопело смотрели вслед мальчишке. Почему он ничего нам не ответил? Лена Болдырева и еще кое-кто из ребят пошли было за мальчишкой, но Вовка Логинов, самый старший из нас, презрительно заметил:

— Пернатого хищника не видали? Сходите в

зоопарк, там не таких птиц увидите... Даже беркут есть. И гриф с голой шеей.

Одно дело — птицы в зоопарке, томятся в клетках, а другое — ручной сокол, которого можно пощупать, конечно, если он не клюнет. Однако Лена и остальные в нерешительности остановились. Не пошли дальше.

— Может, его папа в цирке работает? — спросил Сева Шихов.

— Они позавчера приехали, — сообщил Вовка. — Я видел, как у третьего подъезда машину разгружали.

— Может, у них есть и ручной слон? — спросил Сева. — Или тигр?

— Тигра не видел, — отмахнулся Вовка. — А вот шкаф, который еле наверх втащили, видел.

— В этом шкафу у них — зоопарк, — не унимался Сева.

— Иди, спроси у этого... охотника, — кивнул вслед мальчишке Вовка. — Больно смирный у него сокол-то.

— Смотрите! Полетел! — воскликнула Лена. — Как вертолет — сразу вверх.

И мы все увидели, как сокол, часто-часто взмахивая пестрыми крыльями, все выше взмывал в голубое небо. Потом из-за облака вышло солнце, и сокол, как пылинка, растворился в ослепительном луче.

Вовка Логинов где-то поймал сизого голубя и, привязав к красноватой лапе тоненькую бечевку, приучал его сидеть на плече. Но голубь попался бестолковый и все время норовил улететь. Он громко хлопал крыльями, задевая Вовку по уху, пытался подняться вверх, но бечевка натягивалась, и птица, трепыхаясь, падала на землю. Вовка злился и снова сажал сизаря на плечо, но все повторялось сначала. Лапа у него распухла, пальцы на ней растопырились, и он стал хромать.

Мы наблюдали за манипуляциями Логинова, нам было жалко голубя, но Вовку не переспоришь. Уж если он что вбил себе в

голову, то не послушается никого. Толстогубый, лобастый, с круглой коротко остриженной головой, он молча воевал с обессиленным голубем.

— Зачем ты его мучаешь? — спросила Лена. — Сокол ловит птиц, а что будет ловить твой голубь?

— Мышей, — ввернул Сева.

— Голубь — птица мирная, — сказала Лена. — Он никого не ловит. Видели, на картинках рисуют голубей с веточками в клюве?

— С веточкой... — усмехнулся я. — С оливковой ветвью. Голубь с оливковой ветвью — символ мира на земле.

Мой отец художник, он сам не раз рисовал голубей с оливковыми ветвями в клювах. И больших и маленьких. Одного такого голубя, нарисованного на плакате, я нес на первомайской демонстрации.

— И чего его рисуют художники? — с презрением глядя на сизаря, проворчал Вовка. — Глупая птица! Ничего не умеет делать. Только путается у прохожих под ногами.

Вовка снова посадил голубя на плечо, но лишь отпустил руку, как тот натянул бечевку и, уж в который раз нелепо махая крыльями, боком неловко приземлился на асфальтовую дорожку.

В этот момент из третьего подъезда вышел мальчишка в зеленых штанах и вязаной кофте. Сокол как пришитый сидел на его плече. В такт шагам он наклонял точеную головку то в одну сторону, то в другую. Рябые перья лоснились, круглые глаза остро поблескивали.

Забыв про Вовку и голубя, мы окружили мальчишку. Лена с опаской протянула тоненькую руку к соколу.

— Он не укусит? — спросила она.

— Укусит! — хмыкнул Сева. — Это же птица, а не тигр.

Однако сам держался в стороне, близко не подходил к соколу.

— Погладь, — разрешил мальчишка.

Лена осторожно дотронулась до глянцевых перьев хищника. Сокол даже не посмотрел в ее сторону. Темные с золотистым ободком глаза его были устремлены вдаль поверх ребячьих голов. На небо он не смотрел, только вперед, прямо перед собой.

Я тоже дотронулся до сокола, он и на меня не обратил внимания. Для красавца сокола мы, казалось, не существовали. Он не замечал нас. И вид у него был неприступный и гордый. Не то что у Володькиного голубя, который ковылял по асфальтовой дорожке, волоча за собой бечевку. Сокол даже не смотрел и на голубя.

— Твой сокол умеет охотиться? — подошел к нам Володька. Конец натянувшейся бечевки, к которой был привязан сизарь, он держал в руке.

— Джан — отличный охотник, — сказал Слава.

— А на кого ты с ним охотишься? — спросила Лена.

— Я не люблю охоту,— ответил он.
— Зачем же ходишь с ним в рощу?— поинтересовался я.
— Джан должен летать.
— А что он ест?— спросил Вовка.
— Сырое мясо.
— А птиц ест?— снова спросил Вовка.
— Мы три года жили в Средней Азии,— сказал Слава.— Джан охотился на кекликов.
— Кекликов?— удивилась Лена.— А кто это?
— Горные куропатки,— улыбнулся Слава.
— Почему же он не смотрит на моего жирного сизаря?— спросил Вовка, подтягивая поближе за бечевку голубя.
— Он не видит его,— заметил Сева.
Вовка взял голубя и поднес к самому клюву сокола. Тот, блеснув глазами, повернул голову в сторону и нахохлился.
— Никакой он не охотник,— рассмеялся Вовка.— Глядите, боится моего сизаря!
— Джан никого не боится,— спокойно ответил Слава.
— Почему же он его не съест?
— Я не люблю охоту,— повторил Слава. Синие девчоночьи глаза его поскущели.
— Ты не любишь!— рассмеялся весельчак Сева.— А он-то,— Сева кивнул на сокола,— любит?
— Скучно Джану здесь,— вздохнул Слава.— Тут разве небо? Неделями солнца не видно, а в Средней Азии солнце почти круглый год. И небо там совсем другое...
— Другое?— посмотрела на него Лена.
— Там жара,— заметил Сева.— Пустыня Сахара.
— Днем жара, а вечером хорошо...— продолжал Слава.— Как только солнце за белые горы зайдет, сразу становится прохладно. И ночь приходит сразу, а звезды большие и яркие. Здесь таких звезд не бывает.
— Там верблюды? Правда, что они плюются?
— Верблюды в горах не живут,— сказал Слава.— Много ишаков. Нагрузят на них мешки с арбузами и дынями, и ишака не видно... Маленькие, а сильные.
— Ты ездил на ишаках?— любопытно спросил я.— А я никогда не видел ишаков. Разве что на картинках.
— И на ишаках ездил, и на верблюдах,— ответил Слава.
— А на шакалах?— съязвил Слава Шихов.
— Шакалов я не видел,— спокойно сказал Слава.
— А кто охотился с Джаном?— спросил Вовка.
— Фарид, мой друг,— сказал Слава.— Он мне и подарил Джана, когда мы уезжали.
Вовка снова поднес к клюву сокола голубя. Голова Джана, будто на шарнире, повернулась в другую сторону.
— Врешь ты,— сказал Вовка.— Не охотник твой Джан.
— Сокол— благородная птица,— тихо про-

говорил Слава.— На земле он никого не трогает, бьет жертву только на лету.— Повернулся и зашагал в сторону березовой рощи. Джан, чуть растопырив крылья, покачивался на его плече.

Почти на неделю зарядил нудный ленинградский дождик. Небо лохматое, низкое, тоненькие струйки бегут по стеклам, журчат водосточные трубы, поют железные карнизы под окнами. А рабочие и под дождем строят дом. Еще два этажа выросло за это время. Березовая роща будто укуталась желтым дымком—это вылупились сережки и первые листья. В дождик во дворе нечего делать, в такую погоду лучше всего после школы дома сидеть, по телевизору смотреть мультипликационные фильмы и спортивные передачи. Еще интересную книжку читать, тогда и про дождь забываешь.

В один из таких серых дней ко мне пришел Вовка Логинов. Джинсы у него снизу мокрые и заляпаны грязью, на круглой голове топорщились короткие коричневые волосы. Нос и щеки мокрые. Зная, что моя бабушка не терпит беспорядка, Вовка тщательно поелозил подошвами по старому коврику, пригладил ладошкой мокрые волосы, но бабушка не обращала на него внимания. Она жарила на кухне пирожки с мясом. Аппетитный запах витал по квартире.

— Пирожок бы горяченький,— сказал Вовка, потянув носом и облизнувшись. Он знал, что моя бабушка мастерица жарить пирожки с мясом.

Я принес из кухни два поджаристых пирожка, и мы с Вовкой с удовольствием съели их.

— Не видел этого... Славку с Джаном?— спросил Вовка. Жирные пальцы он вытер о джинсы. Я для этого случая припас бумажную салфетку.

— Скучает по среднеазиатскому небу и по ишакам,— сказал я.— И Джан скучает.

— По верблюдам,— прибавил Вовка.

— По солнцу,— вздохнул я. По солнцу и я скучал. Было бы солнце на небе, не сидел бы я дома...

— По радио передавали, что завтра будет хорошая погода,— заметил Вовка.

— Могут и ошибиться.

— Сколько же дождю лить?— сердито глянул на окно Вовка.— Всемирный потоп... Во дворе можно в луже купаться.

— Искупался?

— Не,— сказал Вовка.— Вот увидишь, дождь кончится.

— Выпустил голубя?— помолчав, поинтересовался я.

— Я что придумал...— оживился Вовка.— Давайте завтра устроим соколиную охоту?

— Слава не любит охоту.

Уговорить Славу нам не удалось. Он наотрез отказался показать нам соколиную охоту. Напрасно Вовка старался, даже пообещал ему дать покататься на мопедке. Обычно Вовка

никому не доверял свой мопед. Мы уже и не просили у него покататься, знали, что бесполезно.

— В Ленинграде мало птиц,— сказал Слава.— Я не хочу, чтобы Джан их убивал.

— Моего голубя подкинем,— предложил Вовка.— Он все равно какой-то квелый. Не жилец на белом свете.

— Ты его замучил,— сказала Лена.

Солнце наконец засияло на чисто вымытом голубом небе, и ребята из нашего дома постепенно собрались на дворе. У гаражей ослепительно блестели большие лужи. Недавно посаженные молодые тополя свежо зазеленели, валявшийся на обочине осколок стекла пускал в глаза солнечные зайчики.

— Голубей в городе пропасть,— сказал Вовка.— Подумаешь, одним больше, одним меньше!

— В прошлом году ты кошку из рогатки подстрелил,— вспомнила Лена.

— Не насмерть ведь?— угрюмо посмотрел на нее Вовка.— Кошки—твари живучие.

— Я пойду,— сказал Слава и направился к роще.

— Можно я с тобой?— попросилась Лена.

Слава кивнул.

Нам тоже хотелось посмотреть, как будет летать сокол Джан, но помешала гордость. Нас не позвали, а набиваться в провожатые мы не хотели.

— Птичек ему жалко,— презрительно улыбнулся Вовка.— Было бы жалко—не держал бы в квартире гордого, свободолюбивого сокола. Джану нужны простор, небо, охота, а он раз в неделю выпускает его на полчаса полетать. И то когда птиц не видно.

Девочка подбежала и протянула соколу кусочек мяса. Джан даже не посмотрел на угощение.

— От чужих не берет,— сказал Слава.

— Я прочитал в одной книжке, что соколам надевали на голову колпачок,—сказал Сева.—Зачем это?

— Какой еще колпачок?—удивился я.

— Кожаный, чтобы глаза закрывал,—пояснил Сева.

Вовка промолчал, он тоже не знал, зачем надевают охотничьим птицам кожаные колпачки на головы.

— Наверное, чтобы не отвлекался,—предположил Сева.—Когда вверх подбрасывают, колпачок снимают.

Мы видели, как Слава подкинул Джана вверх и сокол рябым снарядам устремился в небо. Он набирал высоту, как реактивный самолет. Скоро мы потеряли его из виду. Но зато видели, как на опушке березовой рощи оживленно беседовали Слава и Лена. Глаза у девочки сияли, она даже за руку Славу взяла.

— Надаем ему по шее?—предложил Вовка. Ему не понравилось, что Лена пошла со Славой. А еще больше не понравилось, что она так весело с ним разговаривает. Мы знали, что Лена давно Вовке нравится. Впрочем, она нам всем нравилась. Лена длинная, тоненькая, с густыми каштановыми волосами. Глаза у нее большие и яркие. И в них мельтешат искорки, когда она улыбается. Лена занималась в музыкальной школе, и иногда кто-нибудь из нас тащил ее длинный черный футляр со скрипкой. Футляр мы таскали, но вот как играет Лена, никто из нас не слышал.

— Вызови его на дуэль,—усмехнулся Сева.

— Жалко ему показать людям, как охотится на птиц сокол,—проговорил Вовка.

— Наверное, это неинтересно,—сказал Сева.

— Птиц жалко,—заметил я.—Вот если бы напустить сокола на ворону?

— Ворона — тоже птица,—усмехнулся Сева.

— Я что-то придумал!—воскликнул Вовка.—Завтра мы увидим соколиную охоту!

Мы видели, как Слава с Джаном на плече вышел из третьего подъезда и пошел к березовой роще. Желтые волосы его сияли на солнце. Там, где кончался асфальт, начиналась травянистая тропинка. По краям ее ярко желтели одуванчики. На них то и дело садились пчелы и шмели. Скворцы осваивали новые домики на березах, что ближе к нашему дому. Это мы их сколотили в школе и установили здесь.

Когда Слава свернул на тропинку, из первого подъезда выбежала Лена. Не увидев во дворе никого из нас, она бросилась вслед за мальчишкой. Длинные каштановые волосы рассыпались по плечам.

— Слава-а!—закричала она.—Подожди-и!

Тот остановился. Сокол на его плече пошевелился и, взмахнув крыльями, снова замер. Запыхавшаяся девочка подбежала и протянула соколу розовый кусочек мяса. Тот даже не посмотрел на угощение.

— От чужих не берет,—сказал Слава.

— Дай ему сам.

Слава отрицательно покачал головой.

— Мясо свежее, из холодильника.

— Он сыт,—сказал Слава.

Лена разжала пальцы, и мясо упало на землю. На него тут же спикировала большая зеленая муха.

— Чужая...—грустно произнесла девочка.

— Джан только меня признает,—сказал Слава.—И Фарида, но Фарид далеко...

Мы затаили дыхание: они стояли в каких-то десяти метрах от нас. Я даже разглядел на точеной голове Джана темное пятнышко, по цвету отличающееся от остальных. Мы укрылись за ржавой кабиной покалеченного грузовика, валявшегося здесь, наверное, еще с тех пор, когда и дома-то нашего не было. Над головой шумели толстые березы. Молодая, пронизанная солнцем листва, казалось, дымилась на них. Пахло сырой землей и горькой осинкой. Вовка осторожно поднялся с земли и, сжимая голубя в правой руке, спрятался за березу.

Слава снял сокола с плеча, посмотрел ему в немигающие глаза и, вскинув руку, подбросил его вверх. В то же мгновение Вовка выскочил из-за ствола и швырнул сизаря в небо.

Сокол свечой уходил в голубое раздолье, очумелый голубь, казалось, погнался за ним. Он тоже круто набирал высоту, хотя у него это получалось не так красиво, как у сокола.

— Зачем ты это сделал?—смотрел на Вовку Слава. Синие глаза его стали совсем светлыми, почти такими же, как небо. Длинные ресницы подрагивали. Хотя Слава произнес эти слова тихим голосом, мы понимали, что он кипит от негодования.

Больше не прячься, мы с Севой тоже выбрались из-за грузовика.

— И вы тоже?—взглянул на нас Слава. Не знаю, как Севе, но мне почему-то стало неловко.

— Прятались, как воры,—сказала Лена.

Мы молчали. Нам нечего было сказать. Даже остряку Севе. Лишь Вовка ни на кого не обращал внимания: его голова была задрана вверх, глаза жадно устремлены на птиц. У Вовки даже рот приоткрылся, отчего вид у него стал глуповатый.

— Смотрите!—вырвалось у Вовки.—Сейчас ударит!

Стало тихо. Теперь все смотрели на небо. А там разыгрывалась трагедия. Оторвавшись от голубя, сокол на какое-то мгновение светлой точкой повис как раз над ним. Затем, сложив крылья, камнем стал падать вниз. Мы видели, как Джан слегка ударил голубя, будто дымок, закружились вокруг них маленькие перья. Сокол вместе с добычей падал на землю. Но это только так казалось. Падение было не столь стремительным, как атака. Над высокими березами Джан, широко распластав крылья, резко затормозил и плавно опустился рядом с мальчиком. Мертвый голубь был зажат в когтях. Другая лапа хищника с острыми когтями вцепилась в траву.

Слава взял окровавленного голубя, отнес его к грузовику и, опустившись на колени, закопал в сухих прошлогодних листьях. А руки вытер о белый ствол березы. На нас он не смотрел.

— Как он его,— произнесла Лена, будто очнувшись.— Как молния.

— Вы видели настоящую соколиную охоту,— заулыбался Вовка.— Я говорил, будет интересно.

Джан уже снова сидел у Славы на плече, когда он к нам подошел.

— Разве это охота?— сказал Слава.— Это убийство. Настоящая соколиная охота— это совсем другое.

Лицо у Славы было спокойное, но в синих посветлевших глазах что-то затаилось.

— Покажи нам настоящую соколиную охоту?— сказал Вовка.

— Мы не видели,— поддержал его Сева.

Я промолчал. Я не знал, хочется мне посмотреть на соколиную охоту или нет.

— Не надо, Слава,— сказала Лена.— Джан— хищник, и он должен убивать птиц, но на это смотреть... нехорошо.

Слава снял сокола с плеча, долго смотрел ему в круглые смелые глаза, потом негромко произнес:

— Прощай, Джан!

Подбросил его, повернулся к нам спиной и, не оглядываясь, зашагал к дому.

Сокол круто, спиралью, забирал вверх. Неожиданно он изменил траекторию полета, пронесся над нашими головами и снова взмыл ввысь. Слава не смотрел на небо, он медленно шагал по тропинке к нашему высокому серому дому. Тропинка кончилась, и он ступил на асфальт. В этот момент Джан снова спикировал вниз и затормозил лишь над самой головой мальчика, но тот не остановился. И тогда сокол, жарко поблескивая на солнце крыльями, пошел вверх. Не кругами, как обычно делают другие птицы, набирая высоту, а по прямой наклонной.

— Куда он теперь?— ни к кому не обращаясь, спросила Лена. Она растерянно смотрела вслед Славе.

— Кто?— спросил Вовка.

— Джан,— проговорила Лена.

— В Среднюю Азию,— сказал Сева.

— Такую птицу отпустил!— покачал головой Вовка.— Я бы никогда с Джаном не расстался.

— То ты,— сказала Лена.— А то он.

— Он верблюдов видел,— усмехнулся Вовка.

— И на ишаках катался,— ввернул Сева.

Никто не засмеялся. Нам почему-то не было смешно.

Глухо хлопнула дверь. Это Слава скрылся в своем третьем подъезде.

Мы все разом взглянули на небо, но сокола Джана уже не было видно. Зато солнце сияло вовсю, как всегда сияет долгожданное солнце после затянувшегося нудного дождя.

САМИ О СЕБЕ

Однажды, летней ночью...

Все ребята нашего аула, дети чабанов, в летние каникулы помогают своим отцам пасти овец на горных пастбищах.

А однажды мой приятель Рашид остался ночью один с отарой. Ему было тревожно, потому что в прошлые ночи около овец видели медведя. Правда, он быстро исчезал. Но кто знает, что он сделает в следующий раз. Помогала Рашиду управляться с отарой собака Сашка. И вот среди ночи Сашка вдруг зарычал, и мой приятель услышал шорох. Из темноты появился медведь. Рашид взялся за ружье. А Сашка сел перед непрошеным гостем на задние лапы и отчаянно залаял. Тут медведь бросился на Сашку, но тот увернулся. И тогда зверь кинулся к овцам. В это время Рашид выстрелил. Медведь упал. Долгое время Рашид не осмеливался подойти к неподвижно лежащему зверю. Наконец он понял, что медведь мертв.

Руслан МАГОМЕДОВ,
с. Хнов, Дагестанская АССР.

Моя любимая лошадь

Я часто катаюсь на коне Дизеле. Он очень старый, ему двадцать лет. Я его люблю, хотя все этого коня боятся. Говорят, что Дизель лягается и кусается. А меня он слушается. Летом я вывожу его на луг, где сочная и свежая трава. А если много оводов, я Дизеля купаю... Когда я спускаюсь на нем верхом хоть с самого малого холмика, конь замедляет свой ход, будто боится меня уронить. А я ему каждый день приношу леденцы.

Инна ГОРБАЩЕНКО,
д. Ляхи, Витебская область.

Рисунок В. ДЕЛБЫ.

Владимир ЖЕЛЕЗНИКОВ,
лауреат Государственной премии СССР

Всего-то несколько дней...

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в №№ 3, 4, 5.

Рисунки В. ДУДКИНА.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

— На следующий день после праздников я стирала платье,— снова начала свой рассказ Ленка.— Когда я бросила камень в Димкино окно, то упала в лужу и вся перепачкалась. Я стирала платье и все думала, думала про Димку. И вдруг поняла: ненавижу его!

Тут мне кровь как бросилась в голову, я влетела в комнату и стала хватать свои вещи, чтобы уехать. «Вот тогда он попляшет!.. Будет мне письма писать,— думала я,— а я ему не отвечу! Хоть десять писем в день, хоть сто штук! Ни за что не отвечу никогда!»

А сама носилась по комнате и хватала, хватала свои вещи и запихивала в портфель. И вдруг увидела в окно, что в наш сад вошел Димка!

Я схватила платье и выбежала в сад, вроде надо его высушить. Ну, в общем, выскочила в сад, вешаю платье, а у самой сердце, знаешь, как прыгало.

Димка подошел и остановился позади меня. Я сделала вид, что не слышу, что он стоит и дышит мне в затылок. Наконец не выдержала и оглянулась. Он стоял передо мной, низко опустив голову. Постоял так и выдавил:

«Ты знаешь, кто я?»

Я старалась изо всех сил быть спокойной, а главное, независимой. Такая гордая и неприступная! А когда он мне сказал: «Ты знаешь, кто я?» — то улыбнулась уголком рта, я же владела собой, хотя на самом деле я совсем не владела.

«Кажется, я тебя узнаю... Ты вроде бы Димка Сомов?..» — медленно отчеканила я, чтобы он не заметил, что у меня голос дрожит, потом взглянула на него, вижу, он волнуется больше меня.

«Если бы ты знала, кто я на самом деле, то не улыбалась бы и не шутила... — Он на секунду замолчал, а потом тихо-тихо произнес, одними губами прошептал: — Потому что я подлый!.. Самый подлый трус!..»

— Дедушка! — Ленка схватила Николая Николаевича за руку. — Как он это сказал, все лицо у него пошло пятнами, пятнами... Ярко-

красными!.. Как будто кто-то его раскрасил красной краской. Он прямо полыхал, а глаза метались, бегали в этом жутком пламени. «Ну,— подумала я,— тебя надо спасать, ты же погибнешь, ты же сгоришь в этом страшном огне».

«Ты трус? — говорю я ему. — Никакой ты не трус!.. Ты же у Вальки собак отбивал!.. Ты даже Петьки не побоялся!.. Ты же Маргарите всю правду выложил!..»

А он:

«Нет, нет, нет! Права Маргарита: я жалкий, последний трус. Ты говоришь, я сознался Маргарите?.. А знаешь почему?.. Потому что я хотел себе доказать, что ничего не боюсь. А я боюсь, боюсь... Подраться с кем-нибудь мне не страшно, а вот сказать всем правду я не могу. Подумал: скажу Маргарите, а в кино все выложу ребятам и докажу себе, что я не трус. А когда увидел их, чего-то вдруг испугался. Ну, успокоил себя, утром скажу, в школе... Сразу перед всеми ребятами и перед Маргаритой. И не буду ловчить и выкручиваться. А утром — приказ директора! И я опять струсил. Потом после приказа директора дождался, когда Маргарита ушла, и снова собрался... Нет, не смог. И потом, когда тебе бойкот объявили, тоже перетрухнул. А вечером с этой медвежьей мордой... Пришел к ребятам, чтобы им все рассказать, и... Нет, я подлец!..»

Он поднял на меня глаза. Дедушка, они были полны слез!

«Но теперь я всем-всем все скажу! — сказал Димка. — Вот увидишь! Ты мне веришь?..»

«Верю», — ответила я.

«А если веришь, потерпи!»

«Я потерплю».

«Я им все-все скажу,— продолжал Димка. — И тебя к ним отведу. Как только ты захочешь, так и отведу. Решишь и сразу приходи ко мне. Я буду ждать тебя. Придешь, Ленка?»

А я обрадовалась. «Приду,— говорю,— обязательно». И сама, дурочка, расцвела.

Димка подошел ко мне... и поцеловал! Представляешь — по-цело-вал! — произнесла Ленка по складам. — Ты не удивляешься?

— Удивляюсь,— быстро ответил Николай Николаевич.— Я очень удивляюсь.

— Вот и я удивилась! Говорит, что трус, а сам совершает такие отчаянные поступки. Ты мне ответь, должна была я после этого снова поверить в него?

— Должна была,— сказал Николай Николаевич.— И молодец, что поверила. Верить надо до конца.

— Когда он меня поцеловал, то я сначала засмеялась... А потом как окаменела. Может быть, я простояла бы так до утра, если бы не раздался крик Вальки.

«Попался Сомик!— заорал он.— Наконец-то!.. Пришел тебе конец!.. Можно играть похоронный марш... Та-ра-ра-ра,— завыл он, потом рассмеялся и крикнул:— Всем расскажу, что ты ходишь к Бессольцевой!» — А сам в это время стаскивал с веревки мое платье. Я рванулась к нему, а он отбежал. «Чучело, привет!..— и помахал моим платьем над головой.— Принесешь медвежью морду — получишь платье».

«Ну, гад!» — закричал Димка и бросился за Валькой.

Тот метнулся к забору, взобрался на него, лягнул Димку ногой и спрыгнул на ту сторону.

«Отдай платье!» — крикнул Димка.— А то получишь!»

«Плевал я на тебя!» — закричал Валька из-за забора.— Теперь ты у меня попляшешь. Теперь я всем расскажу, как ты около Чучела крутился!.. Ах, простите, извините, поцелуйчик мой примите!» — Он снова захохотал и скрылся.

«Не волнуйся,— сказал мне Димка. Он был как в лихорадке.— Я отберу платье! Скоро! Сегодня!.. Сейчас же!.. И всем все скажу! Все! Все! Всем!..»

Он сорвался с места.

«Подожди!» — закричала я.

Димка остановился, а я убежала и принесла медвежью морду.

«Я с тобой!» — сказала я.

«Нет, я сам.— Он вдруг совсем успокоился, лицо его стало прежним, давно мне знакомым.— Ты еще там испугаешься... А здорово твой дед снял с меня эту морду...» — Он взял у меня медвежью морду.

«Да, он ловкий», — сказала я.

Мне показалось, что мы с ним и не расставались, что никто не гонял меня по улице, не кричал: «Чучело и гадина», — не пугал медвежьей мордой...

«А он знает?..— спросил Димка.— Твой дедушка... про меня?»

«Что ты! Это же наш секрет», — сказала я.

По-моему, ему понравился мой ответ. Мы помолчали.

«Ну, жди меня», — решил наконец Димка, помахал мне на прощание медвежьей мордой — получилось смешно — и ушел.

Он шел к калитке легкой походкой человека, у которого хорошо на душе, ну как будто ничего его не мучает и не тяготит.

На меня напал страх. Я подумала, что зря отпустила Димку одного. «Ну,— думаю,— они Димку изобьют, ну,— думаю,— достанется ему на орехи».— И погнала следом за ним.

Димку я не догнала. Перед самым моим носом он нырнул в сарай, где собралась мироновская компания. Я нашла дыру в прогнившей стене и прижалась к ней. Подумала, что Димке без меня сознаться будет легче, а если понадобится — я рядом, тут же прилечу на помощь.

Они там были все в сборе и хохотали над Рыжим, прямо катались от смеха. Только Миронова с безразличным видом стояла в стороне и думала о чем-то своем.

А все из-за чего?.. Рыжий напялил мое платье, которое стащил Валька, и потешал их. Ну им и было весело.

Я тоже хихикнула, всегда смешно, когда мальчишки влезают в девчоночье платье.

А тут я услышала их крик:

«Ну ты артист, Рыжий!»

«Точно, Чучело!»

«Она — наша красавица!»

«Рот до ушей, хоть завязочки пришей!»

После этого я поняла, что Рыжий-то изображал меня: цеплялся ногой за ногу, падал, крутил головой, вытягивал шею и улыбался, растягивая губы до ушей.

— У него здорово похоже получалось,— с грустью сказала Ленка.— Ну, правда, он настоящий артист.

— Ну, а Димка-то что? — осторожно спросил Николай Николаевич.

Он давно уже не теребил Ленку, потому что ему было ясно и про Димку и про Ленку. Он знал, на что можно надеяться и на что надежда совсем плохая, и предвидел Димкину жалкую, ничтожную жизнь.

— Димка? Ничего,— ответила Ленка.— Вошел в сарай и остановился. Он, наверное, в последний раз думал, что он храбрый и что он не испугается.

— Чувствую, куда идет дело,— заметил Николай Николаевич и печально покачал головой.

— Ты больше меня не перебивай,— попросила Ленка, глаза у нее сузились, как будто она к чему-то присматривалась.— А то мне трудно будет... Скоро уже конец!.. Ты потерпи и послушай.

Димка вышел вперед. «Держи! — долетел до меня его срывающийся от волнения голос, и он бросил Вальке медвежью морду.— А ты, Рыжий, снимай платье».

Димка стал срывать с Рыжего платье. А тот оттолкнул его и крикнул:

«Ой, не трогай!.. Я боюсь щекотки!»

Все снова захохотали, потому что Рыжий подделался под мой голос.

Железная Кнопка, не меняя позы и не поворачивая головы в сторону Димки, сказала:

«Сомов, чем к Рыжему приставать, лучше скажи, где ты был сейчас?»

Димка сделал вид, что не слышал вопроса, что он очень увлекся спасением моего платья. Он за это платье хватался, как утопающий за соломинку.

«Хватит дурачиться, — говорит, — чужое платье разорвешь!» — И сильно рванул Рыжего на себя.

«Рыжий, он тебя обижает! Сделай ему больно, — кривлялся Валька. — Лягни его копытом».

Рыжий послушно ударил Димку. А Лохматый подскочил к ним сзади, и они вдвоем с Рыжим скрутили Димке руки.

Валька радостно заржал:

«Попался, Сомик!.. Ух, как хорошо! Ты что же не ответил Мироновой, где ты сейчас был?.. А?.. Железная Кнопка, он же тебе не ответил! Не желает. Ну скажи, скажи, Сомик, где ты был и что ты там делал? — Он хохотал и заливался. — Ребята, новость первый сорт!.. Сомик был у Чучела! — Он завизжал и закрутился на одной ноге, захлебываясь от восторга. — И знаете, что они делали?.. Целовались!»

«Целовались? — заинтересовалась Шмакова. — С Бессольцевой?.. С Чучелом?.. Не сочиняй, Валька!..»

«Так наклонился к Чучелу, — продолжал рассказывать Валька, — и чмок ее... в губки. — Он подскочил к Димке: — На два фронта работаешь?»

«Замолчи!» — крикнул Димка и попытался вырваться из рук Лохматого.

А подлый Валька воспользовался, что Димка беззащитный, и ударил его.

«Предатель! — говорит. Стукнул его еще раз, захохотал ему в лицо и произнес по слогам: — Пре-да-тель!»

«Я — предатель? — возмутился Димка. — Ах, ты, цкура, живодер несчастный! Ребята, знаете, чем занимается наш Валька?..»

«Заткни варешку, трепло!» — перебил его Валька и снова стукнул Димку — удобно драться, когда твоего противника держат за руки.

Тут Димка озверел, размотал Лохматого и Рыжего и саданул Вальку так, что тот пролетел через весь сарай и упал к ногам невозмутимой Железной Кнопки.

Валька здорово струхнул, а когда увидел, что Димка не бросился следом за ним, находчиво протер рукавом куртки туфельки Мироновой и, заглядывая ей преданно в глаза, сказал:

«Ты, Сомов, поосторожнее. Нас много, а ты один... Верно, ребята?.. Мы из тебя, знаешь, что сделаем?.. Котлетку!»

«Точно, котлетку!» — сказал Лохматый и сделал шаг к Димке.

«Конечно, котлетку!» — охотно подхватил Рыжий.

Сначала они втроем наступали на Димку, а потом к ним и Попов присоединился. Ему Шмакова приказала. — Представляешь: четверо на одного?

А Димка схватил здоровенный шест и, размахивая им, крикнул:

«Ну, подходите!.. Ну!.. Попробуйте!..»

Я от радости запрыгала, думаю, пока моя помощь Димке не нужна, вон он как с ними расправился. Знаешь, дедушка, как я тогда обрадовалась — Димка стал прежним. Ты бы видел их лица!

Он поднял палку над головой и крикнул: «Ну, подходи». А они боятся — ни с места!.. А он стоит с палкой, как будто у него в руках меч: «Ну, попробуйте!»

Ленка звонко рассмеялась, лицо ее неожиданно расцвело, глаза заискрились. И Николай Николаевич, глядя на Ленку, улыбнулся: до чего же она прекрасна, как она умеет сильно любить и как умеет даже в падшем человеке заметить мгновение его величия.

— Димка стал наступать на них, — продолжала Ленка. — Наступал, наступал... А они пятились, пятились... И Димка оказался перед Железной Кнопкой!.. Она загородила ему дорогу.

«Отдай палку!» — приказала Миронова.

«Герои! — презрительно сказал Димка. — Спрятались за девчонку!» — Он бросил палку к ногам Железной Кнопки.

Валька подскочил и на всякий случай тут же схватил ее.

И в это время между Мироновой и Димкой произошел разговор, который я никогда не забуду, который решил все. Ну не вообще, а для меня все. Понимаешь?

«Ты что у нее делал?» — спросила Миронова.

«Что хотел, то и делал», — ответил Димка.

«Скажи, какой храбрец!» — вмешался Валька. Он вертел палкой и кружился позади Димки.

«Ты пожалел ее?» — продолжала свой допрос Миронова.

«Предположим, пожалел».

А Миронова ему:

«Эх ты, хлюпик!»

Жестко так, жестко сказала и с отвращением отвернулась от него.

И тут Димка набрался наконец храбрости:

«Ну, а если это сделала не она?»

Миронова его добила:

«Манная ты каша с киселем!» — И коротко засмеялась, как щелкнула кнутом.

Димка сорвался со своего голоса и вдруг бухнул:

«Ну, а если это сделал я?!» — И с вызовом улыбнулся, оглядывая всех.

«Ты?!» — Впервые за все это время Железная Кнопка явно удивилась и внимательно посмотрела на Димку. — Это уже любопытно!»

Они сразу на него набросились, окружили, затанцевали вокруг, запрыгали.

Валька заорал с восторгом:

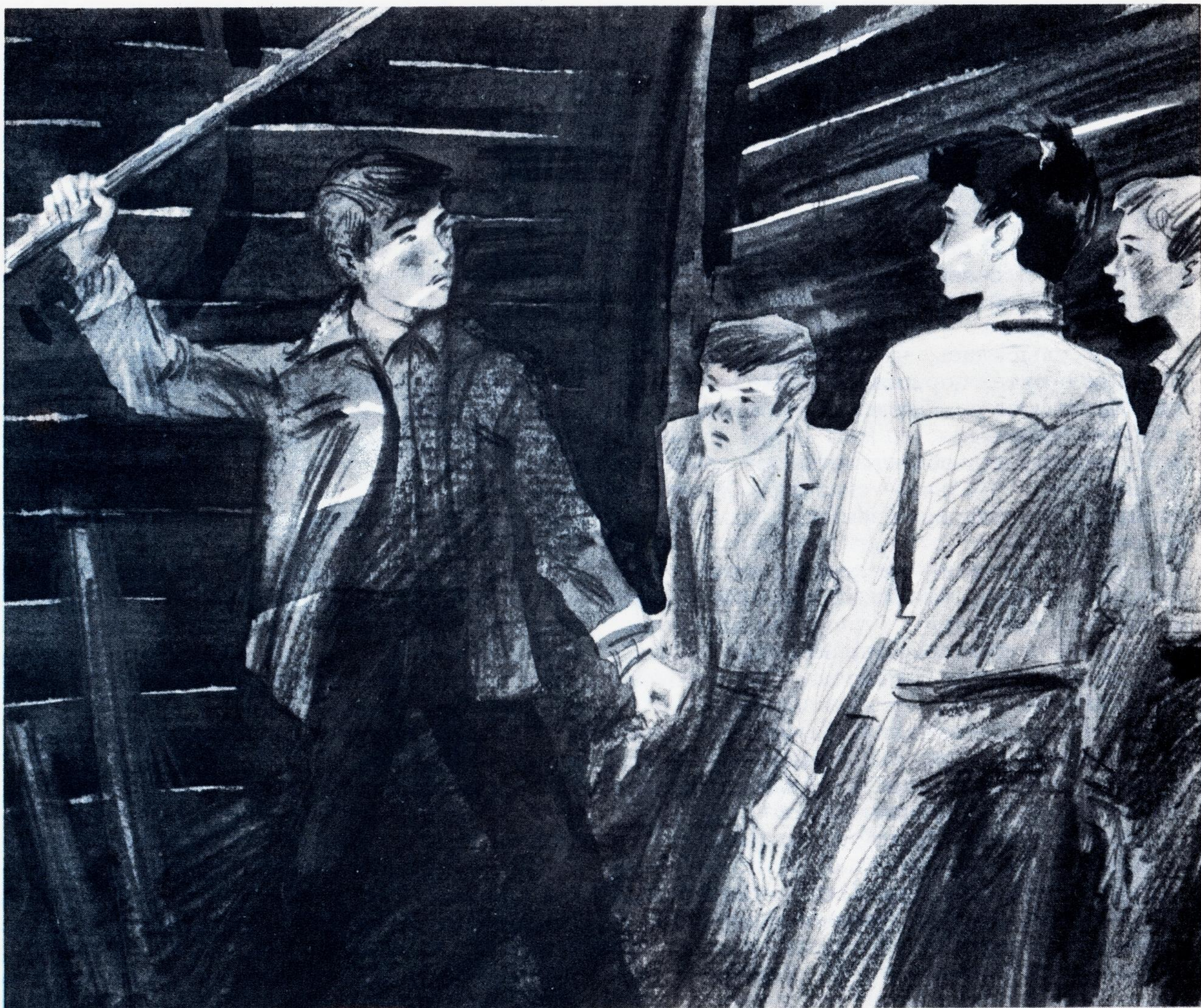
«А вдруг правда — он!»

А Шмакова:

«А что, вполне возможно!»

А Попов:

«И еще как!»

А Лохматый:

«Тогда нам тебя жаль!»

А Рыжий:

«Вот будет подарочек главному хирургу товарищу Сомову!..»

«И эта дурочка Бессольцева его покрывала!..» — догадалась Железная Кнопка.

Наступила тишина — все молча смотрели на Димку.

Он как-то криво ухмыльнулся. Его лицо меня испугало, может быть, он еще сам не знал, что он сделает в следующий момент, а лицо уже стало, как в классе, когда глаза у него побелели от страха.

«И пошутить, — говорит, — нельзя». — А сам засуетился, заулыбался. — Шутки не понимаете».

Миронова и не понимала таких шуток.

«Ты мне в глаза, — говорит, — в глаза смотри!»

Димка оттолкнул ее, он не захотел смотреть ей в глаза.

«Отстань!.. Я же сказал, это шутка. — Он неестественно рассмеялся. — Шутка!» И вдруг весело подмигнул всем.

А меня как обухом по голове, как подмигнул

Димка схватил здоровенный шест и, размахивая им, крикнул: «Ну, подходите! Ну!.. Попробуйте!»

он им, все поплыло перед глазами и голова закружилась.

А Железная Кнопка кричала свое:

«Ты мне в глаза смотри!..»

Лохматый сжал Димкину голову ладонями, чтобы он ею не вертел, чтобы Железная Кнопка могла заглянуть ему в глаза.

А все старались перекричать друг друга:

«Ты пульс, пульс, Миронова, у него послушай!..»

«Попался, Димочка! — сказала Шмакова. — Теперь выкручивайся!»

И вдруг они все одновременно пошли на Димку.

Я бросилась в сарай, чтобы он увидел меня, чтобы не боялся, что он один. Я даже про подмигивание его в тот момент забыла.

Они его прижали к стене — мне его не было видно, только долетал из свалки его захлебывающийся голос:

«Вы обалдели!.. Я решил... помочь... Бессольцовой... Ее жалко... Вы что, не люди?»

Я кусалась, царапалась, пока не добралась до него. Думала, он еще не пропал, раз жалел меня, думала, его еще можно спасти!

Я дралась и вопила:

«Пустите меня! Пустите!»

«Смотрите, Чучело!—почему-то шепотом произнес Рыжий.—Сама пришла?»

«Сама»,—сказала я.

«И не боишься?»—спросил Лохматый.

«Не боюсь.—Я повернулась к Димке, улыбнулась ему и сказала:—Я не могла больше тебя ждать—вот и пришла».

Димка молчал.

Я ему улыбалась, чтобы подбодрить его, улыбалась до тех пор, пока он тоже не разжал губ. Жалко так улыбнулся, но все-таки...

Валька захохотал:

«По-моему, они объясняются в... дружбе».

«Подожди, Валька,—сказала Железная Кнопка.—Бессольцева, зачем к нам пришла?...»

Я ей не ответила—не хотела ничего сама говорить, хотела, чтобы Димка. Но Димка продолжал молчать.

«Давайте устроим им очную ставку,—предложила находчивая Шмакова.—Это же очень интересно».

«Бессольцева,—начала Железная Кнопка,—так кто же из вас предатель?..—Она перевела взгляд с меня на Димку, потом с Димки на меня.—Ты или Сомов?..»

Я посмотрела на Димку и сказала:

«Конечно... я».

«Ребята!—заорал во весь голос Рыжий.—Она прибежала просить прощенья!.. Я догадался! Я умный!..»

«Допекли!—понеслось с разных сторон.—Наконец-то!»

«Так я и думала,—сказала Железная Кнопка.—Сомов ее пожалел. Я же говорила, он хлюпик.—Она повернулась ко мне—лицо ее запылало справедливым гневом.—Ну, что же ты молчишь? Падай на колени!.. Кайся!.. А мы послушаем! Может быть, ты нас так разжалобишь, что и мы тебя простим».

Я подождала, пока она замолчала, и сказала Рыжему:

«Снимай платье!»

«Пожалуйста,—заторопился Рыжий. Он снял платье и протянул мне.—На...»

А когда я хотела его взять, кинул через мою голову Лохматому. Ничего не понимая, я бросилась к Лохматому, а он подразнил меня платьем, покрутил им перед моим носом и перекинул Вальке... И понеслось по кругу!

Валька—Шмаковой, Шмакова—Попову, тот еще кому-то... И каждый дразнил меня.

Быстрее, быстрее!

Мне стало жарко, я носилась как угорелая, и прыгала, и хватала их за руки, но платье перехватить не могла.

Быстрее, еще быстрее!

Передо мной мелькал круг из их лиц, а я носилась в нем точно белка в колесе.

Мне надо бы остановиться и уйти, наплевать

на это платье и на них на всех наплевать, но я, как последняя дурочка, металась между ними, старалась их победить. Не ради себя, ради Димки.

И вдруг кто-то из круга бросил платье Димке, и тот поймал его. Я почувствовала, как все они напряженно затихли.

Миронова сказала:

«Вот вам и очная ставка. Наконец-то мы узнаем всю правду!..»

Я подошла к Димке, протянула руку за платьем и улыбнулась ему:

«Ну, пошли?.. Поговоришь с ними в другой раз...»

Он не двинулся с места и платье мне не отдал, но улыбнулся в ответ. И я ему раз улыбнулась, а руку все время держала протянутой... Так мы стояли и улыбались друг другу.

И вдруг... он швырнул платье через мою голову!

Я совсем растерялась, просто не поняла, что произошло, открыла рот с глупой своей улыбочкой и следила, как мое платье, совершив точно намеченную траекторию полета, упало в руки самой Железной Кнопки.

«Ура-а-а!»—заорали все.

«Молодец, Сомов!»—похвалила его Железная Кнопка.

И тут я ударила Димку по лицу! Дедушка!.. Я ударила Димку по лицу вот этой рукой!—Ленка протянула руку Николаю Николаевичу.—А лицо, когда по нему бьешь,—мягкое и теплое... Я до сих пор помню его на своей ладони. Как будто держишь в руке бьющуюся птицу.

В горестном и немом удивлении смотрела Ленка на свою руку, и тело ее вздрагивало от каких-то невидимых ударов, причинявших ей острую, живую боль.

Николаю Николаевичу стало настырно стыдно. Ведь он тоже ударил. И кого—Ленку! Ведь всякому было понятно, что картину она не продаст. Тоже сорвался!

—Ты меня, Елена, прости...—Николай Николаевич дотронулся до щеки.—Никогда никого не бил. Твоего отца вырастил—пальцем не тронул.—Он показал на стены, увешанные картинами.—И все из-за этого.—Виновато улыбнулся.—А ты будь милосердна к падшему.

—А я тебя уже давно простила,—сказала Ленка.

И Николай Николаевич сокрушенно подумал, что даже на старости лет вполне разумный человек вроде него совершает непоправимые ошибки.

—«Хватайте ее!»—приказала Железная Кнопка.—И тащите в сад!—Она размахивала моим платьем.—Ждите нас там. Мы скоро!»

Мальчишки набросились на меня. Я ляглась и дрыгалась изо всех сил, но они меня скрутили и вытащили в сад.

Железная Кнопка и Шмакова выволокли чучело, укрепленное на длинной палке. Сле-

дом за ними вышел Димка и стал в стороне. Чучело было в моем платье, с моими глазами, с моим ртом до ушей. Ноги сделаны из чулок, набитых соломой, вместо волос торчали пакля и какие-то перышки. На шее у меня, то есть у чучела, болталась дощечка со словами: «ЧУЧЕЛО — ПРЕДАТЕЛЬ».

Ленка замолчала и как-то вся угасла.

Николай Николаевич понял, что наступил предел ее рассказа и предел ее сил.

— А они веселились вокруг чучела, — сказала Ленка. — Прыгали и хохотали:

«Ух, наша красавица-а-а!»

«Дождалась!»

«Я придумала!.. Я придумала!.. — Шмакова от радости запрыгала. — Пусть Димка подожжет костер!..»

После этих слов Шмаковой я совсем перестала бояться. Я подумала, если Димка подожжет, то, может быть, я просто умру.

А Валька в это время — он повсюду успевал первым — воткнул чучело в землю и насыпал вокруг него хворост...

«У меня спичек нет», — тихо сказал Димка.

«Зато у меня есть!» — Лохматый всунул Димке в руку спички и подтолкнул его к чучелу.

Димка стоял около чучела, низко опустив голову.

Я замерла — ждала в последний раз! Ну, думала, он сейчас оглянется и скажет: «Ребята, Ленка ни в чем не виновата... Все я!..»

«Поджигай!» — приказала Димке Железная Кнопка.

Я не выдержала и закричала:

«Димка! Не надо, Димка-а-а-а!..»

А он по-прежнему стоял около чучела — мне была видна его спина, он ссутулился и казался каким-то маленьким.

«Ну, Сомов! — сказала Железная Кнопка. — Иди же наконец до конца!..»

Димка упал на колени и так низко опустил голову, что у него торчали одни плечи, а головы совсем не было видно. Получился какой-то безголовый поджигатель. Он чиркнул спичкой, и пламя огня выросло над его плечами. Потом вскочил и торопливо отбежал в сторону.

Я, не отрываясь, смотрела на пламя костра. Дедушка! Я почувствовала тогда, как этот огонь охватил меня, как он жжет, печет и кусает, хотя до меня доходили только волны его тепла.

Я закричала, я так закричала, что они от неожиданности выпустили меня.

Когда они меня выпустили, я бросилась к костру и стала расшвыривать его ногами, хватала горящие сучья руками — мне не хотелось, чтобы чучело сторело. Мне почему-то этого страшно не хотелось!

Первым опомнился Димка.

«Ты что, очумела? — Он схватил меня за руку и старался оттащить от огня. — Это же шутка! Ты что, шуток не понимаешь?»

Я сильная стала, легко его победила. Так

толкнула, что он полетел вверх тормашками — только пятки сверкнули к небу. А сама вырвала из огня чучело и стала им размахивать над головой, наступая на всех. Чучело уже прихватилось огнем, от него летели в разные стороны искры, и все они испуганно шарахались от этих искр.

«Куртку сожжешь, — запищала Шмакова. — Будешь отвечать!»

А другие кричали:

«Так ей и надо! Предатель!..»

«Вот чумовая!»

«Братцы — по домам!..»

Они разбежались.

А я так закружилась, разгоняя их, что никак не могла остановиться, пока не упала. Рядом со мною лежало чучело. Оно было опаленное, трепещущее на ветру и от этого как живое.

Сначала я лежала с закрытыми глазами. Потом почувствовала, что пахнет паленым, открыла глаза — у чучела дымилось платье. Я прихлопнула тлеющий подол рукой и снова откинулась на траву.

Потом до меня долетел голос Железной Кнопки.

«Ты что остановился? — спросила она кого-то. — Тебе опять ее жалко?..»

Я подняла голову и увидела Миронову и Димку.

Помню, в этот момент мне показалось, что я сижу в глубоком-глубоком колодце, а Миронова говорит где-то над моей головой. Голос у нее был резкий и больно ударял по ушам.

«Все-таки, — говорит, — ты малодушный человек. Она же предатель! Понимать это надо».

Послышались хруст веток, удаляющиеся шаги, и наступила тишина.

Не знаю, сколько я так пролежала, может, час, а может, и минуту, только я почувствовала, что кто-то следил за мной. Я оглянулась и снова увидела в зарослях Димку.

Дедушка, знаешь... — сказала Ленка печальным голосом. — Я пришла на костер одним человеком... А встала с земли навстречу Димке совсем другим... Вот тогда-то я и подумала, что моя жизнь кончилась.

— А Димка-то что? — еле слышно прошептал Николай Николаевич.

— А Димка?.. Он был такой, как всегда! Ну точно ничего не произошло. Стоял передо мной аккуратный, чистенький, от костра раскраснелся. «Они будут валяться у тебя в ногах, — говорил он. — Я заставлю их это сделать!»

Я начала снимать платье с чучела. Оно было прожжено в нескольких местах. Когда я стаскивала его, то обожглась. Не заметила, что солома под платьем все еще тлела. Я крикнула от боли. Видик у меня был, наверное, жалкий, потому что Димка так расхрабрился, что протянул руку и дотронулся до моей щеки.

«У тебя кровь».

Я отскочила от него как ужаленная:

«Не трогай меня!.. Не смей!»

— Ну и правильно сделала,— сказал Николай Николаевич.— Я бы на твоём месте тоже больше ему, не поверил.

— Дедушка, я подумала, почувствовала, что если он до меня дотронется, то это будет так больно, как огнем. Не могла я больше с ним стоять ни одной минуты, и не знала, куда мне идти, и не хотела никого видеть... Пошла через кусты к реке, нашла старую перевернутую лодку, забралась под нее и долго сидела там на холодном и мокром песке.

— Плакала?— спросил Николай Николаевич.

— Угу,— ответила Ленка.— На мокром песке слез не видно.

— А я тогда все обегал. Думал, куда пропала девка?

— Я слышала, как ты меня звал, но я не могла вылезти. Может, я оттуда никогда бы не вылезла, если бы ко мне не вползла какая-то собачонка. Жалкая такая, хуже меня. Она стала лизать мне руки, и я поняла, что она голодная. Вот и вылезла, привела ее домой и покормила.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

— На следующее утро надо было идти в школу. Каникулы кончились. Но я сходила домой к Маргарите, узнала, что она не приехала, и не пошла.

Целый день я просидела на пристани, смотрела на реку и караулила Маргариту. У меня прямо глаза устали от смотрения, пришла одна «Ракета», потом вторая, а Маргариты все не было и не было.

Потом, наконец, я ее увидела.

Сначала на берег спрыгнул мужчина. Он протянул кому-то руку... И появилась Маргарита. Она сошла с катера, как королева с раззолоченного трона. Красивая-красивая, она в сто раз стала красивее за эту неделю. Я издали помахала ей рукой.

Они были уже совсем близко от меня, но меня не заметили. Смотрели друг на друга и ничего вокруг не видели. Я обогнала их и медленно пошла навстречу...

Теперь они шли рядом и снова прошли мимо меня и не заметили.

Так я провожала их до самого дома.

На следующее утро я все-таки пришла в школу. Нарочно вошла в класс после звонка, вслед за Маргаритой...

Когда я появилась в дверях, все повернули головы в мою сторону, как заводные куклы. Кто-то невидимый дернул веревочку, и они одновременно повернулись: мелькнуло на смерть перепуганное лицо Димки, ехидное — Шмаковой, суровое — Железной Кнопки... а я уставилась на Маргариту.

«Здравствуйте,— говорю,— Маргарита Ивановна».

А сама жду, дрожу, что она сейчас спросит про бойкот. А я ей отвечу: «Вы не меня спрашиваете, а их...» Это я так заранее придумала ответ. И начнется...

А Маргарита мне:

«Здравствуй, здравствуй, Бессольцева... Что ты начинаешь новую четверть с опоздания? Нехорошо. Проходи».— И склонилась к журналу.

Я подошла вплотную к учительскому столу и остановилась — ждала, когда же она посмотрит на меня.

Наконец она подняла глаза, увидела, что я стою, и спросила:

«Ты что-то хочешь сказать?..»

«Я вас так ждала, Маргарита Ивановна»,— ответила я.

«Меня?— удивилась Маргарита.— Спасибо. Но... почему это вдруг?»— И, не дождавшись ответа, она встала, подошла к окну и помахала кому-то рукой.

Все девчонки тотчас это заметили и высыпали к окну.

«Муж, муж, муж»,— понеслось по классу.

«Займемся делом.— Маргарита перехватила мой взгляд.— Ты что уставилась на меня, Бессольцева?.. Я что, так изменилась?..»

«Нет, не изменились... Просто я рада, что вы приехали»,— ответила я.

Она молчала, в лице у нее уже появилось нетерпение — вот, думает, дурочка с приветом, привязалась.

А я свое:

«Вы когда уезжали, сказали нам: «Вот я вернусь!..» — Последние слова я почти крикнула.

«Тогда я на вас рассердилась»,— сказала Маргарита.

Я радостно закивала головой: ну, думаю, началось...

«А сейчас,— Маргарита весело махнула рукой,— вы уже и так наказаны, а кто старое помянет, тому глаз вон!..— Она рассмеялась:— Садись, Бессольцева, на свое место и начнем занятия».

«Я не сяду!»— крикнула я.

Маргарита подняла брови дугой, мол, что это еще за фокусы.

«Я уезжаю,— говорю,— навсегда. Просто зашла попрощаться».

Посмотрела на всех — значит, все-таки они меня победили. «Все равно,— подумала,— никогда ничего не скажу сама». Но от этого мне стало грустно. Так хотелось справедливости, а ее не было! И чтобы не зареветь перед ними, выбежала из класса.

«Бессольцева, подожди!»— позвала меня Маргарита.

Но я не стала ее ждать. А чего мне было ее ждать, если она не захотела во всем разобраться, если Димка предал меня сто раз и если я решила уехать... Дедушка! Ты же видишь, я все вытерпела, все-все!..

— Ты молодец,— сказал Николай Николаевич.

— Костер вытерпела,—продолжала Ленка.—Думала, дождусь Маргариты и наступит справедливость. А она вернулась—и ничего не помнит.

— Замуж вышла,—сказал Николай Николаевич.—От счастья все и забыла.

— А разве так можно?—спросила Ленка.

— Бедные, бедные люди!..—Николай Николаевич замолчал и прислушался к веселой музыке, которая по-прежнему доносилась из дома Сомовых.—Бедные люди!.. Честно тебе скажу, Елена, мне их жалко. Они потом будут плакать.

— Только не Железная Кнопка и ее дружки,—ответила Ленка.

— Именно они и будут рыдать,—сказал Николай Николаевич.—А ты молодец. Я даже не предполагал, что ты у меня такой молодец.

— Никакой я не молодец,—вдруг сказала Ленка, и в глазах ее появились слезы.—Послушай, дедушка!.. Я хочу признаться...—Она перешла на шепот:—Я тоже, как Димка... предатель!.. Ты не улыбайся. Сейчас узнаешь, кто я, закачаешься!.. Я тебя предала!—Ленка в ужасе и страхе посмотрела на Николая Николаевича и проговорила, с трудом выталикивая слова:—Я тебя стыдилась... что ты ходишь... в заплатках... в старых калошах... Сначала я этого не видела, ну, не обращала внимания. Ну, дедушка и дедушка. А потом

Ленка нашла старую перевернутую лодку у реки, забралась под нее и долго сидела там на холодном и мокром песке.

Димка как-то меня спросил, почему ты ходишь, как нищий... Над ним, говорит, из-за этого все смеются и дразнят Заплаточником. Тут я присмотрелась к тебе и увидела, что ты на самом деле весь в заплатках... И пальто, и пиджак, и брюки... И ботинки чиненные-перечиненные, с железными подковками на каблучках, чтобы не снашивались.

Ленка замолчала.

— Ты думаешь, что я бросилась на Димку с кулаками, когда он мне это сказал? Думаешь, встала на твою защиту? Думаешь, объяснила ему, что ты все деньги тратишь на картины?.. Нет, дедушка! Нет!.. Не бросилась! Наоборот, начала тебя стыдиться. Как увижу на улице—шмыг в подворотню и провожаю глазами, пока ты не скроешься за углом. А ты, бывало, идешь так медленно... Цок-цок железными подковками при каждом шаге... Видно, думаешь о чем-то своем и вид у тебя одинокий, как будто тебя все бросили.

— Неправда,—сказал Николай Николаевич,—у меня вид величественный. Я на людях—всегда грудь колесом.

— Но ведь я исподтишка за тобой следила, ты же не знал, что тебе надо делать грудь

колесом,—виновато сказала Ленка.—Получается, вроде нож в спину?..

— Фантазерка ты!—Николай Николаевич быстро нагнулся и стал перевязывать шнурок на ботинке.

Ему захотелось спрятать от Ленки глаза, которые совсем по непонятной для него причине (впервые за последние десять лет) наполнились слезами. Раньше он, бывало, плакал, когда терял на фронте друзей, когда хоронил жену, а последние десять лет он этого за собой не замечал.

— Послушай, дедушка!—Ленка в ужасе вся подалась вперед.—А может быть, ты когда-нибудь замечал, что я от тебя прячусь?

— Не замечал я этого,—твердо ответил Николай Николаевич и выпрямился.—Ни разу не замечал.

— Замечал, замечал!.. А я еще думала, что я милосердная. А какая я милосердная, если тебя стыдилась?..—И произнесла, словно открыла для себя страшную истину:—Значит, если бы ты действительно был нищим, оборванным и голодным, то я бы тогда просто убежала от тебя?

Эта простая и ясная мысль совершенно потрясла Ленку.

— Предательница я, говорю тебе, предатель-ни-ца!.. Мало они меня еще гоняли!..

— Да ничего мне не было обидно. Ну, разве что совсем немножко,—ответил Николай Николаевич.—Я всегда знал, что пройдет время и ты меня отлично поймешь. Неважно когда... Через год или через десять лет, уже после моей смерти. И не казни себя за это.

Вот у меня есть фронтовой товарищ. Старый человек, а тоже не сразу меня понял. Приехал он ко мне в гости и стал кричать, что я позорю звание офицера Советской Армии, хожу оборванцем хуже хиппи. «Как,—говорит,—ты мог так низко опуститься? У тебя пенсия большая, на жизнь хватает. Народ тебя кормит и поит, а ты его позоришь!.. Бери,—говорит,—пример с меня». Сам он чистенький-чистенький, одет как с иголочки. Психовал, бушевал.

А тут как раз ко мне приехали две сотрудницы краеведческого музея и стали уговаривать продать им портрет генерала Раевского. «Мы заплатим вам две тысячи рублей».

Мой товарищ для интереса спросил:

«Это что же, в старых деньгах две тысячи заплатите?..»

«Почему в старых?—ответили барышни из краеведческого музея.—В новых две тысячи, а в старых—двадцать».

Мой товарищ прямо со стула стал падать, глаза у него на лоб полезли.

Ну, я им, конечно, отказал. Они уехали. А товарищ ругал меня и все подсчитывал, что я мог бы на эти деньги купить и на курорт поехал бы, чтобы здоровье поправить...

Я ему объясняю, что не имею права этого делать, что эти картины принадлежат не только мне, а всему нашему роду: моему сыну, тебе, твоим будущим детям!..

Он опять в крик:

«Тоже мне, столбовые дворяне!»

«Крепостные,—сказал я ему.—Художник Бессольцев был крепостным помещика Леонтьева. А ты велишь его картины продавать».

Тут мой товарищ смутился, покраснел, хлопнул дверью и ушел. Через час вернулся и протянул мне сверток.

«Не обижайся, старина, однополчанин может и помочь своему другу».

Я развернул сверток, а там новое пальто. Примерил я его, похвалил, сказал ему спасибо. А когда он уехал, пошел в универмаг, сдал пальто и отправил ему деньги. Ну, думал, он меня разнесет за это. Ничего подобного, все понял и извинился.

— Дедушка, ты не думай,—вдруг сказала Ленка.—Я полюбила твои картины. Очень. Мне от них уезжать трудно.

— Значит, ты как я,—обрадовался Николай Николаевич.—Ты обязательно сюда вернешься.

— И многим другим твои картины нравятся.—Ленка улыбнулась Николаю Николаевичу и сказала его словами:—Честно тебе говорю.

— Ты о ком это?—с любопытством спросил Николай Николаевич.

— Однажды заходил Васильев... «У вас как в музее,—говорит.—Жалко, что никто этого не видит».

— А ты что?..

— Как не видит, говорю. Эти картины многие смотрели... И многие еще будут смотреть.

— Это ты верно ему ответила.—У Николая Николаевича был вид человека, который решился на какой-то отчаянный шаг.—Ты даже не представляешь, Елена, как ты ему верно ответила!

На улице уже стемнело. И в комнате было сумеречно, но ни Ленка, ни Николай Николаевич не зажигали огня.

Ленка продолжала собираться в дорогу. Она светлым пятном передвигалась по комнате, складывая вещи в чемодан. Признание, которое она, отчаявшись, сделала дедушке, несколько не успокоило ее, наоборот, еще больше обострило в ней чувство непрошедшей обиды. Ленке казалось, что эта обида будет жить в ней не месяц, не год, а всю-всю жизнь, такую долгую нескончаемую жизнь.

Быстрее отсюда! Из этих мест, от этих людей.

У соседей по-прежнему гремела музыка. Это подстегивало ее метания по дому.

Потом Димкины гости вышли на улицу, и Ленка услышала их возбужденные голоса. Они кричали и радовались тому, что Димкин отец катал их по очереди на своих новеньких «Жигулях». А Димка командовал, кто поедет первым, а кто вторым.

Им было весело, они были все вместе, а она тут одна—загнанная в мышеловку мышь. И они были правы, а она—виноватая!

Может быть, ей надо выйти и крикнуть все

про Димку, и он остался бы один, а она была бы вместе с ними?!

Но тут же в ней возникало яростное сопротивление, неподвластное ей, не позволяющее все это сделать. Что это было? Гордость, обида на Димку?.. Нет, это было чувство невозможности и нежелания губить другого человека. Даже если этот человек виноват.

Она кидала в чемодан одну вещь за другой, потому что сборы эти были для нее единственным спасением.

Именно в этот момент на пороге комнаты бесшумно выросла темная фигура, и мальчишеский голос произнес:

— Здрасьте!

Николай Николаевич зажег свет — перед ними стоял Васильев.

— А вот и он, — сказала Ленка. — Легко на помине. Дедушка, это Васильев.

— Здрасьте, — поздоровался Васильев второй раз и покосился на чемодан. — У вас там дверь была открыта...

— Заходи, заходи, — обрадовался Николай Николаевич. — Мы только что о тебе разговаривали. Лена мне сказала, что тебе нравятся наши картины.

Николай Николаевич вскочил и прямо вцепился в Васильева. Ведь он пришел сам, значит, он к Ленке относился хорошо?..

— Нравятся, — мрачно и снова покосился на чемодан.

— А какие из картин тебе нравятся больше всего? — не унимался Николай Николаевич.

— Вот эта. — Васильев ткнул пальцем в Раевского, чтобы отделаться от Николая Николаевича. — А кто он такой? — спросил он почти машинально. Сам же в это время, не отрываясь, следил за Ленкой.

Николай Николаевич обрадовался:

— Как же... Это герой Отечественной войны 1812 года генерал Раевский. Здесь поблизости от нашего городка было имение дочери Кутузова. Генерал Раевский приезжал туда, и мой прапрадед написал его портрет. Это был знаменитый человек. В Бородинском сражении участвовал. Когда разгромили восстание декабристов, то царь Николай вызвал его на допрос, чтобы узнать, почему он их не выдал — ведь он был под присягой и знал о тайном обществе. — Николай Николаевич выпрямился и торжественно произнес слова Раевского: — «Государь, — сказал генерал Александр Раевский. — Честь дороже присяги, нарушив первую, человек не может существовать, тогда как без второй он может обойтись еще».

Ленку эти слова удивили — она перестала складывать чемодан и спросила у Николая Николаевича:

— Как он сказал? Генерал Раевский?

— Ну, в общем, он сказал, что без чести не проживешь, — ответил Николай Николаевич.

Васильев посмотрел на Ленку и вдруг спросил:

— Значит, уезжаешь?.. Значит, ты все-

таки... предатель? — Он усмехнулся: — А как же насчет чести, про которую толковал генерал Раевский?

— Это неправда! — возмутился Николай Николаевич. — Лена не предатель!

— А почему же она тогда уезжает? — наступал Васильев.

— Не твоё дело! — ответила Ленка.

— Струсил! — жестко сказал Васильев. — И убегаешь!..

— Я — струсил?! — Ленка выскочила из комнаты. Теперь ее голос раздавался издали. — Дедушка, не слушай его! Я никого не боюсь!.. — Она снова вбежала в комнату, на ней было то самое платье, которое горело на чучеле, и тихо сказала: — Всем докажу, что никого не боюсь, хоть я и чучело! — Повернулась и вышла из дома.

Васильев рванулся за ней, но Николай Николаевич задержал его.

— Я хотел ее догнать, — сказал Васильев. — Может, ей надо помочь?

— Теперь уже не надо. Теперь, я думаю, она сама знает, как ей быть. — Николай Николаевич поманил его пальцем и тихо добавил: — В сущности, ты неплохой парень... Но какой-то... прокурор, что ли.

— А все-таки почему она уезжает? — упрямо переспросил Васильев.

Николай Николаевич посмотрел на Васильева: на его худенькое мальчишеское лицо, на очки с одним стеклом, на крепко сжатые губы, на весь его правый и убежденный вид, и вдруг почему-то разозлился.

— Давай, Васильев, шагай! — Он подтолкнул Васильева к выходу. — Ты мне в какой-то степени надоед! — Закрыл дверь, потом снова распахнул и крикнул ему вслед: — Ты прав во всем!.. И значит, ты счастливый человек!.. — И так стукнул в сердцах дверь, что весь дом загудел колоколом — бом!

Николай Николаевич поднялся в мезонин и вышел на балкончик. Он всматривался в темноту, надеясь увидеть Ленку. И увидел. Ее быстрая фигурка мелькнула среди темных стволов деревьев, более отчетливо проявилась на чистом горизонте, когда пересекла улицу и скрылась за углом.

«Куда она побежала?» — с беспокойством подумал Николай Николаевич. Конечно, догадаться он не мог и, чтобы успокоить себя в ожидании Ленки, стал, как обычно, размышлять о жизни своего дома и его бывших обитателях, которых нет, но которые в этот момент тесно обступили его со всех сторон.

Взрослые и дети. Почему-то братья и сестры на всю его жизнь остались в нем детьми. Хотя он знал их до самой их старости или до ранней смерти.

Может быть, потому он так обрадовался Ленке, что она как две капли воды была похожа на «Машку». Это было звено, которого ему не доставало для счастья, это было звено, слившееся жизнью всего его дома воедино.

Ленка!.. Она ощупью выбирала путь в жиз-

ни, но как безошибочно! Сердце горит, голова пылает, требует мести, а поступки достойнейшие.

И вдруг Николай Николаевич почувствовал в себе, в своих окрепших мускулах небывалую доселе силу. Может быть, произошло первое в мире чудо и годы не старили его, а укрепляли? Он засмеялся. Его всегда смешило сочетание в нем самой трезвой оценки действительной жизни и какой-то наивной детской мечты, например, что его жизнь вечна.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Ленка твердо решила доказать всем, что она ничего и никого не боится — даже чучелом быть не боится. Вот для этого она и бежала в парикмахерскую, чтобы остричься наголо и стать настоящим страшилищем.

Она ворвалась в парикмахерскую, еле переводя дыхание.

Тетя Клава сидела в одиночестве и читала книгу. Подняла на Ленку усталые глаза и недружелюбно сказала:

— А-а-а, это ты! — И отвернулась.

— Здравсьте, тетя Клава, — сказала Ленка.

Тетя Клава ничего не ответила, посмотрела на часы, встала и начала складывать в ящик ножницы, расчески, электрическую машинку. Она явно собиралась уходить.

— Снова решила делать прическу?.. Значит, понравилось... Только ничего не выйдет, — заметила тетя Клава как-то ехидно.

— Вы не хотите меня стричь? — спросила Ленка.

— Не хочу, — ответила тетя Клава, продолжая убирать инструменты. — Рабочий день закончился.

— ...потому что я предательница?..

— Я не имею права выбора клиента, — ответила тетя Клава. — Нравится он мне лично или нет, обязана обслужить. — И вдруг сорвалась, голос у нее задрожал: — У моего Толика отец в Москве. Он его три долгих года не видел. Толик ночи не спал, придумывал, как они встретятся, о чем будут разговаривать и куда пойдут... Я ему: «А может, у отца работа?» А он мне, глупенький: «Пусть с работы под меня отпросится... Родной же сын приехал!..» Я так хотела, чтобы он подружился с отцом. А ты моего Рыженького под самый корень срезала.

— Не срезала я его, — сказала Ленка и, сама не ожидая этого, впервые созналась, потому что у нее не было другого выхода. — Это не я их предала.

— Ну зачем же ты врешь? — возмутилась тетя Клава. — Из-за какой-то прически. Ну ты детка из клетки.

— Я не вру! Я этого еще никому не говорила... Вам первой, тетя Клава... Я на себя чужую вину взяла.

— Зачем же ты это сделала? — Тетя Клава недоверчиво покосилась на нее.

— Помочь хотела... одному человеку, — ответила Ленка.

— А он что же?.. — осторожно спросила тетя Клава.

— Сказал, что сознается... немного погодя. Чтобы я потерпела... и не сознался...

— А ты? — Тетя Клава в ужасе посмотрела на Ленку.

— А я все молчу, — ответила Ленка.

— Ой, несчастная твоя головушка! — запричитала сразу тетя Клава. — А может, лучше расскажешь все ребятам! Они поймут... — Но она тут же поняла, что это не выход для Ленки, и быстро отступилась: — Ну, ладно, ладно, я тебя учить не буду, не моего ума это дело. Сама в жизни много глупостей надела. — Решительно надела халат и достала инструменты, гремя ими. — Только ты его не прощай!.. — Повернулась к ней гневным лицом. — Дай слово, что не простишь!

Ленка промолчала.

— Ты что молчишь? — Тетя Клава возмущенно наступала на Ленку, вооруженная ножницами и расческой. — Может, ты его уже простила?..

— Ни за что! — ответила Ленка.

— Садись в кресло, — приказала тетя Клава. — Ты будь гордой!.. Кто-то же должен не прощать!.. Милая моя, золотая, я из тебя такую красотку сделаю!.. Он закачается!.. А ты плюй на них, на мужиков, направо и налево.

Тетя Клава развязала ленточки в Ленкиных волосах.

— А меня... наголо, — сказала Ленка.

— Это что еще за фокусы! — возмутилась тетя Клава. — Что ты за казнь египетскую себе придумала?..

— Меня Чучелом дразнят, — сказала Ленка.

— Ну и что? — ответила тетя Клава. — А моего Толика — Рыжим.

— Я хочу, чтобы все видели, что я страшилище!.. Что я настоящее чучело!

— Ну уж нет! Лучше я тебя красоткой сделаю. — Тетя Клава улыбнулась. — Хорошая прическа, знаешь, как помогает?.. — Она принялась расчесывать Ленкины волосы: — Вот увидишь!.. Я тебя сейчас причешу, постараюсь, и у тебя настроение изменится.

— А я — чучело! — Ленка вскочила. — И не боюсь этого! Я всем это докажу!.. — Она схватила ножницы и как начала кромсать свои волосы!

— Ты что, ненормальная?! — Тетя Клава бросилась к Ленке. — Остановись!..

Ленка бегала по парикмахерской, увиливая от тети Клавы, шмыгая между кресел, кромсала свои волосы и кричала:

— А я чу-че-ло!.. А я чу-че-ло!..

Наконец тетя Клава поймала Ленку, хотя было уже поздно: та успела выстричь несколько прядей волос.

— Что же ты надела? — Тетя Клава прижала Ленку к себе и укачивала, как маленькую. — Лопушок ты несчастный... А Рыжень-

кий мой был раньше добрым. Честное слово! Сердце душевное... А на тебя закричал: «Гадина!» Домой в тот день пришел взъерошенный, грубил. А потом, не поверишь, заплакал вдруг мой Толик совсем как маленький.

— А я раньше не знала, что его Толиком зовут,— грустно сказала Ленка.

— Толиком... Толиком...— Тетя Клава подвела Ленку к креслу.— Садись, милая, я тебя остригу, как хочешь, остригу.

Ленка села в кресло, и тетя Клава накрыла ее простыней.

А тем временем праздник у Димки Сомова приближался к концу. Часть ребят разошлась и осталась только мироновская компания, самые близкие друзья.

Валька подскочил к проигрывателю и врубил его на полную мощность.

— Чтобы у Бессольцевых стекла звенели!— хохотнул он.— Хорошо веселимся!..

Шмакова схватила за руку Димку, и они начали танцевать. Шмакова кружилась, извивалась— танцы были ее стихией.

И вот тут открылась дверь, появился новый, совершенно неожиданный гость. В комнату ворвалась Ленка.

Но какая!.. Неузнаваемая!..

Вязаная шапочка натянута до бровей, куртка нараспашку, а под нею знаменитое обгорелое платье.

Но дело было не в том, как она одета, а в том, какое у нее было необыкновенное лицо, преображенное до неузнаваемости ее смелым поступком. Раньше лицо у нее бывало добрым, милым, отчаянным, жалким, а теперь оно было вдохновенно-решительным.

И всем сразу стало ясно, что она пришла к ним за тем, чтоб сделать то, что хочет. И помешать ей никто не сможет.

Они все это поняли и замерли. Только что смеялись, хохотали, танцевали, а тут—окаменели. Ждали, что же будет дальше.

А Ленка не торопилась.

— Братцы, чего же вы не танцуете?— спросила Ленка.— Давайте!.. Прыгайте!..— Она начала танцевать, кривляясь и паясничая.

Но тут пластинка кончилась, музыка оборвалась, и наступила тишина.

— Жалко, не потанцевали.— Ленка посмотрела на ребят и впервые, встречаясь с ними взглядом, не дрогнула. Она почувствовала в своей душе давно забытый покой.— Какие вы все красивые!..— Прошла по комнате, оглядывая каждого, как будто очень давно их не видела.— Не дети, а картинка!

Ленка остановилась посреди комнаты.

— А я чучело!— Резко сдернула шапочку, открывая всему миру свою остриженную голову.— Чу-че-ло!— Ленка хлопала себя по голове.— Хороший качанчик!.. И рот до ушей, хоть завязочки пришей. Правда, Шмакова?..

Ленка улыбалась, и уголки губ у нее поползли вверх, а она старалась их разодрать сильнее, чтобы они как-нибудь достали до

ушей. При этом она крутила головой, чтобы всем было видно, какое она настоящее страшное чучело!

Все по-прежнему молчали. Можно сказать, что они только безмолвно ахнули.

Ленка же поначалу в горячке вообще забыла про Димку, а тут она увидела, какой он

— Я хочу, чтобы все видели, что я настоящее чучело!
— Ну уж нет!— Тетя Клава улыбнулась.— Лучше я тебя красоткой сделаю.

стоял бледный и испуганный. «Вот уж его перекосило, так перекосило», — подумала она, плавно приблизившись к нему, и сказала:

— Извините-простите!.. Забыла вас поздравить с днем рождения. Вот дуручка! Пришла, можно сказать, за этим и забыла.

Димка стоял в какой-то неестественной позе, повернувшись к Ленке боком, изо всех сил стараясь не встретиться с нею глазами.

— А ты почему, Сомов, от меня отворачиваешься?— Ленка хлопнула Димку по плечу.— Что же ты так дрожишь, бедненький?.. Похудел. Неужели страдаешь, что я оказалась предателем? А?.. Конечно, тяжело. Ты такой смелый и честный, а дружил с нехорошей девочкой, с которой никому не следует дружить! Она — ябеда!.. Доносчик!.. Гадина-а-а!— Она подошла к Рыжему.— Твои слова, Рыженький!

— А я и не отказываюсь, — сказал Рыжий.— Мои слова.

— Придет время, Толик, откажешься, — ответила Ленка.

Но на эти Ленкины слова Рыжий ничего не ответил. Да Ленка и не ждала от него ответа. Она уже устремилась дальше, к Мироновой, заглянула ей в глаза и сказала:

— Привет, Железная Кнопка!

Ей хотелось с каждым столкнуться, на каждом проверить свою храбрость.

— Привет, если не шутишь, — ответила Миронова.— А что дальше?

— Удивляюсь я тебе, — вздохнула Ленка, — вот что.

— Чему же ты удивляешься, если не секрет, бедное чучело?..— Миронова была не Рыжий, она не сдавала своих позиций.

— Тому, что ты такая правильная, а водишься с Валькой. А он — живодер. Ай-ай-ай!.. По рублю сдает собак на живодерню. Вот так борец за справедливость!

— Ну ты, полегче! — встрепнулся Валька.

— Что это ты плетешь про Вальку? — спросил с угрозой Лохматый.

— А что, разве ты, мордастенный, перестал с бедных собачек сдирать шкуры?— Ленка дернула Вальку за галстук и повернулась к Лохматому:— Ну, садани меня, Толечка, чтобы я замолчала! Ну, докажи, что сила — это самое главное в жизни!

— И саданет! Саданет!.. — закричал Валька.— Наговариваешь на меня! Трепло! — замахнулся он на Ленку...

— Ой, боюсь! — Ленка засмеялась, но не дрогнула и не отступила.

А Валька побоялся ее стукнуть. Всегда бил метко, а тут струхнул.

— Ну, до свидания!.. — Ленка помахала всем рукой.— Что-то мне стало с вами скучно. Радуйтесь... Вы же добились своего. Вы — победители!.. Завтра я уезжаю. Так что давайте хором: раз, два, три: «В нашем клас-се больше не-ту чу-че-ла!..» Ну!.. Милые!.. Ну, чего же вы языки проглотили?

Ленка сорвала у Шмаковой цветок с платья

и приколола себе на куртку. Медленно застегнулась. Натянула шапку до бровей, пряча свою стриженую голову. Помолчала. Потом серьезно и грустно сказала:

— Честно говоря, жалко мне вас. Бедные вы, бедные люди.— И ушла.

Исчезла, испарилась Ленка, будто ее здесь и не было. В комнате стояла жуткая, неправдоподобная тишина.

И вдруг Лохматый рванулся вперед и схватил Вальку за руку:

— Стой! Чего это Бессольцева про тебя тут плела?

— Да выдумала она все! — закричал, вырываясь, Валька.— Кому поверил?.. Змее?

— А это что?! — Лохматый выдернул из Валькиного кармана поводок с ошейником.— А это что?! — Он потряс поводком перед носом насмерть перепуганного Вальки.

— Это?.. — Валька на всякий случай отступил под напором Лохматого.— Это?..

— Орудие живодера! Вот что это! — крикнул Рыжий.

Лохматый бросился к Вальке, а тот рванулся в сторону и заметался вокруг стола. Он бегал, швыряя под ноги Лохматому стулья, но еще не сдавался, а выкрикивал на ходу слова угрозы:

— Я Петьке скажу! У него дружки!.. Тебя скрутят! Можешь у своего отца спросить!.. Он тебе расскажет!

— Лохматый, это они! — догадался Рыжий.— Ребята, это они!.. Значит, это Петькины дружки прострелили руку твоему отцу, когда он у них лося отбивал!.. Точно!..

— Так это вы! — взревел Лохматый и, сметая все на своем пути, бросился на Вальку.

Валька рванулся к двери, чтобы спастись бегством, но Рыжий подставил ему ножку — он упал, и Лохматый навалился на него.

Наконец Валька все же изловчился, вырвался, вскочил, чтобы бежать, но оказался... на поводке, на собственном поводке, на котором он водил собак на живодерню.

Ошейник плотным кольцом облегал Валькину шею, а конец поводка крепко держал в руке Лохматый, и лицо его было мрачным и беспощадным.

— Ты что?.. — Валька заплакал.— Ты что?.. Ребята, — взмолился он, — ребята! Лохматый меня удавит!..

— Выйдем отсюда, — сказал Лохматый и потянул поводок, не глядя на Вальку.

Валька больше всего боялся выйти куда-то с Лохматым, он упирался и лебезил, он хватал поводок и выкрикивал:

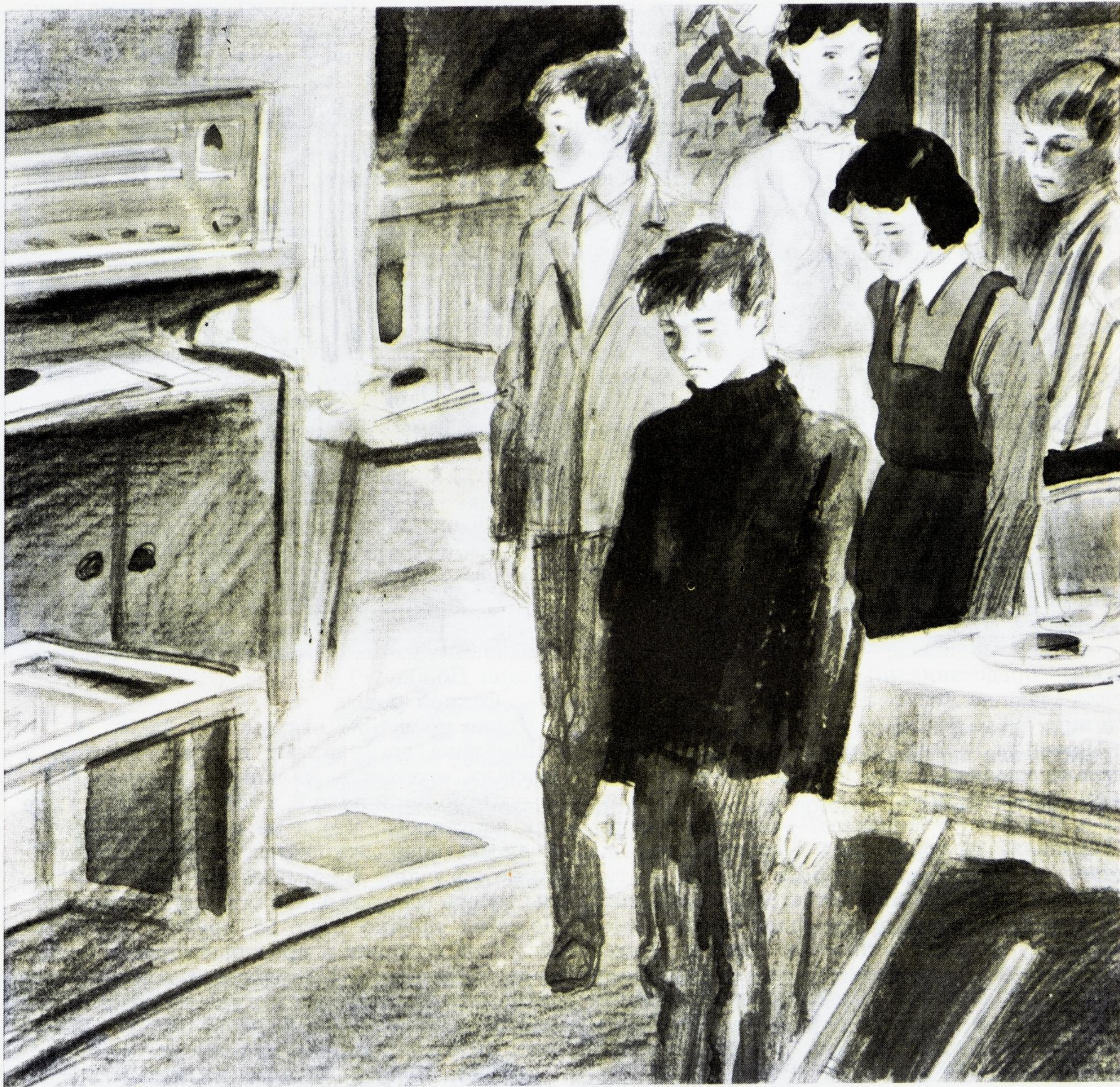
— Ребята, разве так можно? Ребята?.. Человек на поводке?!

Но никто не заступался за Вальку.

Тогда Валька взмолился.

— Лохматый, — умолял он, — я больше не буду! Это все Петька. Вот и Димку спроси!.. Он его знает, он скажет — Петька зверь.

— Кому говорят, выйдем! — Лохматый сильно потянул за поводок.

Валька не устоял. Он упал на колени и подполз к Мироновой:

— Миронова, что же ты молчишь? Заступись!.. Я больше не буду!

— Отпусти его, Лохматый,— сказала Миронова.

Лохматый помедлил секунду, а потом швырнул поводок Вальке в лицо.

Валька вскочил и, снимая дрожащими руками ошейник, быстро проговорил:

— Ребята, все по закону... Собак беру бродячих...

— Уходи!—приказала Железная Кнопка.— Не годишься ты для нашего дела.

— Почему?—удивился Валька.— Разве я с вами не заодно? Разве я не гонял Чучело?..

— Ты—заодно?..—Железная Кнопка наступала на Вальку.— Ты, живодер, с нами заодно?!

Валька сложил поводок в карман, нахально

Лохматый стоял, низко опустив голову, крепко сжав кулаки, которые ему всегда помогали, а сейчас почему-то не помогли.

ухмыльнулся и вышел из комнаты. Потом застучал в окно, крикнул притворно-ласковым голосом:

— Детишки, вам пора в кровати!— захохотал и исчез.

Лохматый стоял, низко опустив голову, крепко сжав кулаки, которые ему всегда помогали, а сейчас почему-то не помогли. Все остальные подавленно молчали.

— Не ожидала я такого от Чучела,— нарушила наконец тишину Железная Кнопка.— Всем врзала. Не каждый из вас на это способен. Жалко, что она оказалась предателем, а то бы я с ней подружилась... А вы все хлюпики. Сами не знаете, чего хотите. Вот так, ребятки. Ну, привет.

— А как же пирожные?— остановил ее Димка.— Мы же еще чай не попили.

— Пирожные? Сейчас самое время...

— Точно,— подхватил Димка, хотя вид у него при этом был неуверенный.

— Кушайте на здоровье, а мне и без сладкого тошно.— И Миронова ушла, ни на кого не глядя.

— Миронова, подожди!— крикнул ей вслед Лохматый.— Я с тобой.

— Ты же ко мне собирался?— остановил его Рыжий.

— Передумал,— на ходу ответил Лохматый,— домой охота.

— Тогда и я с вами,— сказал Рыжий и бросился следом за Мироновой и Лохматым.

Хлопнула дверь— они ушли.

В комнате остались только сам новорожденный да Шмакова с Поповым.

— Может, зря мы с тобой никому?.. Ничего?..— тихо спросил Попов у Шмаковой.— А?..

— Ты про что?— насторожился Димка.

Шмакова улыбнулась— она предчувствовала близкую развязку всей этой затянувшейся запутанной истории и поняла, что наконец настал ее победный час.

— Мы с Поповым,— радостно пропела Шмакова,— представляешь, Димочка,— хитро скосила глаза на Димку: ей нравилось наблюдать за ним. Он то бледнел, то краснел.— Мы тогда с Поповым...— Она засмеялась и многозначительно замолчала, продолжая что-то мурлыкать себе под нос.

— Что вы... с Поповым?— спросил Димка.

Шмакова не торопилась с ответом, ведь ее ответ должен был потрясти Димку, и так хотелось его помучить, чтобы разом отомстить за все. Настроение у нее было прекрасным, кажется, ее план полностью удался: Димка уничтожен, а следовательно, вновь завоеван и покорен. Теперь она из него будет вить веревки, сделает своим верным рабом вместо Попова. А то ей этот верзила порядком надоед— скучный какой-то и зануда.

— Так что вы с Поповым?— переспросил Димка.

— Мы?— Шмакова засияла. Она не отрывала глаз от Димкиного лица.— Мы под партой сидели. Вот что!

Димка как-то глупо улыбнулся и спросил:

— Когда сидели?..— Хотя все уже понял.

— Когда ты с Маргаритой так мило беседовал,— рассмеялась Шмакова.

— Под партой?— Димку бросило в жар.— Вы?.. Когда Маргарита?..

— Под партой... Мы... Когда Маргарита!— особенно восторженно пропела Шмакова.

Эта новость раздавила Димку. Острый страх и тоска сжали его бедное сердце— оно у него затрепетало, забилося, как у несчастного мышонка, попавшего в лапы к беспощадной кошке.

Что ему было делать?.. Что?! То ли заплакать на манер Вальки и броситься перед Шмаковой и Поповым на колени и просить

пощады. То ли сбежать из дому, немедленно уехать куда-нибудь далеко-далеко, чтобы его никто и никогда не увидел из этих людей. И где-нибудь там зажечь новой, достойной, храброй жизнью, о которой он всегда мечтал. У него и раньше мелькали подобные мысли. Но каждый раз они тут же обрывались, потому что он понимал, что ничего подобного сделать не сможет.

Димка представил на одно мгновение, что идет каким-то темным переулком в чужом городе. Холодно, пронзительный осенний ветер рвет на нем куртку, в лицо хлещет дождь... Но у него нет знакомых в этом городе, и никто его не позовет в дом, чтобы обогреть и накормить. Ему нестерпимо жалко стало себя...

— А почему же вы тогда молчали?— пролепетал Димка, как всегда в такие минуты, до неузнаваемости меняясь в лице.

— А мы и дальше будем молчать,— ответила Шмакова.— Правда, Попик?

— Будете молчать?..— Димка жалко улыбнулся, ничего не понимая, хотя уже на что-то надеясь.

— Ребя, надо все рассказать,— мрачно произнес Попов.

Шмакова взяла с тарелки пирожное и приказала Попову:

— Открой рот!

Попов послушно открыл рот.

Шмакова всунула ему в рот пирожное и сказала, отряхивая пальцы от крошек:

— Помолчи и пожуй, а то подавишься... Все так запуталось, что и не разберешь ничего. Если мы теперь откроемся, нас тоже по головке не погладят. Понимаешь, Попик? Так что мы теперь все трое одной веревочкой связаны. Должны крепко друг за дружку держаться.— Она подошла к проигрывателю и поставила пластинку.— Потанцуем, повеселимся в тесном кругу. Надо же догулять! Дни рождения бывают не каждый день!— Она улыбнулась Димке:— Димочка, дай мне мое любимое.

— «Корзиночку»?— заикаясь спросил Димка, взял пирожное и торопливо отдал Шмаковой.

Попов шумно выдохнул.

— Все!— Он встал.— Ребя!.. Мочи моей больше нету!— И выбежал из комнаты, громыхая тяжелыми ботинками и натыкаясь по пути на опрокинутые стулья.

— Куда это он?— испугался Димка.

— Не бойсь. Он у меня верный человек. Видно, Попик решил подышать свежим воздухом.— Шмакова откусила пирожное и пропела:— Пирожное — прелесть! Мать сама делала?

Димка понуро сел на диван.

Шмакова же, вполне довольная собой, своей окончательной победой над Димкой и Бессольцевой, упоенно танцевала, дожевывая «корзиночку» и таинственно улыбаясь.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Летом происходят странные знакомства...

Еще бы не странные — прожить на свете двенадцать лет и первый раз лошадь увидеть! Но ведь и она, признаться, первый раз тебя увидела. Интересно!

Для кого знакомые, а для кого давние друзья... Друзья, которым нужны твои забота и присмотр.

Длинный, долгий летний день. Но когда вечер зацепится синей дымкой за ветки деревьев, подумаешь: жаль, что кончился...

Да ведь завтра-то будет такой же!

Фотографии В. КРУПСКОГО.

У ВЕРХОВЬЕВ ВОЛГИ

Больше четверти века плавают по Волге на самодельном плоту ребята из 717-й московской школы. Не одно поколение ребят уже сменилось под алым парусом, а капитан у них все время один — **Николай Николаевич Щербаков**, учитель труда, бывший фронтовик. За многолетнюю работу по воспитанию школьников Николай Николаевич награжден почетным знаком ЦК ВЛКСМ «Наставник молодежи» и знаком имени А. П. Гайдара.

Сколько доброго и интересного принесли ребятам экспедиции на плоту! Просто провести месяц на Волге с друзьями да еще под парусом — кто об этом не мечтает! А в этих походах ребята многому научились: по-хозяйски, заботливо относиться к реке, знать ее жизнь, ее обитателей. Учились тому государственно-му делу, о котором сказано в документах XXVI съезда КПСС: «Усилить охрану природы, земли и ее недр, атмосферного воздуха, водоемов, животного и растительного мира».

О том, как работает на Волге отряд друзей природы, и расскажет **Н. Н. ЩЕРБАКОВ**.

Как мы спасали мальков

В те жаркие дни стоянка у нас была на правом берегу Волги, там, где в нее впадает река Держа. Здесь мы неожиданно задержались на несколько дней.

Началось все с наших рыболовов. Вечером они отправились на рыбалку. Вернулись поздно, с хорошим уловом, но с печальной вестью. Видели, как множество мальков задыхаются в лощинах и ямах. Ребята разглядели мальков леща, судака, жереха, щуки. Все они были обречены на гибель.

В прежние годы мы выпускали мальков из таких ловушек в реку через сточные канавки. Но сейчас озерки и водоемы были далековато

Мальков мы вылавливали сетью и пересаживали в ведра с водой из прогретой старицы.

от реки. Лопатой делу не поможешь. А мальков было особенно много!

Как тут быть?

Все понимали, что надо откачать хоть немного воды из водоемов и потом уж вылавливать мальков. Но старица Держи велика — в длину метров пятьдесят и в ширину до десяти. Хватит ли у нас сил, даже если возьмем пожарную помпу у соседнего колхоза? Поразмыслив, поняли, что не справимся. Тогда решили сделать самое простое: вылавливать мальков сетью, пересаживать их в ведра с водой и выпускать в реку.

...Теплое летнее утро. Над Волгой висит туман. Качается на волнах наш плот с опущенным парусом. Сегодня подъем необычно рано. И после завтрака все, кроме дежурных, отправляются спасать мальков. Ребята идут берегом Держи, несут ведра, сеть, сачки и лопаты. Тишину раннего утра нарушают только наши разговоры да птичье пение...

У нас была с собой сеть, которую нам для спасения мальков подарили еще в Москве в павильоне рыбного хозяйства на ВДНХ. Ребята постарше зашли в воду и стали этой сетью вылавливать мальков. Младшие пересаживали мальков в ведра и относили к реке. Там выпускали, но не прямо в Держу, а сначала в маленькие заливчики, где вода была потеплее, лучше прогревалась солнцем.

Еще одна группа ребят взялась за лопаты:

Теплое летнее утро. Качается на волнах наш плот с алым парусом.

надо было где возможно все-таки прорыть сточные канавки.

Так мы работали два дня. Когда в сети стало попадать не больше двух-трех мальков, работу прекратили. Все, конечно, устали, но гордились тем, что спасли не одну тысячу мальков, прокопали множество канавок к реке.

Были, правда, и неудачи, и оплошности. Дело в том, что во время «транспортировки» мальки находятся в шоковом состоянии. Чтобы они не погибли, надо быстро пересадить их в ведро с теплой водой, в которой они росли.

Перед началом работы я всегда напоминал ребятам об этом. Но однажды кто-то поленился выполнить этот наказ. Как только переселенцев выпустили в реку, все мальки всплыли... Это было уроком для всех.

...Давно плаваю я по Волге, вижу, как меняются река, ее берега, притоки. Наша помощь нужна здесь — и самой Волге, и малым рекам, и позабытым родничкам, и малькам, попавшим в беду.

Дело в том еще, что реки мелеют. До войны и в послевоенные годы на малых реках, притоках Волги, было много плотин и при каждой стояла мельница. Они и в хозяйстве тогда были нужны и воду держали, накапливали ее, а время от времени спускали в Волгу. Сейчас нужды в плотинах нет, они разрушились, и часть рек пересохла. Образовались старицы — части старого русла, отделившиеся от

За месяц плавания ребята выпустили в Волгу не одну тысячу мальков.

основного. В эти-то старицы весной по большой воде и заходит рыба метать икру. В половодье рыба успевает вернуться в Волгу, а для мальков в жаркое лето такая старица превращается в ловушку.

Помочь малым рекам мы старались и другим способом — очищая и возвращая к жизни роднички по берегам Волги.

Тропа к роднику

Роднички появляются там, где выходит на поверхность подземная река или ручей. Часто родники дают начало нашим рекам или их притокам. Подземные воды щедро питают их, дают им жизнь, полноводность.

Но, по нашим наблюдениям, за последние годы многие родники погибают. Причин тому много. Неумеренно распахиваются земли по берегам, да так, что в реку сносится плодородный слой и заиливает ее русло. В нарушение запрета спиливается водоохранный лес по берегам — и сразу мелеют малые речки, иссякают родники.

Вот почему надо беречь каждый живой родник, восстанавливать, возвращать к жизни те, что забыты, загрязнены...

Расскажу вам об одном случае, памятном всем нам.

Каждому родничку мы присваивали номер по нашему списку.

После утомительного перехода наш плот причалил к берегу, неподалеку от деревни Болдырево.

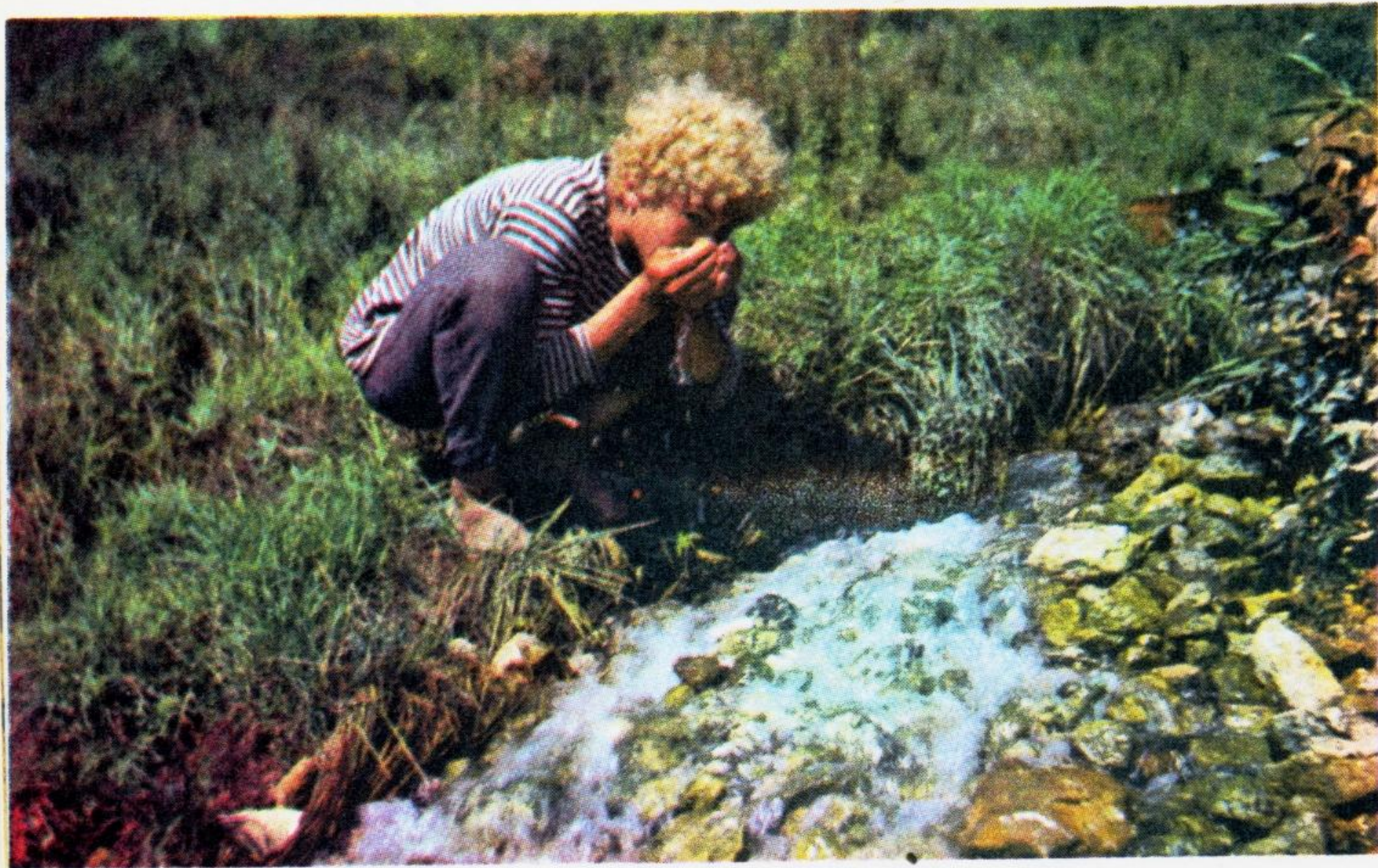
Каждое лето, проходя на своем плоту по Волге, мы останавливаемся здесь, ходим в эту деревню, покупаем молоко. Очень любим все пить его с черным хлебом. И вкусно и полезно.

На самом краю деревни в светлом, просторном доме живет с дочерью старушка Марья. В годы войны, когда мужчины ушли на фронт, она была председателем колхоза. Сейчас на пенсии, но о своем житье-бытье рассказывает охотно. Слушать ее одно удовольствие.

А познакомились мы с ней несколько лет назад совсем случайно, когда искали, у кого можно купить молока.

Разговорились. Рассказали, что мы из Москвы. Плывем на плоту по Волге от деревни Большая Коша и занимаемся учетом родничков, которые пополняют водный запас великой русской реки. За пять лет 85 родничков открыли! Расчищаем от ила, обкладываем

И этот родничок мы очистили от грязи, и он ожил, забил фонтанчиком.

камешками, определяем расход воды, температуру и вкусовые качества — возвращаем их к жизни. Роднику присваивается номер по нашему списку, рядом ставим скамеечку, вбиваем колышек и вешаем банку, чтобы в жаркий день прохожий мог отдохнуть и утолить жажду.

Бабушка Марья и поведала нам об одном из таких родников. К нему из деревни вела тропка, но во время войны о роднике забыли. Тропинка заросла, и родник затерялся. Место, где он когда-то был, бабушка показать не могла, она уже плохо видела. Но вода в том роднике, по ее словам, была очень уж прозрачная и вкусная.

Вернувшись в лагерь, ребята рассказали обо всем у вечернего костра. Было решено отыскать родник! На другой день снова пошли в деревню и стали расспрашивать жителей. Ничего нового не узнали и решили сами отправиться на разведку в тот лес, что указала бабушка Марья. Вооружившись граблями, топорами, лопатами, двинулись в путь. После долгих и утомительных поисков родник все-таки обнаружили.

Освободили его от старых листьев и грязи. Родник ожил, забил фонтанчиком. Тогда его углубили и обложили камнями. Из дерева сделали желоб, положили на камни, укрепили дерном. Чтобы родник и почва вокруг него не заболачивались, ребята прорыли канаву, расчистили тропинку. О возрожденном роднике рассказали в деревне, и люди стали опять охотно ходить за родниковой водой.

Место было очень уж красивое. Родник окружен высокими деревьями и древними валунами. Здесь приятно посидеть, послушать шум ручейка, полюбоваться блеском прохладных струй.

Давно известно, что лучшая питьевая вода — из родника. Считается, что она обладает целебными свойствами. И это не случайно. Земля — удивительный природный фильтр, она и очищает воду. Сколько ни кипятить родниковую воду, она не дает накипи.

В зимние каникулы мы снова оказались в этих краях. Стояли трескучие морозы. Мы думали, что наш родничок скован льдом и к нему никто не ходит. Но оказалось, к роднику вела тропинка.

Летом следующего года на столбике у родника мы прикрепили металлическую пластинку с надписью: «Родник древний, глубинный, редкий. Берегите и охраняйте его. Помните, что вода — это живая кровь земли».

От редакции:

Как видишь, твои сверстники немало успевают сделать для охраны природы. Попробуй и ты свои силы, лето — прекрасная пора для этого.

Напиши нам, что удалось сделать за лето тебе и твоим товарищам по турпоходу, школьному лесничеству, по отряду голубых или зеленых патрулей. Охрана природы — наше общее пионерское дело.

БУДУ, КАК ОНИ...

Я прочитала в «Пионере» о Всесоюзном пионерском сборе-поиске «Судьба семьи в судьбе страны» и решила рассказать вам о своей семье.

Мы живем в селе Александровка Харьковской области, что на Украине. Дедушка Петр Кириллович, бабушка Анастасия Петровна, мама Любовь Петровна и я. Все мы родились в этом селе, и оно для нас самое дорогое!

Судьба нашей семьи неотделима от судьбы страны. Когда в 1930 году у нас в селе был организован колхоз, моей бабушке было десять лет. Очень ей хотелось учиться в школе, но время было трудное, и в четырнадцать лет она пошла работать в колхоз. И проработала там почти всю свою жизнь.

С первых дней Великой Отечественной войны мой дедушка стал на защиту нашей Родины. Он был артиллеристом. На границе с Чехословакией мой дедушка был тяжело ранен. У него много боевых наград, но вспоминать о войне он не любит. После войны, когда везде была разруха, не хватало рабочих рук, дедушка вместе с односельчанами восстанавливал колхоз. А позже поступил на завод и работал в литейном цехе. Работа эта трудная, но дедушка не привык от трудностей уклоняться. Сейчас он на пенсии, но все равно у него всегда много разной работы.

Село наше маленькое, и школы в нем нет. Наши ребята ездят учиться в школы города Мерефы. В одной из этих школ работает моя мама. Вот уже тринадцать лет она учит ребят математике. И не только. Мама хочет, чтобы ее ученики были честными, смелыми, добрыми, беззаветно любили свою Родину. И ей удастся научить их всему этому. Машины первые ученики, самые первые, уже выросли, стали трактористами, комбайнерами, продавцами, людьми самых разных профессий. Конечно, у них много забот, но они не забывают свою учительницу. За успехи в деле обучения и коммунистического воспитания ребят маму наградили Почетной

грамотой Харьковского районного отдела народного образования.

Я тоже мечтаю стать учительницей, но только младших классов. Я по праву горжусь своими родными и хочу быть во всем похожей на них.

Ирина ПОЛЫВЯНАЯ,
с.Александровка, Харьковская область.

ДОРОГА НА УРЕНГОЙ

Как только мы прочитали в «Пионере» о Всесоюзном сборе-поиске «Судьба семьи в судьбе страны», решили: участвуем.

Наш поселок Усть-Юган Сургутского района возник временно при строительстве железной дороги Сургут—Уренгой. Семьи моих учеников—это семьи строителей, монтажников, механизаторов, железнодорожников. Ребята понимают значимость труда своих родителей и гордятся ими.

Об этом они и говорили на сборе, а мамы и папы рассказывали свои трудовые биографии, которые, конечно, тесно связаны с судьбой Родины. На этом же сборе мы попрощались с ребятами, семьи которых переезжают работать в Уренгой. Там пока еще трудно с жильем, транспортом, но они понимают: их переезд, их труд нужны Родине, помогут поскорее освоить газовые месторождения Севера. Мы им вручили самодельные пионерские путевки, сувениры на память. Сбор закончился концертом.

Посылаю некоторые сочинения ребят, которые мы отобрали для участия во Всесоюзном сборе-поиске.

С уважением

Надежда Федоровна ШЕСТАК,
классный руководитель 6-го класса
Усть-Юганской средней школы.
п. Усть-Юганск, Тюменская область.

Мой папа работает на железной дороге, мама тоже... В наше время строительство железной дороги так же важно, как и покорение космоса.

Юля ГОНДУСОВА.

Наша дорога строится в трудных условиях, но все, кто строит ее, не боятся трудностей. Папа у меня ударник коммунистического труда! Он бульдозерист.

Леня ФЕДОЩУК.

Мама и папа прокладывают дорогу на Уренгой. Мы все понимаем, как она нужна нашей стране—она ведет к залежам торфа и газа, которые скрыты на севере. Мои бабушка и дедушка сейчас на пенсии, а раньше они работали в колхозе, обеспечивали нашу страну хлебом и другими продуктами. Мой дед был на войне, он участвовал в Сталинградской битве и получил орден. Я горжусь своей семьей.

Сергей СТРЕЛКОВ.

«Байга» — значит «праздник»

Два раза в год — в конце мая и после уборки урожая — в нашем совхозе проводятся конно-спортивные состязания. Их называют у нас «байгой». «Байга» — значит «праздник».

Состязания всегда собирают много участников и болельщиков. Удивительное зрелище представит перед глазами: мчатся по степи на лихих конях всадники в ярких национальных костюмах.

Летят они, обгоняя ветер! Все как на подбор — смелые, сильные джигиты. Ловко управляют конем джигиты, ни в чем не уступают им и девушки.

Конноспортивные состязания состоят из многих видов. Один из самых интересных называется «кыз куу» («догони девушку»). Выезжают в круг на конях девушка и парень. Свисток судьи — девушка вырывается вперед, а парень должен догнать ее. Настигнет — достанется ему приз победителя. Если не догонит, то должен увернуться от удара кнута, который держит девушка. Хоть и в шутку это, а для джигита — позор.

Камаш КУТТЫБАЕВА,

совхоз имени Калинина, Целиноградская область.

Драка или поединок?

Я занимаюсь каратэ. Но никогда никого не обижал, не применял приемов. Это ведь нечестно. Вообще драться не люблю.

Правда, однажды все же пришлось подраться. Случилось это в кинотеатре. Там один негодяй вымогал у малыша двадцать копеек. И вот между нами, мной и несчастным шантажистом, произошел короткий, но выразительный разговор. После него вымогатель спасся постыдным бегством.

Вот теперь я и думаю: драка — дело нехорошее. А как быть с дракой за справедливость? Она какая — хорошая или плохая?

Как вы считаете?

Вадим МАРМАЗИНСКИЙ,
г. Тула.

Рисунок В. ДЕЛБЫ.

Свет

РАССКАЗ

Волна исчезла в песке. А песок крупный и круглый, его можно даже сосчитать. Чем девочка и собралась заняться... Делать нечего было совершенно. Прочитанная книжка покрывалась ракушечной пылью...

«Саргассово море, — подумала она. — Солнце просвечивает сквозь ребра мертвой лодки». Ну, хватит придумывать! Лодка конопаченая, крашеная. Дяди Петина.

Девочка встала, с платья и коленок шурша осыпался песок. Пошла по берегу, увязая по щиколотку. С берега во двор домика можно было войти через калитку, скособоченную и одинокую, — забора давно уже не было, редко торчали серые кольшики. Девочка всегда ее открывала.

Через двор, мимо дома, вышла на поселковую улицу. А весь поселок — двадцать домов... Дорога мягкая, белая от пыли, вдоль нее деревья опустили до земли гибкие, тонкие, как волосы, ветви, изнанка листьев серебрится на ветру.

Через несколько минут она уже была на почте. За деревянным барьерчиком на столе лежали надкушенный огурец и губная помада. Кабинка для междугородных переговоров приоткрыта... Заказывай хоть Монтевидео... Девочка пошлепала громко босыми ногами по отскобленному до белизны полу, попрыгала, покашляла, попела. Все бесполезно. Ушла почтарша кормить ребенка или сбежала, не доев огурец, с денежными переводами? Девочка чуточку улыбнулась, представив сонную, розовую Марию, совершающую дерзкое ограбление. Ну, хоть что-нибудь бы произошло в этом поселке. Ребят нет, всего пять-шесть малышей... Была, говорят, девочка, ее ровесница, да уехала на лето в город, к родным.

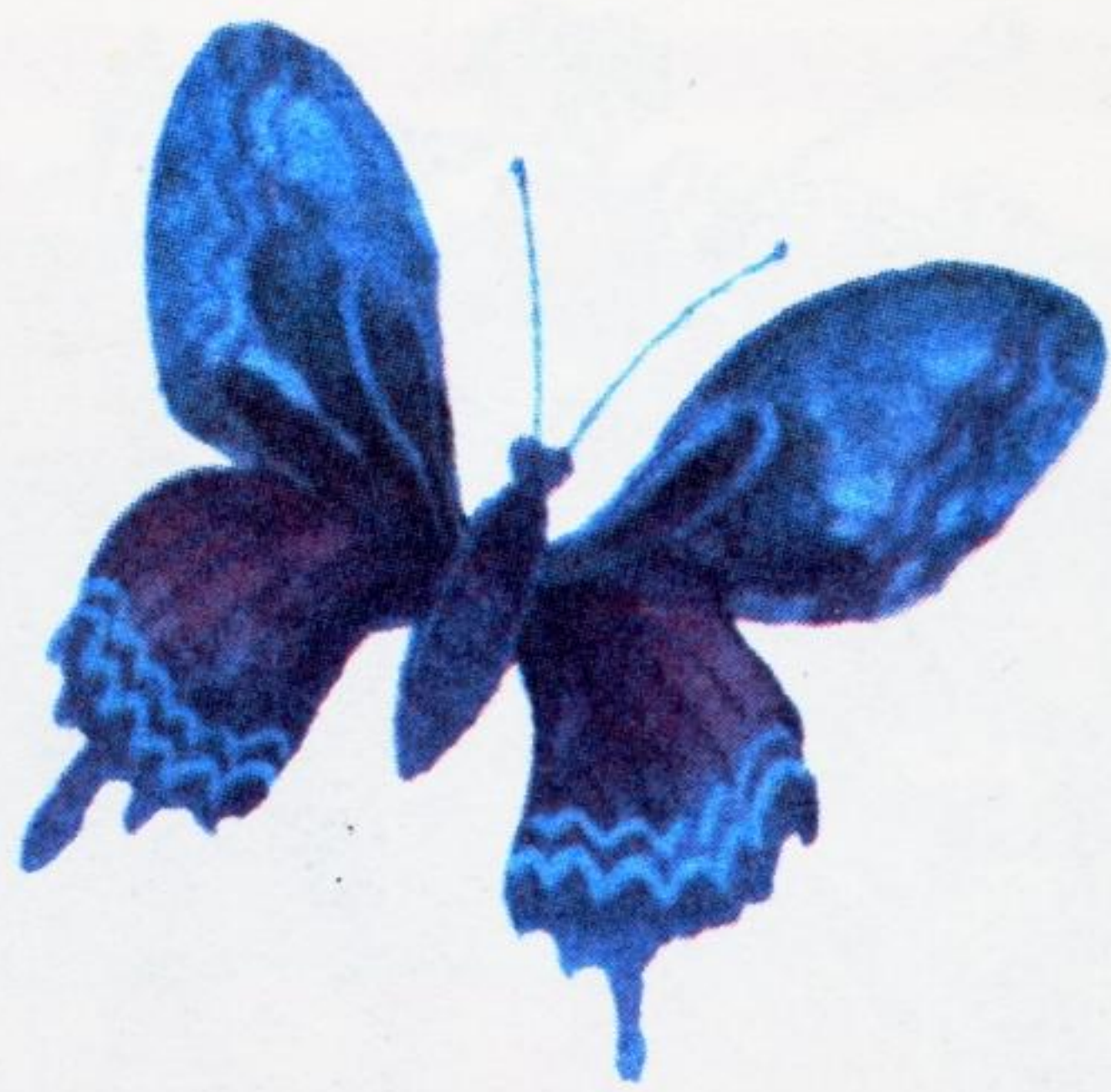
А ее, наоборот, отправили губить лето сюда, в этот поселок с пустой почтой, парным молоком, морем, почему-то спокойным, как пруд.

Она взяла со стола синий чистый бланк телеграммы, написала московский родной адрес и еще три слова: «Погибаю тчк Саргассово море тчк». Положила сверху деньги и вышла, аккуратно притворив дверь.

Нет ничего лучше моря. Но даже море надо с кем-нибудь делить. Одной оно ни к чему. Нужно поделить с кем-нибудь этот берег, в песке которого уйма сокровищ. Камни и рыбы скелеты, стекла и деревяшки, обкатанные морем... Поэтому, сидя на песке, девочка думала о своем московском доме, и восемь его сумрачных, прохладных подъездов, пустые качели и чужая собака, спящая в песочнице, казались ей счастьем, до которого так далеко, что просто хочется плакать. Она представила, как ее бестолковую телеграмму доставляют в этот дом, где только взрослое население дисциплинированно марширует по лестницам: утром — на работу, вечером — обратно... А Игорь, наверное, уехал с родителями на турбазу, а Егор и Лика в деревне у бабушки, а Ленка в пионерлагере. А она здесь. Телеграмма улетела, а дни тянутся, как песчаная ниточка в часах.

Она вдруг вспомнила, что у нее есть талисман.

синих крыльев

Правда, его нельзя вытащить из кармана и посмотреть. Он на вечном хранении в музее. В Зоологическом. После уроков она заходила туда, чтобы полюбоваться. Всюду под стеклом были махаоны, «парусники», бабочки с острова Борнео... Но эта бабочка была самая. Самая синяя из всего синего, что есть на свете. Даже когда пряталась застывшая под стеклом. А когда взлетала... Такое синее трепетание наполняло воздух, как будто пошел синий дождь. И тогда можно было загадывать все что угодно. Все бы сбылось. Но девочке не хотелось очень ее затруднять.

А теперь... Надо закрыть глаза и попробовать. Она зажмурилась сильно-сильно... И скоро сквозь ресницы стал проникать синий свет, и воздух зашелестел от взмаха крыльев. Синяя бабочка Зоологического музея.

Она вдруг улетела, а девочка почувствовала, что на нее кто-то смотрит и улыбается. Как это чувствуют с закрытыми глазами? Вот так уж... Она сразу поняла, кто это. Зажмурилась еще сильнее и сказала:

— Приличные родители являются детям не во сне, они приезжают на самом деле.

Но для сна мама слишком громко смеется, она

целует и тормозит. Потом вдруг прихватывает пальцами кожу у ребер и тяжело вздыхает:

— Когда же ты, наконец, растолстеешь?

— Никогда! — кричит она. — Тут я не растолстею никогда! Погляди! — Девочка изо всех сил втягивает щеки внутрь. И мама со страху закрывает глаза:

— Тогда поехали домой. Дай мне только искупаться...

Они купались, наверное, два часа. И море было другим, и другим был песок, горячий и ласковый, такой, что не хотелось от него отрываться. И молоко, которое они пили на прощание у тети Нюси, было вкусным. И не оторваться было от кувшина с радужной пенкой. Раньше оно почему-то таким не было.

В поезде, когда уже укладывались спать, мама сказала:

— А ты знаешь, это твои друзья уговорили меня за тобой поехать.

«Как хорошо она сказала,— подумала девочка.— Мои друзья. Не какие-нибудь там «приятели» или, скажем, «знакомые»...

Она засыпала, и в глазах у нее дрожал свет синих крыльев. Мама поправила ей подушку и выключила синий подмигивающий ночник.

Мирок юна

Ох, и достаётся же любимой команде, если она проигрывает! Форвард становится «мазилой», защитники «хлопают ушами», а больше всего перед болельщиками виноват, конечно, вратарь. Почему?

Да потому, что он — вратарь, фигура в команде особая.

Каким должен быть настоящий вратарь?

На этот вопрос отвечают **Игорь Александрович Нетто** — в прошлом капитан команды московского «Спартака» и сборной команды СССР и вратари разных поколений — **Анатолий Михайлович Акимов** и **Владимир Михайлович Пильгуй**.

Игорь НЕТТО,
заслуженный
мастер спорта СССР,
чемпион страны
и Олимпийских игр:

Как капитан я считаю, что голкипер занимает самое ответственное место на поле. Его называют «сердцем команды». Если захлебнулась атака у ворот противника, — ты можешь ее повторить, не удалась тебе задуманная комбинация, — разыграешь ее еще раз. Но если ошибся вратарь — его ошибки уже никто не исправит. Вот поэтому-то в команде так особенно бережно относятся к вратарям.

Когда я вижу, что голкипер приуныл после пропущенного мяча, стараюсь всегда поддержать его, по-товарищески ободрить. Не всегда виноват вратарь. Бывает, кто-то из защитников подошел слишком близко к воротам и помешал своему вратарю взять или отбить мяч. Или сделал неточный пас, и мяч оказался у противника. И тогда только вратарь может исправить ошибку.

Задача вратаря не только в том, чтобы защитить ворота, когда он оказался один на один

с нападающим. Настоящий вратарь умеет вовремя вступить в игру в штрафной площадке, помогает защитникам занять правильную позицию во время атаки противника. Когда в воротах именно такой вратарь, вся команда чувствует себя увереннее и спокойнее.

Анатолий АКИМОВ,
заслуженный
мастер спорта СССР,
заслуженный тренер РСФСР,
чемпион страны:

Забит гол, и вратарю остается только понуро вынимать мяч из сетки ворот. В футболе не одни удачи и победы. Но бывает так, что гол забивают в твои ворота еще до начала матча.

До сих пор помню встречу с московским «Динамо», которая состоялась 6 мая 1936 года. Я впервые играл основным вратарем в команде «Спартак». И очень волновался, как сумею провести этот ответственный матч, как воспримут меня, нового вратаря, болельщики. Хотел перед матчем подойти к капитану и рассказать о своих опасениях, но так и не расска-

зал: стыдно было сознаваться в своей нерешительности.

Началась игра. Наши защитники не подпускали динамовцев к моим воротам, и я постепенно успокоился. И вдруг нападающие «Динамо» прорвали линию обороны, ударили по воротам. Мяч не был «тяжелым», и я «взял» его. Но так неуверенно и неловко, что соперник сразу почувствовал мою слабость. И начались неприятности...

Я все время думал: «Только бы не били больше по воротам». А динамовцы, словно угадав, о чем я думаю, упорно атаковали. Тут все свои надежды я обратил к защитникам: «Только бы выдержали до конца игры». Но защита, верно, тоже почувствовала мою неуверенность и допускала ошибку за ошибкой. И вскоре Михаил Семичастный забил в мои ворота гол.

Я не смел поднять глаза. Над стадионом повисло: «Тоже мне, вратарь...» Да и сам подумал тогда, что вратарь я никудышный. Потом на тренировках я понял, что пропустил гол не из-за того, что был плохим футболистом — я не подготовился к встрече внутренне, психологически.

номер «1»

После той неудачи я стал внимательно изучать манеру игры нападающих других команд. И, готовясь к очередной встрече, мысленно представлял, от кого из нападающих можно ждать сильного и быстрого удара, кто умеет хитро обойти защитников, неожиданно послать мяч в ворота... Мысленно я пытался переиграть своих противников, и когда наступило время настоящего сражения, был уже готов к любым поворотам игры. Но главное, что я понял тогда: вратарь, настоящий вратарь должен быть бесстрашным.

Владимир ПИЛЬГУЙ,
вратарь
команды «Динамо» (Москва):

В дворовых командах на ворота всегда ставят новичков или тех, кто играет хуже других. А когда никто не соглашается, выбирают в «считалочку». Я на ворота встал сам. Потому что считал: главный на поле — вратарь. Мне нравилось выручать команду в трудные моменты игры, не боясь, бросаться под ноги нападающего. Но очень быстро я понял, что вратарская жизнь нелегкая: хорошо играешь — чувствуешь себя героем, напропускаешь мячей — и кажется, все над тобой смеются, даже прохожие. Кому это приятно? Хотелось стать вратарем настоящим. Как Лев Яшин.

Лев Иванович Яшин был моим кумиром. Я очень многому у него научился. Еще мальчишкой старался разгадать его «секреты». Присматривался, как он играет. И понял постепенно, что дело не только в отточенной технике. Важно,

как вратарь относится к сопернику. Раньше со мной бывало так: если наша команда встречалась со слабыми соперниками, я играл вполсилы. Думал: зачем перетруждать себя? Все равно выиграем! Когда играли с сильным противником, поневоле становился внимательнее, собраннее.

Теперь понимаю, как ошибался тогда. В спорте быстро все меняется. Надо рассчитывать не на слабость противников, а на себя и постоянно быть готовым к борьбе.

Сколько раз бывало так. Команда забивает подряд несколько голов в ворота противника и успокаивается. Игра становится вялой, скучной. А противник не спит, собирает силы и выравнивает счет.

Однажды у меня все так и случилось. Я как раз только начал играть основным вратарем «Динамо». За девятнадцать минут до конца игры с командой ЦСКА счет был 3:1 в нашу пользу. Можно было уже не сомневаться в победе. Но армейцы сначала сравняли счет, а потом Владимир Федотов провел в мои ворота победный мяч. Чемпионом страны стал ЦСКА.

Я очень переживал это поражение. И хоть товарищи успокаивали меня, говорили, что во всем виновата кочка, ударившись о которую, мяч изменил направление и влетел в мои ворота, я долго не мог успокоиться.

Когда забит гол, поздно размышлять, легко или трудно было его взять. Даже если не виноват, если сделал все, чтобы защитить ворота, для вратаря это самые обидные минуты.

Записали **А. ВЛАДЫКИН,**
Т. ПЕТРОВА.

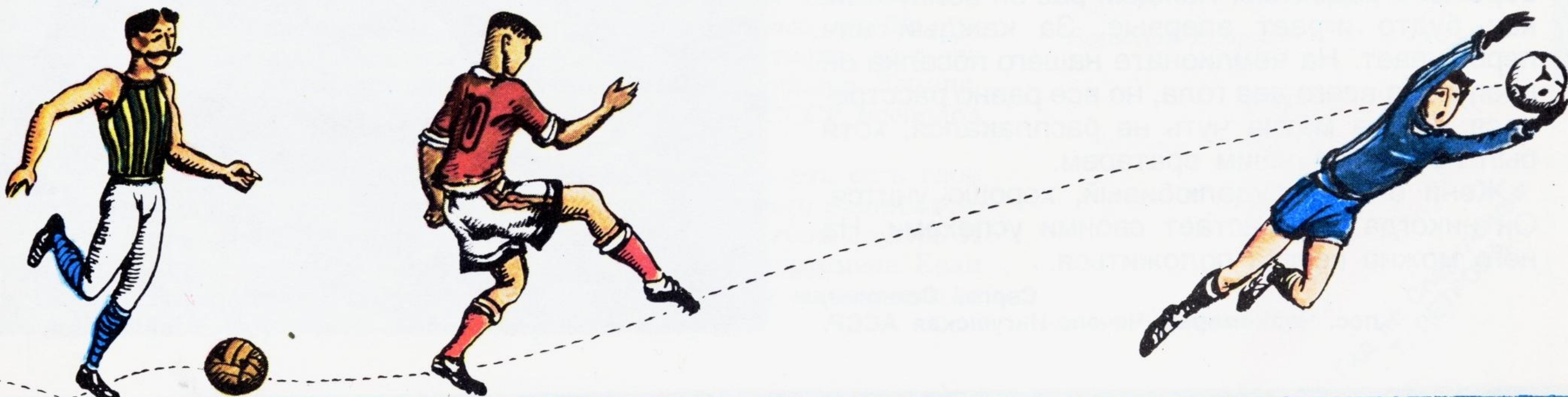
Игорь Нетто.

Анатолий Акимов.

Владимир Пильгуй.

В восьмом номере «Пионера» за прошлый год открылся клуб «Вратарь». Мы просили ребят прислать рассказы о вратарях дворовых команд и класса, фотографии, посвященные юным голкиперам. Сегодня мы знакомим тебя с некоторыми письмами.

Мы все любим футбол, и это очень здорово, что открылся клуб «Вратарь». У нас вратари замечательные. Всегда придут на выручку, не подведут.

Случилось так, что мы вышли в финал на кубок клуба «Кожаный мяч», а наш вратарь заболел. И тогда на помощь пришел вратарь младшей команды Игорь Суслов. Он учится в четвертом классе. Игорь смело встал в ворота и пропустил только один мяч. Хоть соперники были старше, наш вратарь играл ничуть не хуже, чем они. Первого места мы не заняли, но и второго никому не уступили.

Ребята из клуба «Орленок»,
г. Южно-Сахалинск.

Я хочу рассказать о вратаре нашего класса Игоре Болдыреве. Игорь не всегда одинаково хорошо играет, но зато он никогда не выбирает себе команду посильнее. Даже если приходится играть в слабой команде, Игорь никогда не уходит с поля, а, наоборот, старается не пропустить ни одного гола. Его все уважают.

Петя Лебедь,
пос. Краснокутск, Павлодарская область.

Мой друг Женя Федотов всегда стоит на воротах с радостью. Каждый раз он волнуется, как будто играет впервые. За каждый мяч переживает. На чемпионате нашего поселка он пропустил всего два гола, но все равно расстроился. После матча чуть не расплакался, хотя был признан лучшим вратарем.

Женя очень трудолюбивый, хорошо учится. Он никогда не хвастает своими успехами. На него можно всегда положиться.

Сергей Семякин,
пос. Черноморье, Чечено-Ингушская АССР.

Эти фотографии сделал для клуба «Вратарь» Паша Умнов.

**спортивная
АФИША**

Появился новый клуб, и у него должны быть свои эмблема и девиз. Многие ребята уже прислали предложения, но наш конкурс продолжается. Ждем новых предложений. А вот совет клуба юные любители футбола уже назвали:

**ЛЕВ ЯШИН,
АНАТОЛИЙ АКИМОВ,
РЕНАТ ДАСАЕВ,
ВЛАДИМИР ПИЛЬГУЙ,
АНЗОР КАВАЗАШВИЛИ.**

КОММЕНТИРУЕТ НИКОЛАЙ ОЗЕРОВ

В начале сороковых годов на поле стадиона в Черкизове, когда шел матч между командами ЦДКА и «Локомотив», за семь минут до конца встречи вышел паренек, забил три мяча в ворота соперников и остался навсегда в основном составе команды ЦДКА. Это был Всеволод Бобров. Каждая страница его футбольной биографии — яркое, незабываемое событие.

В составе московского «Динамо» Бобров играл против всемирно известных профессионалов, и как играл! Это был настоящий капитан, лидер советского футбола, самый грозный бомбардир. Он забил в ворота соперников 97 мячей за 116 игр чемпионатов Советского Союза. Бобров искал кратчайшие пути к воротам противника не только на полях футбольных. Первый капитан советской хоккейной сборной, чемпион мира, Европы, Олимпийских игр. Это он и его товарищи впервые нанесли сенсационное поражение знаменитым канадским хоккеистам.

Бобров был неудержим, забрасывал очень много — 332 шайбы. Был случай, когда он был болен и не смог выйти на ответственный хоккейный матч, а в этот день решалась судьба команды ЦДКА — быть ей чемпионом или не быть. И вот когда его родная команда оказалась в тяжелом положении, Бобров надел хоккейные доспехи и вышел играть во второй 20-минутке. Забил четыре шайбы и ушел (как пошутили его товарищи) «болеть» дальше.

Футболист и хоккеист Всеволод Бобров завоевал сердца миллионов любителей спорта в нашей стране и за рубежом. Он был признан лучшим нападающим мира на первом мировом первенстве с нашим участием и на Олимпиаде в Кортина-д'Ампеццо.

Сейчас, когда наш футбол переживает трудные времена, очень хочется, чтобы тренеры сумели воспитать таких же спортсменов, таких грозных бомбардиров, бесстрашных, энергичных, чтобы они так же беззаветно сражались за честь советского спорта, как это делал выдающийся советский спортсмен, кавалер ордена Ленина, заслуженный мастер спорта, заслуженный тренер СССР Всеволод Михайлович Бобров.

Спорт — это всегда борьба. И в каждом виде спорта есть свои лидеры — идущие впереди. Своего рода эталон. На него равняются. Лидеры штурмуют рекорды и зовут на такой же штурм других. И победить, обойти лидера — заветная мечта каждого спортсмена. Если это удастся, значит, совершенствуется спорт, растет мастерство, и уже новый лидер зовет своих товарищей вперед.

*Лидер,
кто он?*

Всеволод Бобров.

Рисунки
Д. БАРАБАША.

Гид по Спортландии
Т. ПЕТРОВА.

Лора КОСТАДИНОВА — болгарка. Живет она в Софии, учится в пятом «А» классе школы № 32. В этой школе преподавание ведется на русском языке. «Я поставила своей целью выучить русский язык так же хорошо, как его знают мои советские друзья, с которыми я переписываюсь. Я очень люблю русскую литературу, читаю по-русски все детские книги, которые продаются в нашей стране», — пишет нам Лора. «Кораблик» получил от Лоры Костадиновой несколько стихотворений, которые она написала по-русски.

Весна

Белеет снег кусками на полях.
Он тусклым хрусталем на солнце серебрится.
Капли радужно блестят, звенят в ушах,
И черная земля, согретая, дымится.
Плывут по небу кучевые облака,
И птица первая поет на все лады, ликует.
Бурлит и пенится в ручьях вода,
И вся природа звонко торжествует!

Над морем

Весна, весна, идет весна!
Над морем кружится она.
То чайкой носится, парит,
То каплей дождевой блестит.
То среди быстрых синих вод
Веселой рыбкой проплывет.
То бурной, пенистой волной
Омоет берег золотой,
И рыб игривый хоровод
Мелькнет в лазури быстрых вод.
А море ласково шумит,
И ярко солнышко блестит.
Весна, весна, идет весна!
Надежд и счастья полна!

Во всех странах мира есть ребята, которые с увлечением учат русский язык, хотят читать и говорить по-русски. Многие переписываются со своими сверстниками, пионерами Советского Союза, а кое-кто отваживается даже сочинять по-русски стихи и рассказы.

На борту «Кораблика» — произведения его зарубежных друзей.

Эти стихи прислал Ришард РОЗИНОХ из Польши. В школе он изучает русский язык и тоже пробует сочинять по-русски.

Мой сад

Я посадил
Сад у окна,
Сад, которого нет.
Выдуманные шумят
В нем деревья.
Выдуманные
Зеленеют кусты.
Выдуманный соловей
В этом саду поет.
Вот какой сад
Я посадил у окна!

«АЛИСА
В СТРАНЕ
ЧУДЕС».

Работа
Тани ЗАРЯНСКОЙ.
Тане 7 лет.

Кате ХАЛУС 11 лет, живет она в Будапеште, учится в шестом классе.

Катя сочинила историческую повесть из жизни американских индейцев. Повесть называется «Лошадь по имени Пантера», действие происходит в начале прошлого века. Мама помогла Кате перевести на русский язык отрывок о том, как индеец Отома отправился на Пантере в город Сан-Франциско.

Лошадь по имени Пантера

В Сан-Франциско Отома нашел торговца мехами, но тот отказался купить у него шкуры зверей.

— Мне очень жаль, Отома,— сказал он,— но губернатор запретил мне торговать с вами, индейцами.

— Почему? — спросил Отома. — Чтобы индейцы, защищающие свою землю, не могли купить оружие? Чтобы жалким пришельцам легче было захватить всю нашу территорию? — Отома говорил тихо, но в голосе его звучала угроза. Торговец тяжело вздохнул.

— Все это верно, но я ничего не могу поделать, Отома. Если я послушаюсь, у меня отберут мою лавку, выгонят из города, а то и убьют. Мне, честное слово, очень жаль...

В гневе вскочил Отома в седло. Пантера резко вздернула голову и затанцевала на месте, потом неуверенно двинулась вперед. Отома отпустил поводья: пусть идет, куда хочет, он доверял ей. Должно быть, Пантеру привлек запах лошадей — она привезла Отому к группе всадников, которые что-то горячо обсуждали.

— Что здесь происходит? — спросил Отома у прохожего.

— Какие-то скачки,— бросил через плечо белый.

«На скачках обычно раздают призы, может быть, тут я смогу добыть оружие?» — подумал Отома и решительно направился к всадникам. Все они были белыми, Отома заметил лишь одного метиса.

Отома спешился и подошел к помощнику судьи. Чтобы принять участие в скачках, надо было записаться. Отома назвал свое имя и имя лошади.

— Что за индейские имена! — пробормотал помощник судьи и посмотрел на Отому. — Слушай, Бранд! — обратился он к своему начальнику. — Тут индеец явился. Записать его?

— Пусть развлекается. На такой лошади все равно далеко не уедет,— ответил с издевкой главный судья.

Пантера, которую Отома научил немного понимать человеческую речь, обиженно вскинула голову. Конечно, она не была красавицей, но тот, кто знал ее, не усомнился бы в ее победе.

Судьи показали призы. Первым призом была девушка-индианка, рабыня. Вторым — ружье-двустволка, карабин и копье с золотым наконечником. Вот оно, оружие, которое нужно было

Отоме! Ему следовало бороться за второй приз, но вдруг... Девушка-рабыня взглянула на него, и Отоме показалось, что он ее узнал. Когда-то давно — Отоме было тогда десять лет — белые ночью напали на его селение и похитили восьмилетнюю девочку по имени Сверкающая Звезда. Сердце Отомы сжалось: он понял, что должен спасти свою соплеменницу!

Скачки были с препятствиями. Требовалось перескочить несколько рядов живой изгороди — да так, чтобы ее не кокнулись ленты, привязанные к ногам лошади, а затем переплыть пруд.

Участники соревнования вышли на старт. Судья поднял пистолет и выстрелил. Пантера никогда еще не слыхала звука выстрела. Она очень испугалась и не желала двигаться с места. Сверкающая Звезда заметила, что среди участников состязания есть один индеец. Ее глаза засияли, но тут же опечалились: Пантера все еще плясала на одном месте.

Но вскоре Пантера догадалась, что от нее требуется. Она взвилась на дыбы и ринулась вперед со скоростью ветра. Красивой дугой перепрыгнула она живую изгородь. Глядите, Пантера уже вырвалась на второе место! Всадник не понукал ее, она сама на всем скаку бросилась в пруд и переплыла его. Свежая вода влила в нее новые силы, к финишу она пришла первой. Вторым был испанец. Сердце Отомы наполнила радость: он думал о Сверкающей Звезде.

Но все обернулось по-другому.

Испанец громко возмущался тем, что в состязании принимает участие индеец.

Судьи задумались. А испанец продолжал:

— Я видел, что у препятствия ленты задели изгородь, чуть не оторвались!

— Это неправда, моя лошадь прыгала очень высоко. Бледнолицый человек ошибается,— сказал Отома.

— Нет, я сам видел, я шел сзади тебя, упрямая индейская собака!

— Я управлял лошадью, и мне лучше знать, как было дело,— ответил Отома.

— Смотри, конец одной ленты оборван!

— Твоя лошадь сделала это, ты заставил ее наступить на ленту!

Испанец покраснел, но он не успел ответить — главный судья поднял руку и сказал:

— Тише! Решим так. Пусть эти два всадника сразятся друг с другом. Победителю достанется первый приз.

Отома смело вскочил в седло. Испанец оседлал лошадь и вытащил пистолет. Пантера встала на дыбы.

Издав боевой клич, Отома направил Пантеру навстречу бледнолицему. И тут... Пантера зубами схватила белую руку испанца и стряхнула его на землю. Испанец закричал от ужаса, зрители вскочили со своих мест. Отома не позволил Пантере растоптать испанца, только перескочил через него.

Затем Отома нагнулся, поднял Сверкающую Звезду, посадил на Пантеру, и они умчались в свою деревню.

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

ЛАУРЕАТ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ,
ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЛЕН АКАДЕМИИ
ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК СССР

ТОВАРИЩИ - ДЕТИ

СПЕКТАКЛЬ
В ДВУХ ОТДЕЛЕНИЯХ
ОТДЕЛЕНИЕ II
НЕ ТА КВАРТИРА...

КОМЕДИЯ В ДВУХ
КАРТИНАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

АРТУР-Вор, 25 лет

СЛАВА - школьник, 13 лет

СОСЕДКА СПРАВА

СОСЕДКА СЛЕВА

АЛЛОЧКА - школьница, 13 лет

ОТЕЦ

МАТЬ

} родители Славы

НАТАША-девушка с косой, 20 лет

ОФИЦИАНТКА

ПОСЕТИТЕЛИ В КАФЕ

Действие происходит в наши
дни, в городской квартире
и в кафе

Начало в № 5.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Комната в скромно обставленной городской квартире. Платяной шкаф. Телевизор, полка с книгами, обеденный стол, кресло-качалка. Тахта. Настенный календарь.

Летний вечер.

Сидя в кресле-качалке, Слава перелистывает «Пионерскую правду». В передней раздается подозрительный звук: кто-то возится возле двери, видимо, пытается открыть дверной замок. Слава прислушивается. Быстро встает и прячется за спинку кресла. В передней слышен какой-то шорох. В комнату в носках входит молодой человек. Не замечая Славы, он осматривается, подходит к шкафу, открывает дверцу и заглядывает в него.

СЛАВА (неожиданно). Что вы там ищете?

ВОР вздрагивает от неожиданности и вынимает из кармана нож. Слава выходит из своего укрытия.

ВОР (грозным шепотом). Тихо, пацан! Кто еще в квартире?

СЛАВА (спокойно). Никого. Я один с дачи приехал. Спрячьте нож! Я же на вас не нападаю.

ВОР (пряча нож). Это какая квартира? Какой номер?

СЛАВА. Тридцать первая. А вам какая нужна?

ВОР. Тридцать седьмая.

СЛАВА. Это выше этажом.

ВОР. Тьфу ты, черт! Этажом ошибся! Кто там живет?

СЛАВА. В тридцать седьмой? Какой-то художник.

ВОР. У него иконы есть?

СЛАВА. Какие иконы? На которые молятся?

ВОР. Ну, а какие же еще бывают? Одни на них молятся, а другие просто так... собирают.

СЛАВА. Не знаю. Я у него никогда не был. У них собака больно злая. Дог! Знаете таких собак? Как телята! Два килограмма мяса ему подай, а ему все мало.

ВОР. А у вас иконы есть?

СЛАВА. У нас? А зачем нам они? Мы неверующие. У бабушки была одна иконка, так, когда она умерла, ей ее в гроб положили. Маленькая такая иконка.

ВОР. А книги хорошие есть?

СЛАВА. У кого? У художника?

ВОР. У вас книги хорошие есть? Отвечай, когда тебя спрашивают.

СЛАВА. А какими вы книгами интересуетесь?

ВОР. Подписные есть? Толстой, Пушкин, Гоголь? Булгаков есть? Дюма-отец? Сын? Есть, я спрашиваю?!

СЛАВА. Вообще книжки есть, а вот подписных нет. Не смогли подписаться. Вы знаете, как сейчас на что-нибудь подписаться? Мы в библиотеке берем, если что надо прочитать.

ВОР (разочарованно). А чего у вас есть?

СЛАВА. Вот телевизор есть, не очень новый. Ну что еще?

ВОР. Деньги где мать прячет? Ценности есть?

СЛАВА. Что вы ко мне пристали? Сами ошиблись квартирой, а теперь что-то вам все не нравится. Денег у нас нет. Золота нет. Ничего у нас нет.

ВОР. Почему?

СЛАВА. Мы не ворует. Папа говорит: «Мы живем честно и потому спим спокойно». А вы спокойно спите?

ВОР. Не твоё дело.

СЛАВА. Конечно, это не мое дело, это я просто так спросил, можете не рассказывать, как вы спите. Я сам догадываюсь.

ВОР. Чего это ты со мной так разговорился?

Ждешь, пока кто-нибудь придет, чтобы меня заложить?

СЛАВА. Никто не придет. Можете не волноваться. Мои на даче. Завтра приедут. А я никого не жду.

Звонок в дверь.

ВОР. Дождался?

Достает нож.

СЛАВА. Да спрячьте вы свой нож! Садитесь тут и ничего не трогайте!

Выходит. Появляется вместе с СОСЕДКОЙ СПРАВА.

СОСЕДКА (поклонившись ВОРУ). Добрый вечер! А ты, Славочка, когда дверь-то открываешь, спроси сначала: «Кто?» Не открывай так, без спроса! Теперь всякие ходят... Ты один дома?

СЛАВА. Вообще один, а сейчас вот... вдвоем... (Показывает на ВОРА.)

СОСЕДКА СПРАВА. Я к тебе за спичками! Не знаю, куда свой коробок задела. Муж с работы пришел, а газ зажечь нечем.

СЛАВА. Я сам без спичек сижу. Хотел себе чайник согреть, а спичек тоже найти не могу. (Обращается к ВОРУ.) У вас есть спички?

ВОР достает спички.

СОСЕДКА СПРАВА. Вот выручили. Я вам их сейчас верну. Спасибо большое. Закрой за мной, Славик! Я мигом...

ВОР. Кто такая?

СЛАВА. Наша соседка по площадке справа. У нее муж в милиции работает.

ВОР (быстро встает). Этого еще не хватало!

СЛАВА. Сидите, сидите! Он в ГАИ! Его только шоферы боятся.

ВОР. Чудной ты пацан! Первый раз такого встречаю. Любопытный ты парень!

Достает папиросу. Шарит в кармане.

СЛАВА. Вы же спички отдали. Сейчас она их вернет.

ВОР (мнет сигарету). Как же это я квартирой ошибся?..

СЛАВА. А вы только грабите или еще где-нибудь работаете?

ВОР. Работаю, работаю...

СЛАВА. А чего вы себе пистолет не заведете? Вы же бандит! У всех настоящих бандитов должны быть пистолеты.

ВОР. Не нужен мне пистолет. Мне и без него хорошо.

СЛАВА. Вы кто? Вы бандит или грабитель? Или просто жулик? Или гангстер? (Присматривается к ВОРУ.) Нет, вы не гангстер! Гангстеры в Америке!

ВОР. А техники у вас, конечно, тоже нет?

СЛАВА. Какой техники?

ВОР. Заграничного магнитофона или проигрывателя. Типа «Грюндиг» или «Панасоник»?

СЛАВА. Нет у нас никакой техники, кроме этого телевизора. Вы хотите его забрать?

ВОР. На черта он мне сдался, твой телевизор! Тащить его на свалку?

СЛАВА. А больше у нас взять нечего. Сами видите.

ВОР. А у художника техника есть?

СЛАВА. Что вы ко мне пристали с этим художни-

ком? Мало ли что у него есть? Собака у него есть, а больше я ничего не знаю. А и знал бы, не сказал! Я не доносчик!

БОР. Ну, ты даешь! (Смеется.)

СЛАВА. Ничего я не даю.

Звонок в дверь. СЛАВА выходит. БОР сидит настороже. Входит СОСЕДКА СПРАВА. Возвращает спички.

СОСЕДКА СПРАВА. Большое спасибо, товарищ!

БОР нервно закуривает. СОСЕДКА выходит.

ГОЛОС СОСЕДКИ (в передней). И никому, Славочка, не открывай. Только своим!

СЛАВА (возвращается). Если бы она знала, кто вы такой, она бы тут с катушек скатилась! (Хохочет.) «Спасибо, товарищ!» (Хохочет.) А как вас зовут?

БОР. Артур.

СЛАВА. А я Слава. Вот и познакомились. Артур! Очень неподходящее для вас имя! Очень неподходящее! А у вас кличка есть?

АРТУР. Есть.

СЛАВА. Не секрет, какая? Я никому не скажу.

АРТУР. «Шляпа».

СЛАВА. А почему вас так прозвали?

АРТУР. Я по праздникам шляпу ношу. Вот и прозвали.

СЛАВА. Интересно. А вы когда-нибудь в тюрьме сидели?

АРТУР. Не сидел.

СЛАВА. А милиция вас задерживала?

АРТУР. Бывало. Отпускали.

СЛАВА. А если по-настоящему попадетесь? Это ведь опасно, если у вас такая специальность — квартиры грабить.

АРТУР. Я по специальности монтер.

СЛАВА. А в свободное от работы время, значит... это самое? «Хобби»?

АРТУР. Это самое.

СЛАВА. А что вы с иконами делаете? Продаете?

АРТУР. Не колим же!

СЛАВА. А кто их покупает? Верующие?

АРТУР. Иностранцы и еще эти... спекулянты, которые перепродают.

СЛАВА. Знаете что? Дайте мне спички, я пойду поставлю на кухне чайник и приготовлю яичницу на двоих! Мы с вами и чайку попьем, и закусим, и поговорим. Вы мне все, все расскажете про вашу жизнь! А пока включите телевизор! Сейчас как раз должен быть хоккей! Вы за кого болеете?

АРТУР. За «Торпедо».

СЛАВА. А я за «Крылышки». Вам три яйца хватит?

АРТУР. Хватит.

СЛАВА выходит. В передней звонят. Хлопает дверь.

ГОЛОС СЛАВЫ. Проходи, Аллочка! Я сейчас.

Появляется девочка.

АЛЛОЧКА. Добрый вечер.

АРТУР. Здравствуйте!

АЛЛОЧКА. Это кто играет?

АРТУР. Я еще не понял.

АЛЛОЧКА. Мы с вами незнакомы? По-моему, я вас где-то видела.

АРТУР. Не знаю.

АЛЛОЧКА. Впрочем, может быть, я ошиблась. Вы не родственник Славы?

АРТУР. Знакомый.

Входит СЛАВА.

СЛАВА. Познакомились? Очень хорошо. Это Артур. Монтер. Он мне телевизор чинил.

АЛЛОЧКА. Я к тебе на минуточку. Дай мне учебник по математике, задачку переписать.

СЛАВА. Пожалуйста! (Достает книгу.) Только со срочным возвратом.

АЛЛОЧКА прощается и выходит. СЛАВА возвращается со сковородкой, на которой шипит яичница. Ставит на стол. Достает ложки, хлеб. Приглашает «гостя» к столу.

СЛАВА. Ешьте и не бойтесь! Я был очень рад с вами лично познакомиться. Все-таки будет что рассказать ребятам. Жаль, у меня нет фотоаппарата, а то бы я вас с удовольствием сфотографировал себе на память.

АРТУР. Этого еще не хватало! Ты брось, пацан, такие шутки шутить!

СЛАВА. Я же не для милиции, а лично для себя! Ну, все равно аппарата у меня нет. Я же сказал, что у нас нет никакой техники, кроме телевизора, а фотоаппарат ведь тоже техника! Ешьте, ешьте! (Режет хлеб.) Хлеб вчерашний, а ножик тупой! Дайте-ка ваш нож!

АРТУР достает нож и передает его СЛАВЕ. СЛАВА режет хлеб.

СЛАВА. Это другое дело. Он самодельный?

АРТУР. У товарища взял.

СЛАВА. Все-таки для ваших дел пистолет лучше.

АРТУР. За пистолет большой срок дают.

СЛАВА. Как вам яичница? Вы знаете, я очень люблю сам себе готовить! Но умею готовить только яичницу. Правда, могу с колбаской, с луком, с салом... Ой, засвистел! Это чайник! Вскипел! Сейчас будем чай пить.

Выходит. АРТУР продолжает смотреть хоккей. В передней звонят. АРТУР вздрагивает. Настораживается. Появляется СОСЕДКА СЛЕВА.

СОСЕДКА СЛЕВА. Славочка, ты один?

СЛАВА. Нет, не один. Познакомьтесь, пожалуйста! Это Артур!

СОСЕДКА СЛЕВА. Очень приятно. Марья Антоновна! (Обращается к СЛАВЕ.) Ваши на даче?

СЛАВА. Завтра приедут.

СОСЕДКА СЛЕВА. Ночуешь один?

СЛАВА. Не знаю... Может быть, вот... товарищ останется! (Смотрит на АРТУРА.) Вы у меня ночевать не останетесь?

АРТУР (смутившись). Да нет, зачем же... Я пойду...

СОСЕДКА СЛЕВА. Может быть, переночуете у Славика? А то как же он совсем один. Мало ли что случиться может. Не ровен час, ночью кто в квартиру полезет.

АРТУР. По ночам теперь редко лазают. Больше днем, когда все на работе.

СОСЕДКА СЛЕВА. А вы откуда знаете?

СЛАВА. Он знает, знает!

СОСЕДКА СЛЕВА. Хотела у твоей мамы нужный номер телефона узнать, теперь придется завтра ее побеспокоить. До свидания!

• АРТУР. До свидания!

СОСЕДКА выходит. СЛАВА возвращается.

СЛАВА. Я понимаю, что ночевать вам у меня совершенно неинтересно. Да я и один переночую. Вы же теперь видите, что я никого не боюсь.

АРТУР. Вижу.

СЛАВА. Вы знаете, Артур, я что вам сейчас расскажу! Одну историю! Вы же, я думаю, никуда не спешите? В тридцать седьмую квартиру вы уже, наверное, не полезете? Значит, так... Читал я одну книжку, и было там написано про одного такого, как вы... Ну, значит, про вора. Вы уж меня, Артур, извините, что я вас так называю. Вы не обиделись?

АРТУР. Валяй! Трави баланду!

СЛАВА. Значит, этот вор решил: «Все! Больше не буду воровать и грабить!»

АРТУР. «Завязал», по-нашему.

СЛАВА. Я уж не знаю, как по-вашему, а по-нашему: решил стать честным человеком. Ну, и знаете, что с ним дальше стало? Он стал знаменитым строителем. Вот!

АРТУР. Агитируешь?

СЛАВА. Чего мне вас агитировать? Вы сами не маленький. Скажите мне лучше по-честному, не противно вам по чужим углам шарить? Вы же рискуете! Удивительно, как вы до сих пор не топались. Сколько вы уже квартир обчистили?

АРТУР. Сколько, сколько... Одну!

СЛАВА. Много взяли?

АРТУР. Мелочь.

СЛАВА (в раздумье). Конечно, квартира — это не банк!.. Скажите, Артур, а вы в армии не служили?

АРТУР. Освобожден по болезни.

СЛАВА. Жаль. Надо было бы вам в армии отслужить. Другим бы человеком были...

АРТУР (с раздражением). Вот что, Славик! Мне пора смыться! (Поднимается.)

СЛАВА. Да посидите еще. А то мне одному скучно будет. Вы же мне ничего еще про вашу жизнь не рассказали.

АРТУР. А чего рассказывать?

СЛАВА. Вы-то сами что о себе думаете? Хорошим вы делом занимаетесь?

АРТУР. Ты меня не коли, Славик! И без тебя тошно.

СЛАВА. У вас есть настоящие друзья? У меня, например, есть!

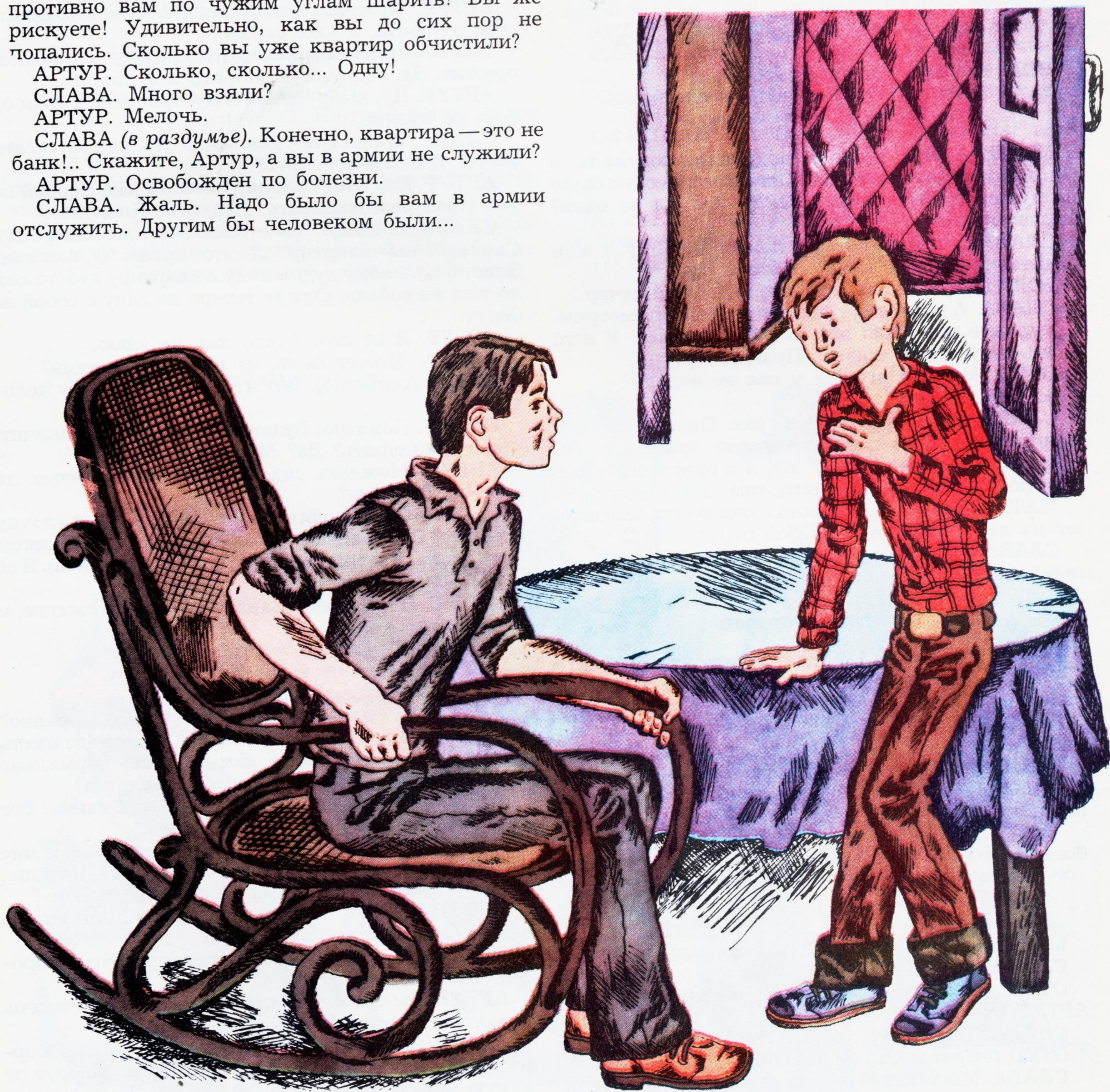
АРТУР. У нас не друзья, а компания.

СЛАВА. Я так и подумал. Это которые «на троих», да?

АРТУР. Не без этого.

СЛАВА. А вы что, без них жить не можете?

— Поезжайте в другой город, заведите себе настоящих друзей!

Поезжайте в другой город, заведите себе настоящих друзей. У вас есть подруга?

АРТУР. Какая подруга?

СЛАВА. Ну, неужели вы меня не понимаете? Подруга, которая вас любит и которую вы любите. Или в крайнем случае уважаете. Есть такая?

АРТУР. Нет такой.

СЛАВА. Ну вот. Заведите себе такую, и она вам поможет жить. Видели Аллочку? Девочку, которая только что ко мне приходила. Видели?

АРТУР. Видел.

СЛАВА. Это моя подруга. Она мне помогает жить. Мне с ней весело. Вы думаете, она зачем ко мне пришла? За учебником по математике? Ничего подобного. Она просто захотела меня увидеть. А придумала историю с учебником. Вы думаете, я сразу не понял?

АРТУР. До чего ж ты, пацан, ушлый, как я погляжу!

СЛАВА (улыбаясь). Это как понимать? Умный, что ли? Или хитрый?

АРТУР. Ушлый, одним словом!

СЛАВА. Буду теперь знать.

В передней хлопает дверь. Слышны голоса.

ВОР. Это еще кого черт несет?

Входят родители Славы.

МАТЬ. А мы, Славик, подумали, подумали и решили вернуться в город. Как-то беспокойно было на душе. Ты тут один. (ВОРУ.) Ах, ты не один? Здравствуй!

СЛАВА. Познакомьтесь, пожалуйста! Это мои родители — папа и мама! А это Артур.

РОДИТЕЛИ. Очень приятно... Добрый вечер...

СЛАВА. А мы вот тут сидим и телевизор смотрим. Артур мне про свою жизнь рассказывает. У него очень интересная жизнь! Правда, Артур?

ОТЕЦ. Мы вас раньше у нас не видели?

АРТУР. Не видели.

СЛАВА. Он у нас первый раз. Он монтер. Его приглашали в тридцать седьмую квартиру. Он пришел, а там никого нет. Ну, я и пригласил его к нам подождать, может быть, там еще придут.

МАТЬ. Вряд ли. По субботам они всегда выезжают на дачу. И собаку с собой берут.

СЛАВА. Ну вот, видите, Артур, как вам не повезло. Даже собаки дома нет.

Внезапно тухнет свет.

ГОЛОС МАТЕРИ. Господи! Опять эти пробки!

ГОЛОС ОТЦА. У соседей опять все приборы включены! Снова перегрузка.

ГОЛОС СЛАВЫ. Артур! Вы монтер! Помогите папе!

ГОЛОС АРТУРА. Сейчас наладим.

ГОЛОС МАТЕРИ. У нас щиток на лестничной площадке.

Все в темноте выходят из квартиры. Когда вновь зажигается свет и все возвращаются, АРТУРА уже среди них нет.

МАТЬ. А где же этот милый молодой человек?

СЛАВА. Смылся.

ОТЕЦ. (подходит к столу, видит забытый АРТУРОМ нож). Что за нож?

СЛАВА. Это Артур забыл. Это его нож.

ОТЕЦ (строго). Это не нож, а холодное оружие!

СЛАВА. Мы им хлеб резали. А вообще, папа, если

хочешь знать, кто это был, то, если честно, это был вор!

Немая сцена.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Кафе «Мороженое». В углу за пустым столиком сидит АРТУР в шляпе. Читает газету. Видимо, кого-то ждет. Появляется СЛАВА. Подходит к столику, за которым сидит АРТУР. Садится напротив.

СЛАВА. А-а-а! «Шляпа»! Вот не ожидал! Приятная встреча! Чего же это вы, Артур, тогда в темноте смылись и даже не попрощались! Свой нож забыли. Знал бы, что вас сегодня тут встречу, захватил бы его с собой.

АРТУР (сухо). Можешь оставить себе на память. Привет, Слава!

СЛАВА (понимающе). Понимаю... Пистолет лучше...

АРТУР. При чем тут пистолет? А нож можешь себе оставить, я уже сказал.

СЛАВА. Папа говорит, что это не нож, а холодное оружие. За него могут забрать в милицию.

АРТУР. Ну, выброси его в мусоропровод, если он тебе не нужен.

СЛАВА. Жаль. Все-таки вещь! Ну, как выживаете? Еще не попались?

АРТУР. Вот что, Славик! Неохота мне с тобой на эти темы разговаривать. Неохота! Понятно?

СЛАВА. Понятно. А все-таки... Мне же интересно. Сколько вы квартир за это время обчистили? Знаете, к нашему художнику в квартиру кто-то лез, но там же собака. Они ее теперь на дачу с собой не берут.

АРТУР. Я не лез. А кто лез, не знаю.

СЛАВА. Может быть, из вашей компании?

АРТУР (серьезно). Вот что, Славик! Я жду человека...

СЛАВА. Понятно. Будете сговариваться? Значит, я могу помешать? Да? Мне уйти?

АРТУР. Можешь сидеть, но держать язык за зубами. Ты один?

СЛАВА. Сейчас один, но я тоже жду. Вы Аллочку помните? Это девочка, которая ко мне за учебником приходила. Вы еще вместе телевизор смотрели. Я ее жду.

АРТУР. Ну, и ладно. Заказывай ей мороженое, и отдыхайте.

СЛАВА. А вы кого ждете? Мужчину?

АРТУР. Увидишь кого. Девушку жду.

СЛАВА. Девушку? Как ее зовут?

АРТУР. Ну, Наташей. А тебе-то не все ли равно?

СЛАВА. Я же вам тогда сказал: «Вам надо иметь хорошую подругу, и она вам поможет нормально жить». Значит, теперь у вас есть подруга?

АРТУР. Какой ты, однако, вредный, Славик! Все тебе надо знать.

СЛАВА. Мы же с вами старые знакомые, и мне интересно, как вы... что вы... А она, эта Наташа, знает, что вы... это самое? Про ваше «хобби»?

АРТУР. Славик! Она ничего такого про меня не знает. Она порядочная.

СЛАВА. Значит, вы ее обманываете? Это нехорошо! Это плохо, Артур!

АРТУР. Ты тут меня будешь учить? Я сам теперь знаю, что плохо и что хорошо.

СЛАВА. Вы представляете, как она может огорчиться и расстроиться, если вас вдруг заберут за какую-нибудь кражу или ограбление. Если она вас

любит, она этого не переживет. Это будет для нее такой удар, такой удар, что вы себе этого просто не можете представить! Честное пионерское!

АРТУР. Если бы были свободные столики, я бы от тебя, Славик, пересел, честное слово!

СЛАВА (видит приближающуюся АЛЛУ). Моя идет! (Поднимается навстречу АЛЛЕ.)

АЛЛА (подходит). Здравствуйте! По-моему, я вас где-то видела. Хотя, может быть, я ошибаюсь.

СЛАВА. Ну, как же не видела? Конечно, видела. У меня на квартире. Это Артур, мой друг! Вы еще вместе хоккей смотрели.

АЛЛА. Ах, да! Действительно. Вспомнила.

АРТУР (поднимаясь навстречу подошедшей девушке). Наташа! Познакомься, пожалуйста, с моими юными друзьями! Слава... Алла... А это Наташа!

Подходит официантка.

ОФИЦИАНТКА. Вам что подать, товарищи дети?

СЛАВА. Два пломбира и два напитка.

АРТУР (официантке). Два пломбира и два бокала шампанского! Мы уже не дети!

Официантка, приняв заказ, уходит.

НАТАША. Вы давно знакомы?

СЛАВА. Как вам сказать?... Не очень давно, но все же...

НАТАША. А мы познакомились ровно полгода тому назад, и, видимо, по этому случаю Артур заказал шампанское!

СЛАВА. Я подумал, что Артур просто хочет выпить за любовь и дружбу! Верно, Артур?

АРТУР. Конечно, и за это... само собой...

СЛАВА (вдохновенно). Вы знаете, Наташа! Простите, что я вас так называю...

НАТАША. Конечно. Пожалуйста!

СЛАВА. Вы знаете, Наташа! Честно говоря, я дружу с Артуром не годы. Но иногда даже годы ничего не определяют. Так говорит мой папа. Но я могу сказать про вашего друга, что он очень честный и порядочный человек. С него можно брать пример. Он никогда вам о себе ничего не рассказывал?

АРТУР (предупреждая). Слава!

СЛАВА (продолжает). И не расскажет. Из скромности. Он героический человек.

НАТАША. Я это предполагаю. Мне достаточно было один раз увидеть, как он на высоте шестнадцатиэтажного дома со своей электросваркой... Я чуть в обморок не упала.

СЛАВА. С электросваркой? Артур! Вы действительно теперь так рискуете?

АРТУР. Ничего особенного. Работаю сварщиком, ну и что?

СЛАВА. Это прекрасная специальность! Это лучше, чем та, которая у вас была. А ту вы бросили? Я имею в виду... эту... по более низким этажам?

АРТУР. Слава! Я просил бы...

СЛАВА. Что? Разве я что-нибудь не так сказал?

Официантка приносит заказ. Кладет на стол счет.

ОФИЦИАНТКА. Пожалуйста, товарищи дети!

Уходит, получив деньги.

АРТУР (поднимая бокал и чокаясь с Наташей). Я, Наташа, хочу выпить за тебя!

НАТАША. А я за тебя, Артур!

— А Наташа знает про ваше «хобби»?

СЛАВА. Мы не пьем, мы еще не доросли! Так говорит про нас моя мама.

АЛЛА. И мой папа так говорит.

Все молча едят мороженое.

НАТАША (*поднимаясь*). Я сейчас вернусь. Позвоню только домой, чтобы они не волновались.

АЛЛА (*поднимаясь*). Я тоже обещала позвонить. Я сейчас...

Уходят.

АРТУР (*СЛАВЕ шепотом*). До чего же ты вредный, Славик! Так и тянет тебя за язык... Учти, Славик! Если хочешь знать всю правду, то я тебе ее скажу.

СЛАВА. Говорите, только скорее, а то они сейчас вернутся.

АРТУР. Я «завязал»... Вот с того случая, как я в твою квартиру по ошибке забрался. Очень ты меня тогда допек! Я и нож свой у тебя не забыл, а просто оставил, чтобы его больше в руки не брать.

СЛАВА. Я так и понял.

АРТУР. Вот нашел себе подругу, как ты велел. Тебе она нравится?

СЛАВА. Подходящая. Кто она?

АРТУР. Медицинское училище кончает. Медсестрой будет. Хочет на БАМ ехать. Что посоветуешь? Податься мне с ней на этот самый БАМ? Советуешь?

СЛАВА. И вы еще спрашиваете! Вы, бывший вор!

АРТУР. Тихо, ты! Чего орешь?

СЛАВА (*шепотом*). Я же сказал «бывший»! (*Решительно.*) Рекомендую податься!

АРТУР. Я и то думаю. Женюсь я на ней. Вот что я еще думаю.

СЛАВА. Хорошая идея! Заболеете — медсестра всегда рядом.

АРТУР. Не в этом дело, что медсестра рядом, а в том, что я решил всю свою жизнь переkreить. И это все ты, пацан, наделал! Все из-за тебя! Дурацким своим разговором тоску на меня тогда навел. А попал бы я в тот вечер не в твою квартиру, а этажом выше, я бы сегодня...

СЛАВА. ...в тюрьме сидел! Забыл я вам тогда сказать, что у художника-то квартира вообще на охране милиции состоит. Не успели бы вы со стены иконы снимать, как они бы тут же и нагрянули — и вас за решетку, а потом туда... дальше БАМа!

АРТУР (*помолчав*). Что-то наши подружки долго не возвращаются. Пойдем посмотрим!

СЛАВА. Мы расплатились?

АРТУР. Расплатились.

СЛАВА. Тогда пошли. Пломбир они доели.

АРТУР. Может, они еще бы заказали?

СЛАВА. На сегодня хватит. Хорошенького понемножку.

АРТУР. Там у автоматов всегда всякая шпана вертится, как бы наших девочек не обидели!

СЛАВА. А мы на что? Ваша Наташа сказала, что пошла звонить к себе домой. А моя Алла? Вы думаете, тоже домой? Ничего подобного! Просто она захотела, чтобы я подумал, будто она знакомому мальчику решила позвонить. Чтобы я поревновал. А я-то знаю, что я у нее один!

Уходят. Официантка убирает со стола.

Звучит музыка.

КОНЕЦ.

ЭСТАФЕТА
ПАМЯТИ

Наш разговор — о доброте. Признаюсь сразу: я не очень-то люблю подобные разговоры — о чуткости, о бескорыстии, о любви. Никакие разговоры не помогут человеку стать добрым.

И все же в жизни каждый из нас сталкивается и с добротой и с жестокостью, рано или поздно задумывается: что же такое доброта?

Впервые этот вопрос встал передо мной, когда я был совсем маленький. Время это — сразу после революции — было очень тяжелое. Люди оставались без крыши над головой, без куска хлеба. В стране появилось очень много нищих. Они выстраивались не только у церквей и кладбищенских ворот, но и просто на улицах.

Среди этих несчастных попадалось немало жуликов, которые сделали нищенство своей профессией. О таких проходимцах вы читали, наверное, в романах Чарльза Диккенса и Виктора Гюго. И вот, когда к тебе протягивал руку нищий, одетый в отрепья, ты не знал: то ли это пропойца, жулик, то ли человек, который действительно нуждается в нескольких копейках, чтобы купить себе кусок хлеба.

Некоторые взрослые люди предостерегали меня: «Не подавай, вдруг это жулик — зря подашь. Разве это доброта — помощь пропойце?»

Другие говорили: «Помоги, если можешь. Вдруг этому человеку жизненно необходима твоя помощь». Я колебался, но недолго. Решил для себя так — подать. Пусть из десяти нищих девяти я подал зря, но одному подал вовремя и именно тогда, когда моя помощь была ему необходима.

Меня могут спросить: зачем это я сегодня, когда нищих на улицах уже давно нет, рассказываю эту историю? Дело в том, что некоторые считают: нужно помогать, если абсолютно уверен, что человек в твоей помощи нуждается.

Я с этим совершенно не согласен. Нужно помогать всегда, если ты имеешь такую возможность. Раньше говорили: «Да не оскудеет рука дающего». всю свою жизнь я старался не забывать эту фразу.

Человек недобрый, я уверен, не может иметь ни настоящих друзей, ни настоящей любви. Ведь именно доброта лежит в основе истинных человеческих отношений.

В письмах в редакцию и ко мне домой ребята часто спрашивают: «Как перевоспитать «злого» товарища?»

Я не знаю точно, как воспитывать доброту. Но я знаю точно, чего делать не надо. Не надо читать нотаций. Ни в коем случае нельзя человека заставлять быть добрым, тогда он начнет притворяться добрым, а это ужасно.

Человек и в тринадцать-четырнадцать лет совер-

Наш гость — известный советский драматург, автор пьес «В поисках радости», «Вечно живые», «Традиционный сбор», «Гнездо глухаря» и других, лауреат Государственной премии СССР Виктор Сергеевич РОЗОВ.

БЕСКОРЫСТИЕ ДОБРОТЫ

шаает добрые поступки. Но и на недобрые поступки этот возраст крайне податлив...

Однако бывает, к сожалению, так, что на мальчишку в третьем классе надели ярлык «хулиган», потом и отношение к нему на долгие годы соответственное — все его боятся, никто добра от него и не ждет.

Нужно постараться найти в человеке хорошее и за каждый — пусть мелкий! — благородный поступок хвалить. Если человека постоянно ругать, прорабатывать на собраниях, устраивать ему бойкоты — он обозлится. А если его поощрять за мелочи, ему захочется сделать что-то большее.

Доброта воспитывает доброту. Помню, как я приехал в Москву учиться. Приехал совершенно один в страшную, незнакомую, чужую, громадную Москву. У меня ни жилья не было, ни денег.

Я сидел в чайной около бывших Мясницких ворот, пил жиденький чай и грел о горячий стакан замерзшие руки.

Недалеко от меня такой же чай пил незнакомый мужчина. Но он был куда счастливей — у него был хлеб! От краюхи он отрезал ножом ломти и ел. Наверное, он заметил взгляды, которые я произвольно бросал на этот хлеб. Во всяком случае, когда он кончил есть, встал, быстро пошел к двери, проходя мимо меня, рывком положил кусок хлеба на стол и — вышел. Я даже опомниться не успел.

Я никогда больше не встречал этого человека, но урок доброты запомнил на всю жизнь. Написал об этом в своей книге «Путешествия в разные страны», теперь читателям «Пионера» рассказываю.

Настоящая доброта всегда бескорыстна. Корыстная доброта — что-то подозрительное. Никогда не

нужно ждать ответного добра. Есть люди, которые рассуждают так: «Сделаю-ка я что-нибудь хорошее, потом мне за это что-нибудь перепадет». Ужасные люди! Они не добрые. Они расчетливые.

Ценность добра — в самой доброте, как и ценность любви — в любви. Нельзя требовать от человека, чтобы он полюбил тебя за то лишь, что ты его любишь. Тебе дано великое счастье любить, великое счастье делать добро. Радуйся! Ты — счастливый человек.

Да, встречаются люди неблагодарные. Что же делать? Не нужно на них обижаться. Ты помогал людям, не ожидая от них благодарности.

И еще — добрым быть приятно. Другим помогать радостно. Ты помогал людям для поддержания правильного ритма собственного сердца.

Доброта остается в сердцах людей. Она не забывается. Всю жизнь мне помогали люди. И я вечно буду благодарен им за тепло, которое получил, за кусок хлеба, которым они со мной поделились. Мир держится на доброте.

Легко ли живет доброму человеку? Думаю, нелегко. Люди, желающие оправдать свою недоброту, даже такой афоризм придумали: «Ни одно доброе дело не остается безнаказанным». Тем самым они вроде бы утверждают, что добро обернется для тебя чем-нибудь плохим. Возможно, так и происходит иногда. Но я абсолютно уверен, что человек недобрый, нечуткий, черствый — неполноценный человек.

И мне бы хотелось, чтобы вы посмотрели на себя и подумали: всегда ли ваши поступки по отношению к друзьям, к родителям да просто к случайным встретившимся людям продиктованы добротой?

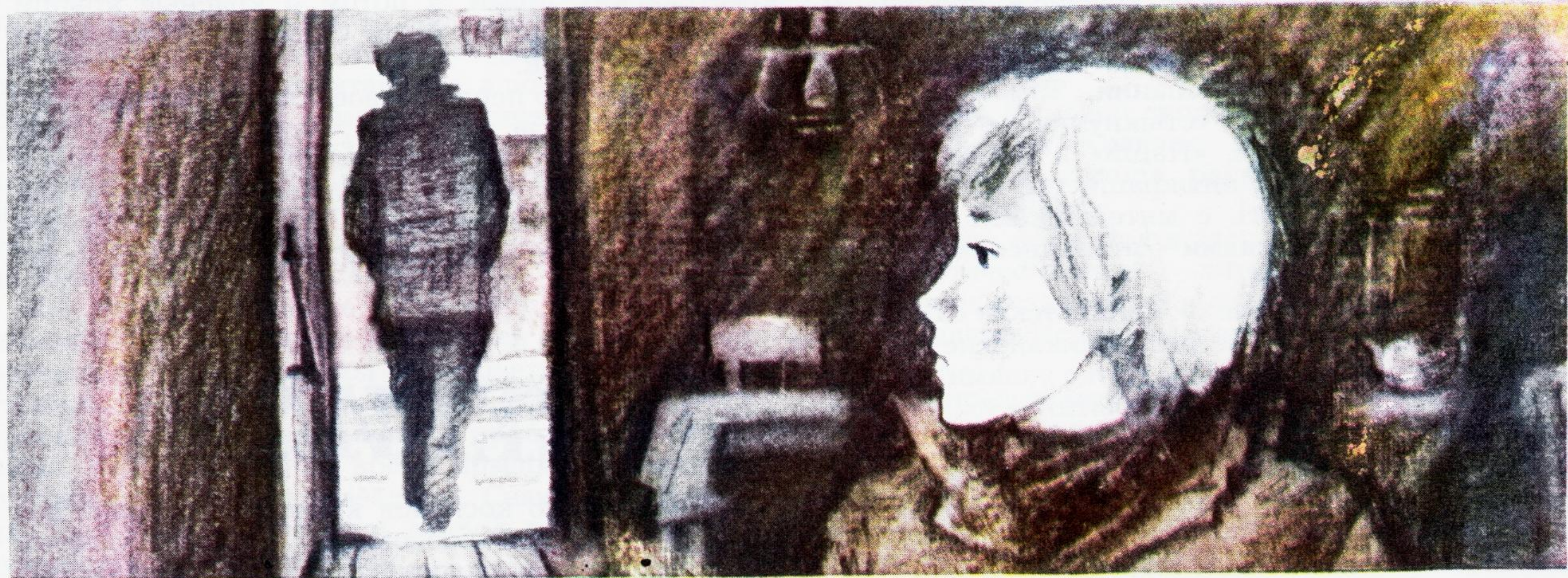

Рисунок В. ДОНСКОВА. Фотография Н. КОЧНЕВА.

ОТ СПУТНИКА
У ЛЕПЕСТКА

ТАТТАТТАТТАТТА
ИИИИИИИИИИИИ

Многие ребята, путешествующие вместе с нами вокруг света, поместили на своих картах порты Испании. Что ж, для нашего воображаемого корабля тысячи морских миль не преграда! Огибаем мыс Горн и через всю Атлантику с севера на юг — в Испанию.

За штурвалом — журналист Александр ГРЕК.

ТАТТАТТАТТАТТА
ИИИИИИИИИИИИ

моего

ТАТТАТТАТТАТТА
ИИИИИИИИИИИИ

На белом листке моей записной книжки — засушенный лепесток цветка амапола, похожий на капельку крови. Амапола — это испанское название полевого мака. Так называется и красивая песня. Ее пел когда-то мой друг — испанец Марино. Я люблю насвистывать мелодию «Амаполы». Она напоминает мне о тех днях, когда я был пионером и впервые услышал об Испании. Там наши, как говорили у нас во дворе, «стыкнулись» с фашистами в настоящей войне. «Наши» в Испании — это были республиканцы, антифашисты, интербригадовцы. Они сражались с мятежниками генерала Франко и его союзниками — итальянскими и германскими фашистами.

Мы видели кинохронику: фашистские самолеты бомбили Мадрид, другие республиканские города, рушились дома, женщины и дети с узлами в руках куда-то бежали в поисках укрытия.

Мы, советские ребята, люто ненавидели фашистов — испанских и любых других. И с гордостью носили такие же, как у республиканцев, голубые пилотки с красными кисточками впереди. В таких пилотках приехали к нам Марино и его сверстни-

ки — дети испанских антифашистов, когда у них на родине разгорелась гражданская война.

Эти ребята надолго остались в нашей стране, росли и воспитывались вместе с нами. Те, кто постарше, потом ушли добровольцами в Красную Армию и отважно дрались с гитлеровцами. Рубен Ибаррури, сын председателя Компартии Испании Долорес Ибаррури, погиб под Сталинградом, удостоен звания Героя Советского Союза.

Большинство моих испанских сверстников смогли вернуться на родину только после смерти диктатора Франко. И совсем недавно, после восстановления дипломатических отношений между СССР и Испанией, там побывал и я. Лепестки амаполы — память об этой поездке.

ТАТТАТТАТТАТТА
ИИИИИИИИИИИИ

ТАТТАТТАТТАТТА
ИИИИИИИИИИИИ

Чтобы лететь в Андалузию, южную область Испании, мы сели в самолет испанской авиакомпании «Иберия». Самолет оказался тесным, как автобус. Даже посадка пассажиров производилась не сбоку, как в советские самолеты, а через люк под хвостовой частью.

Незадолго перед поездкой в Испанию я был в Тбилиси. Там есть прекрасная гостиница «Иверия». Мне показалось странным совпадение названия фирмы и советской гостиницы. Тем более, что по-испански звуки «б» и «в» произносятся почти одинаково.

— Дело в том, — объяснил мне мой спутник, бывалый путешественник, — что «Иверия» — это древнее название Грузии. А древнее название Испании — «Иберия». Потому что иберы были первыми поселенцами на Пиренейском полуострове. Потом сюда пришли финикийцы, римляне, вест-готы, арабы, французы... Часть иберов смешалась с завоевателями, часть ушла в горы. Например, баски. Баски говорят на своем, непонятном для остальных испанцев языке. Так вот, ученые считают, что баски — прямые наследники иберов. И что у басков и жителей Кавказа есть черты исторической общности. Не исключено, что у слов «Иберия» и «Иверия» один и тот же корень...

За окном самолета редели облака. Внизу показались треугольники, квадраты и прямоугольники крестьянских полей, а потом и красные крыши большого города. То была Севилья, крупнейший город Андалузии.

— Андалузию первой завоевали арабы, или мавры, как их тогда называли, — продолжал рассказ мой спутник. — Это было в VIII веке. Андалузия дольше всех испанских областей оставалась под мавританским владычеством. Почти 700 лет. Тут вы и сейчас можете увидеть немало следов мавританской культуры.

ТАТТАТТАТТАТТА
ИИИИИИИИИИИИ

Самолет легко коснулся колесами бетонной дорожки и покатил к аэровокзалу. Летевшие вместе с нами испанцы заплотировали. В чем дело? Оказа-

лось, так принято в Испании благодарить экипаж за мастерство и благополучную посадку.

Только мы вышли из самолета, как тут же сняли куртки и пиджаки: это был настоящий юг — палящее солнце, пальмы и кипарисы, яркие цветы на клумбах и деревьях. Жарко!

И только Гвадалквивир приносит прохладу. Эта река — поистине кормилица Севильи. Она питает крестьянские поля. Она связывает город с морем. По Гвадалквивиру и сейчас приходят в Севилью морские корабли. А в средние века отсюда, из Севильи, уходили в плавание конкистадоры — завоеватели. Они захватывали новые земли для испанских королей. Не забывали, впрочем, набить потуже и собственные кошельки.

Здесь, в Севильском соборе, самом большом в Испании, похоронен Христофор Колумб, которого королева Изабелла снарядила открывать новые земли. Рядом с собором высится стометровая колокольня, увенчанная символической статуей Веры — женщины в развевающемся плаще. Это статуя-флюгер: ветер дует в плащ и поворачивает статую. В народе башню так и окрестили — «Хи-

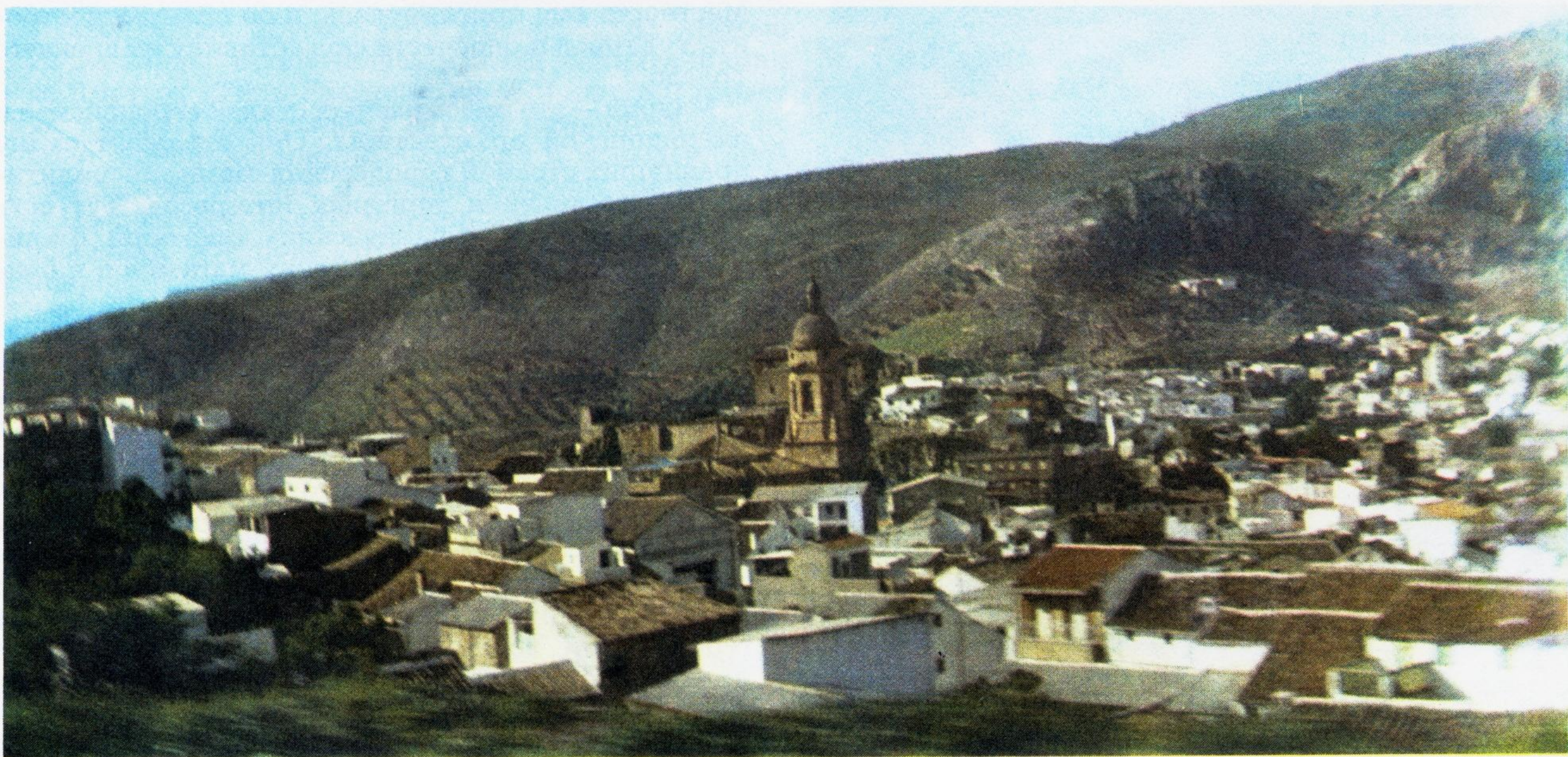
О корриде следует немножко рассказать, потому что я сам чуть не оказался случайно в списке тореадоров...

Коррида — это любимое национальное зрелище испанцев. Зрелище или даже представление. Оно подчинено строжайшим правилам. Только очень смелые, сильные и ловкие люди становятся мастерами корриды. Их искусство превращает обычное убийство быка в рыцарский поединок, где оба противника рискуют жизнью.

Любить или не любить корриду — дело и вкуса и воспитания. По крайней мере среди остальных европейцев, может быть, не так уж много почитателей этого зрелища. А вот испанцы... Матадоров чтут, как героев. Их портреты печатают на открытках, спичечных коробках, обертках шоколада. Им при жизни ставят памятники.

Шумит толпа вокруг арены. Туристы раскупают сувениры. Предприимчивый торговец предложил мне афишу, в которой будет напечатано и мое имя среди участников корриды.

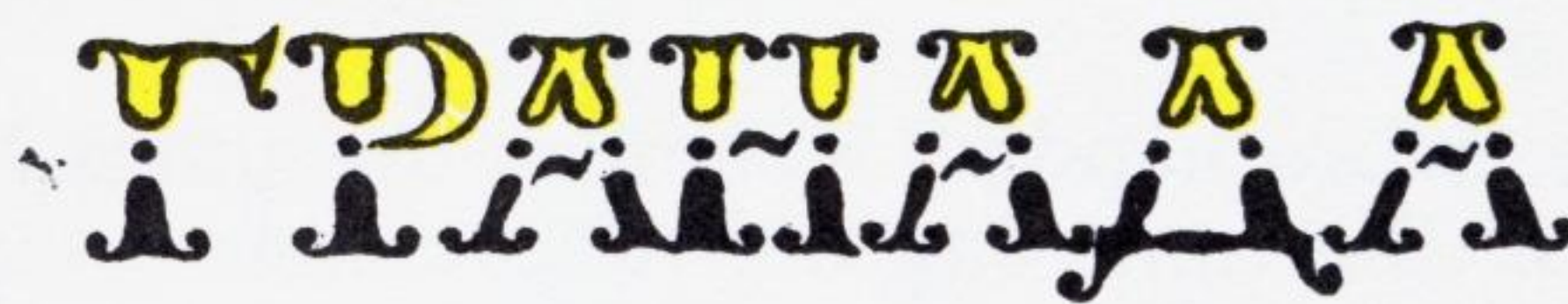
Я поблагодарил и отказался. А славный был бы сувенир, не правда ли?

ральда» (Крутящаяся). С башни весь город виден как на ладони. Особенно выделяется Золотая башня. Раньше она была облицована золотистой глазурованной плиткой. Блеск ее, говорят, путники видели на расстоянии дневного перехода (около сорока километров!). В другой стороне — дворец Алькасар, где жили сначала мавританские, а потом испанские короли. Дворец, как и многие памятники старины, надстраивался и перестраивался. В основании некоторых построек ученые обнаруживают остатки более древних цивилизаций. Когда думаешь об этом, невольно проникаешься уважением к земле, по которой ступает твоя нога.

Мы были в Севилье в ту пору, когда город готовился к традиционной весенней ярмарке. Уже развешивались гирлянды разноцветных фонарей, строились нарядные павильоны. Всюду пестрели броские афиши, извещавшие о приближении корриды. Как правило, на время ярмарки в Севилью съезжаются лучшие тореадоры. Севильская арена для боя быков считается второй по величине и значению после столичной.

У каждого города свое лицо — одновременно и древнее и юное...

Автобус на бешеной скорости мчит нас по извилистым, как на Кавказе, горным дорогам. По склонам гор и холмов раскинулись плантации оливковых деревьев.

Полтора года назад в здешних краях побывал наш соотечественник, литератор и критик В. П. Боткин, оставивший интереснейшие записки о своей поездке в Испанию. Я вспоминал их по дороге в Гранаду.

Трудно представить, как рискованно было путешествовать тогда из города в город! Хозяевами дорог были в ту пору дерзкие и неуловимые разбойники.

Даже короли заключали с атаманами разбойников соглашения, чтобы те не грабили знатных

иностранных гостей,—ведь от этого страдала королевская честь!

Теперь уж нет дилижансов и вьючных караванов. На асфальтированном шоссе господствует автомобиль. Лишь изредка встретишь крестьянина верхом на муле, семенящем по обочине...

А вот и Гранада. Та самая, которую воспели в своих стихах многие русские поэты. Только они писали «Гренада», через «е». Помните, например, у Михаила Светлова: «Гренада, Гренада, Гренада моя...» Такое произношение утвердилось в русской литературе.

Испанцы произносят «Гранада», через «а». Утверждают, что название этого города происходит от слова «гранат». Этих плодов в «гренадской волости» произрастает великое множество. Вот и сам город показался мне разрезанным гранатом—дольки плода раскинулись в разные стороны, получился город на холмах. А на самом высоком холме—красные стены древней крепости Альгамбры.

Альгамбра—последний оплот мавров на пути Реконкисты (отвоевания)—освободительной борь-

Оказавшись на центральной площади Мадрида—Пуэрта дель Соль,—лучше встать в сторонку. Старинная площадь слишком тесна для современного движения. Полицейские буквально руками растаскивают наползающие друг на друга машины. А сколько прохожих! Сколько туристов! Недаром на площади множество кабин телефонов-автоматов, откуда можно позвонить в любой зарубежный город...

Нет, уж лучше полюбоваться площадью с какого-нибудь возвышенного места... Ну вот, теперь понятно, почему площадь называется Ворота Солнца: площадь-то круглая, и от нее, как лучи, разбегаются во все стороны улицы. А в центре стоит статуя из металла—бурый медведь, символ Мадрида.

Давным-давно вокруг небольшого поселка на берегу реки Мансанарес шумели густые леса, в них водилось много всякого зверья. Однажды сюда приехал на медвежью охоту король Филипп II. Местность ему приглянулась, и он повелел построить тут город и перенести сюда столицу из древнего Толедо...

Мадрид—это смесь разных стилей европейской и американской архитектуры. Она отражает смену правивших страной королевских фамилий, политических деятелей и торговых интересов. Тут есть «австрийские» и «французские» кварталы, филиалы американских и английских магазинов и банков...

Центр притяжения многочисленных путешественников, конечно, музей Прадо—самая богатая в стране да и в мире коллекция картин великих живописцев Испании—Гойи, Веласкеса, Мурильо... Небольшую часть этой коллекции видели жители Москвы и некоторых других городов нашей страны.

Еще в Москве я слышал о памятнике Сервантесу и его литературным героям. Конечно, отыскал его в испанской столице. Писатель изображен сидящим на возвышении, а внизу—его самые знаменитые герои—один верхом на лошади, другой на осле—словно беседуют у водоема, окруженного оливами...

В Мадриде, особенно в центре, много фонтанов и тенистых скверов. У скамеек возле бабушек и нянь, как и всюду в мире, возятся малыши. У ребят постарше другая забава—катание на роликовой доске. Это простая деревянная доска на четырех колесиках. Для этой игры в скверах и парках построены специальные горки. «Высшим пилотажем» такого катания считается вот какой трюк: отталкиваясь одной ногой, разогнаться и въехать на горку, там развернуться, не сходя с доски, и съехать вниз. Не многим это удастся, но ребята упорны!

Очень хотелось мне найти в Мадриде те места, о которых писали в своих книгах советские писатели Михаил Кольцов, Илья Эренбург, американец Эрнест Хэмингуэй. Жаль, что как раз об этом умалчивают туристские путеводители...

В последние годы гости из социалистических стран, в том числе из СССР, уже не редкость в Испании. Некоторые испанцы, даже не зная рус-

«Кто не видел Севильи, тот не видел чуда»—так говорят испанцы.

бы испанского народа. Крепким орешком была эта крепость! Высокие башни, толстенные стены. Будь они поровнее, по ним запросто можно было бы проехать на легковом автомобиле.

Суровая крепость, ничего не скажешь. А внутри—волшебный, воздушный замок, разделенный на несколько дворишков—патио. Их стены—сплошной ковер мозаики и резного камня; арки и колонны—будто легкие занавеси. И в каждом дворике—фонтаны или бассейны... Волшебство строителей в том, что солнечные блики от воды отражаются на стенах и даже на потолках внутренних покоев, и роспись на них оживает...

Но вот заходит солнце. А волшебство продолжается. Вечером мощные прожекторы освещают стены Альгамбры. У их подножия собираются юноши и девушки. Приносят гитары. И долго звучат то протяжные, то зажигательные андалузские народные песни...

ского языка, угадывают на слух нашу речь и спрашивают: «Моску?» — «Москва?»

В поездке по Испании у нас были разные попутчики. Встречались и бывшие интербригадovцы — немолодые, поседевшие люди, которых тянуло к местам, связанным с боевыми годами их молодости. Попадались и те наши сверстники-испанцы, которые свободно говорили с нами по-русски, блистая московским произношением. Первые годы после возвращения из СССР на родину им приходилось несладко: трудно было найти работу, снять квартиру...

Доводилось нам разговаривать и с людьми, которые побывали в нашей стране. Они с восхищением говорили о Московском Кремле, Третьяковке, ленинградском Эрмитаже... Собеседниками нашими были самые разные люди, и по-разному относились они к истории и современной действительности. С некоторыми их мнениями мы не могли согласиться.

Например, один из гидов рассказывал о короле Филиппе II. Образованнейший, по его словам, монарх, собиратель редких книг. Действительно, мы видели его библиотеку. Это ценное собрание рукописей на разных языках, старинных изданий. А мне вспоминалось другое: этот король залил кровью Нидерланды. Вспомнилась и сцена из книги Шарля де Костера «Тиль Уленшпигель»: Филипп II играет на «живом клавесине», внутри которого воют от боли живые кошки... Библиофил и живодер, просвещенный монарх и убийца в одном лице!

По-разному судят испанцы и о современных событиях в стране. Испания переживает сейчас непростой период демократизации общественной жизни. Реакционеры хотели бы задушить его. Они нанимают убийц для расправы с передовыми людьми, устраивают заговоры, клеветают и лгут.

Однажды утром мы увидели на стенах мадридских домов листовки. Авторы текста лживо причисляли себя к революционерам. Ложь была явной, потому что на листовках был напечатан портрет Гитлера, а текст призывал помнить о павших в борьбе за фашистский «новый порядок». Авторы листовки нагло утверждали, что «новый порядок» еще, мол, восторжествует... У нас, советских людей, у прогрессивных испанцев такие листки вызвали гнев и отвращение. Хотелось сорвать их, растоптать, разыскать тех, кто их состряпал... Но мы были гостями в чужой стране и не могли вмешиваться в ее внутренние дела. У нас на душе полегчало, когда мы увидели, что уже к вечеру многие подобные листки сорваны. А на некоторых кто-то нарисовал здоровенную фигу под носом фюрера.

Перед самым отъездом на Родину к нам подошли несколько испанцев-грузчиков. Мы разговорились, не успевали отвечать на вопросы о нашей стране. На прощание подарили новым друзьям значки. Дело было в канун Первомая, и значки изображали маленькое красное знамя с надписью «1 Мая». Испанцы тотчас приколотили их на грудь, и все как один подняли вверх правую руку со сжатым кулаком: «Рот Фронт!» Они сказали, что будут отмечать в Мадриде праздник пролетарской солидарности, как и мы в Москве...

«После тьмы я надеюсь на свет!» — было начертано на щите любимого испанцами и зарубежными читателями Дон Кихота. В светлое будущее верят трудящиеся Испании. Верим и мы, их советские друзья.

В последние месяцы в наших газетах, по радио и телевидению часто упоминалось название испанской столицы. В Испании проходит мадридская

Площадь Испании в Мадриде отдана Сервантесу и его героям.

встреча представителей государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Все честные люди хотят укрепления доверия и сотрудничества между народами. Этому помогают и знания народов друг о друге. А значит, — и наше путешествие на страницах журнала «Пионер».

Дорогой друг читатель! Вот и закончилось наше первое кругосветное путешествие. Наш воображаемый корабль «Пионер» отправляется к родным берегам.

Нам очень помогли твои советы. Ждем карт с новым маршрутом.

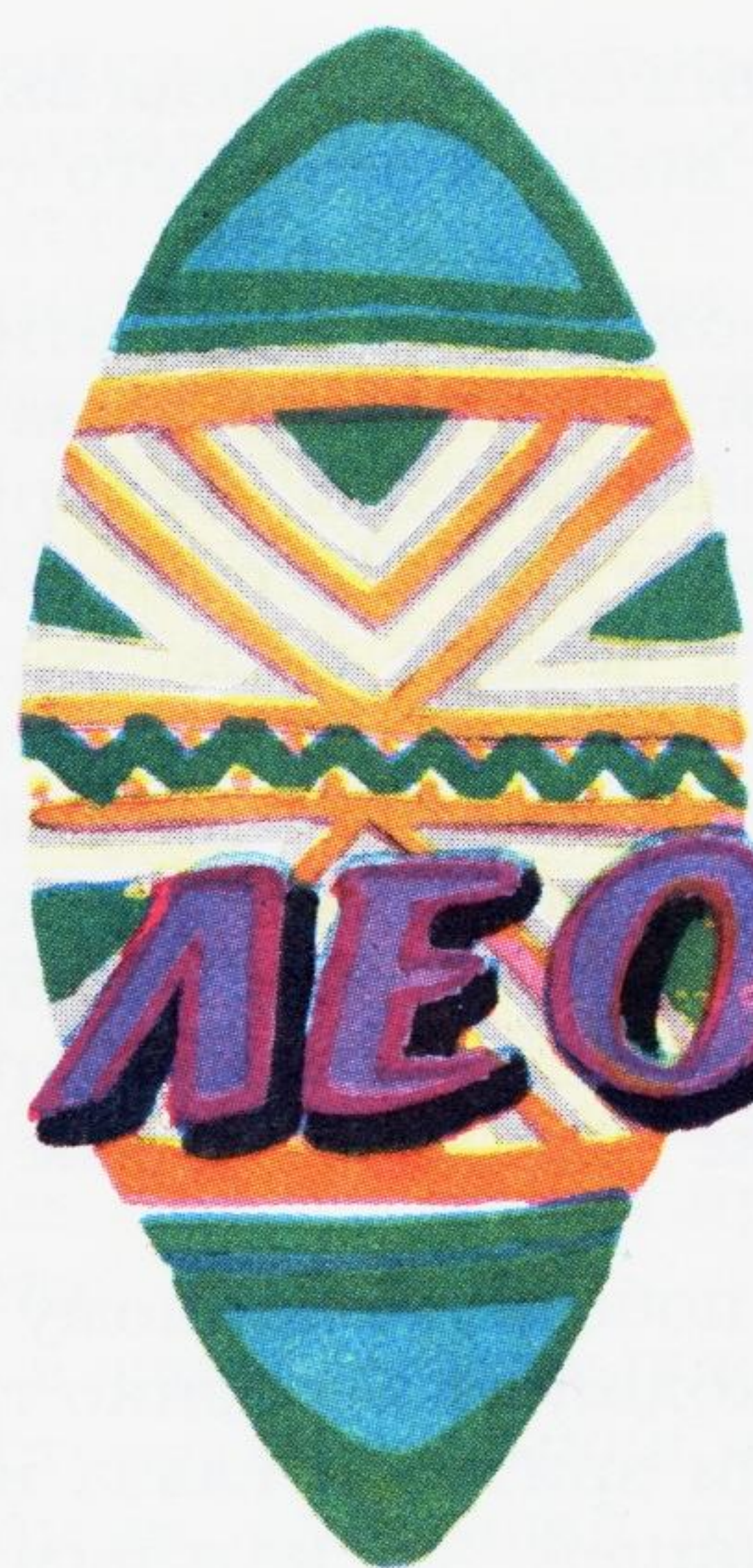
Прочны эти стены, но и они были взяты народом, боровшимся за свое освобождение.

52

Диана ЭНТИНА

СЫН ЛЕОПАРДА

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

Эту историю рассказал мне старый конголезский охотник... Сказка это или быль — судите сами.

В густых джунглях возле великой реки Конго стояла африканская деревушка.

В бамбуковой хижине каждой семьи хранились реликвии — деревянные божки Окпенси: изображения могущественных предков. Чем больше Окпенси было в хижине, тем больше уважали хозяина.

Много, очень много Окпенси было в хижине вождя племени Матумпом. О, как он гордился деревянным идолом основоположника рода — Кактусом! Поэтому, когда родилась у вождя дочь, ей дали имя Цветок Кактуса.

В этой деревне в тот же день и час родился мальчик. Он родился в маленькой хижине крестьянина, где совсем не было Окпенси, потому что не было в его роду знаменитых предков. Родители назвали сына Нсебета. Очень им хотелось, чтобы мальчик стал счастливым и удачливым, ловким и сильным. И дали ему второе имя, имя самого могучего и красивого зверя — Леопарда.

Каждый день, когда солнце всходило над джунглями, люди принимались за дела: девушки шли к источнику, поставив на голову калebasы, чтобы наполнить их чистой и прохладной водой. Матери, привязав широким поясом маленьких детей к спине, отправлялись на поля арахиса и маниоки рыхлить землю мотыгой. Охотники уходили в джунгли за добычей. А вождь племени Матумпом сидел у своей хижины с трубкой в зубах и дремал.

И только Колдун, хранитель и злобный толкователь обычаев старины, шнырял по дворам, чтобы подсмотреть, что делается в каждой семье. Женщины, поравнявшись с ним, ускоряли шаг, а охотники отворачивались.

Маленький Нсебета-Леопард и Цветок Кактуса любили играть вместе. Если кто-то из детей ненароком обижал дочь вождя, Нсебета всегда заступался и утешал девочку.

Время летело быстро. Наступила пора, когда Нсебету вместе со сверстниками увели из деревни мудрые старейшины, чтобы в тайном уединении научить мудрости предков, готовить к посвящению в охотники. Жизнь юношей отныне проходила в джунглях. Спали они на земле, укрывшись циновками, питались кореньями и плодами, добытыми в лесу, а от дождей спасались под навесами из пальмовых листьев.

Они ушли в джунгли юнцами. Вернулись возмужавшими воинами.

Теперь они с нетерпением ждали того дня, когда на Состязании Силы, Ловкости и Смелости соплеменники назовут Первого среди Равных.

Однажды ранним утром Нсебета встретил подругу своих детских игр. Никогда прежде он не замечал, что девушка действительно стала похожа на прелестный цветок кактуса, распустившийся на заре.

Дочь вождя опустила глаза и сказала:

— Пусть рука твоя будет тверда на Игрищах! Я желаю тебе победы!

Нсебета поднял голову — пальма папайи приветливо раскачивала золотистые плоды, а разноцветные попугаи в вершинах деревьев так радостно щебетали, что, казалось, музыка разлилась во всем мире. Долго провожал юноша взглядом стройную фигуру Цветка.

Всевидающий Колдун заметил эту встречу. Злобно сверкнул глазами на сына безродного земледельца.

— Уж не решил ли этот юнец, что дочь вождя может достаться ему в жены?

Наступило утро Состязаний. С щебетом ранней птицы Нсебета-Леопард откинул циновку, заменявшую дверь.

Первый луч поднявшегося над миром солнца заставил сверкать зелень пальм, искриться крупные капли росы на каждой травинке. Такой птичий гомон раздался вокруг, что жители деревни проснулись. Девушки, как обычно, отправились за водой. Среди них была и дочь вождя. Заметив Нсебету, она

Нсебета прежде не замечал, что девушка действительно стала похожа на прелестный цветок кактуса, распустившийся на заре.

отошла от подруг. О, как билось сердце бедного юноши!

Цветок Кактуса поднялась на носочки, сняла со своей шеи амулет и надела на Нсебету. И исчезла в толпе смешливых подруг...

Счастливый, он огляделся вокруг. Весь мир улыбался ему! Мир был прекрасен, куда бы ни обратил свой взор молодой охотник. Вот разглаживают усики и приготовили лапки-скрипочки кузнечики, чтобы начать утренний концерт. Вот продирают глаза-бисеринки шоколадные ящерицы. Вот женщина вынесла белый таз к порогу хижины, налила в него воды из калевасы, а младенец уселся в него и бултыхает ногами. Шутливо сердится мать и любовно шлепает развеселившегося малыша.

Милые, знакомые с детства картины по-особенному тронули в это утро душу Нсебеты...

Но вот раздалась дробная россыпь тамтама, возвещающая начало состязаний. Барабаны созывали всех жителей деревни.

На утопанной площадке под тенистым манговым деревом собрались участники состязания и многочисленные зрители.

Вождь Матумпом, встав со своего трона, поднял над головой главную реликвию рода: лук, по преданию принадлежавший могучему Кактусу, основателю рода. Это был знак, что вождь будет говорить. Все смолкло. Даже маленькие дети притихли за спинами своих матерей.

— Мы собрались здесь, потому что выросли наши сыновья. Теперь они покажут свою силу, ловкость, выносливость. Пусть все увидят того из них, кто сможет по праву назваться Первым среди Равных! Готовы ли молодые охотники-воины начать состязание?

Нсебета при последних словах вождя выступил вперед. Вместе с ним — семеро его сверстников.

Зрители терпеливо ожидали, пока эти восемь рослых и могучих охотников намазали свои мышцы кокосовым маслом. Теперь их тела сверкали под лучами утреннего ласкового солнца. И вот сошлись четыре пары борцов. Без жалости мяти они друг друга, хватали за руки, ноги, плечи... Зрители не могли усидеть на месте. Они кричали, размахивали руками, будто можно жестами помочь своим избранникам. Потом сразились победители первых поединков. И вот уже их двое: Нсебета и могучий воин...

Нелегко досталась победа отважному Леопарду! Но, когда приходилось особенно трудно, он отыскивал среди зрителей глаза невесты, неотступно следящей за каждым его движением. И силы его словно утраивались.

Бурными криками огласился берег реки. Новое состязание призвало всех к обрыву. Внизу грохотала по глыбам быстрая река.

На противоположном отлогом берегу, в ананасовой роще созрели прекрасные плоды. Их нужно было доставить в деревню. Кто скорее переправится через реку?

Напрасно смельчаки пытались достигнуть желаемого берега вплавь. Река вышвыривала их на берег.

Тогда быстроногие юноши отправились к пирогам, которые стояли ниже по течению. Там река разлилась широко, не бурлила, а ласково плескалась.

Один Нсебета решился переправляться по лиане, перекинутой над водой. И вот уже его руки перебирают крепкую лиану. Затаив дыхание, следят все за ловкими, уверенными движениями. Вдох облегчения прокатился над толпой, когда темная фигура Нсебеты скрылась в роще.

Вот он выбрал самый спелый плод, привязал его к поясу. Вот он снова над стремниной... Приветственные возгласы встретили Нсебету, вручившего вождю золотистую шишку ананаса, украшенную колючей зеленью.

Все вернулись в деревню. Ананас был укреплен на высоком пне. Пятнадцать метких стрел пронзили душистую мишень. И только одна стрела — стрела Нсебеты срезала зеленый убор ананаса!

Поднялся мудрый вождь и провозгласил окончание состязаний:

— Отныне все вы — полноправные охотники племени! А ты, — вождь указал на счастливого Нсебету, — будешь отныне Первым среди Равных!

— Пусть Первый среди Равных назовет свое самое заветное желание! — потребовали присутствующие на состязании.

Нсебета-Леопард, ожидавший этого мгновения, опустился на одно колено. С единственной просьбой обратился он к вождю:

— Разреши, о великий вождь, Цветку Кактуса стать женой простого охотника!

Громкие, одобрителные крики возвестили, что жители деревни согласны с просьбой Нсебеты.

Но был один среди них, чье лицо оставалось скрыто ритуальной маской. Никто не видел, какая гримаса исказила облик Колдуна.

— Мудрые старейшины! — крикнул он. — Разве забыты все обычаи предков? Может быть, лук доблестного Кактуса пришел в негодность? Если безродный юнец Нсебета собирается породниться с вождем, то он должен остановить стрелу, пущенную рукою потомка Великого Кактуса!

Вставил стрелу в заветный лук вождь Матумпом. Так же молча приготовил свой лук и Нсебета.

Все взгляды неотрывно следили за полетом двух стрел, мчавшихся навстречу друг другу. Но стрела, пущенная рукою вождя, прошла чуть выше стрелы Нсебеты. Лишь оперение из

страусовых перьев слегка колыхнулось от прикосновения каменного наконечника. И тут Нсебета пошатнулся: стрела вождя, описав дугу, вонзилась в его плечо.

Мать Нсебеты, старая Юта, была уже рядом с сыном. Она приложила к ране одной ей известный лист, останавливающий кровь.

Возликовал Колдун:

— Если даже много мышей начнут рыть яму, она не станет от этого глубже!

— Но стрела Нсебеты задела стрелу вождя! — возразили люди.

Тогда Колдун обратил свою страшную маску к музыкантам, сделав знак бить в барабаны. Тамтамы заиграли. Под их звуки закружился Колдун в зловещей пляске. Тело его извивалось, ноги медленно переступали к

Охотник вдруг понял, что не может лишить жизни самку, оставив детеныша сиротой.

Нсебете-Леопарду, стоящему неподвижно, с лицом серым, как пепел затухающего костра.

Внезапно Колдун прекратил вращение. Замолкли тамтамы, и все услышали:

— Пусть Нсебета отправляется на Священную охоту! Одна-единственная стрела будет в его колчане. Он должен убить леопарда, имя которого носит. Шкура владыки джунглей должна украсить жилище Цветка Кактуса! Но если не будет удачной охота,—я, Колдун, попытаю счастья. В мою хижину войдет дочь вождя, прекрасный Цветок!

Потрясенные люди не посмели возразить тому, с кем говорили священные духи — покровители племени.

...Нетерпеливо бежал Нсебета к могучему баобабу. В корнях его, он знал, скрыто логово зверя. Вот он уже подобрался совсем близко, и вдруг...

Нсебета не ожидал увидеть здесь крохотного детеныша леопарда! Он еще не умел как следует ходить, неуклюже переваливался с боку на бок. Самка-леопард расположилась в тени, она любовно вылизывала шерстку детеныша.

Охотник с недоумением прислушался к себе. Сердце, согретое великой любовью, родило жалость и сострадание ко всему живому.

Трижды он натягивал тетиву и трижды опускал лук. Нсебета вдруг понял, что не может лишить жизни самку, оставив детеныша сиротой...

Неясные мысли теснились в его голове, когда он возвращался в деревню. Они не укладывались в слова, когда предстал он перед вождем с пустыми руками, без трофея.

— Теперь мой черед! — вскричал Колдун. — А вы, охотники, следуйте за мной! Скоро вы убедитесь в могуществе вашего Колдуна!..

Умело выбрал Колдун место для охоты. С края обрыва водопой зверей виден как на ладони.

Раздвигая густые заросли бамбука, осторожно переставляя лапы, к водопою приближается леопард. Владыка джунглей тронул воду, проверил, насколько она холодна, сделал несколько глотков и повернул голову. Из зелени выглянул яркий желтый комок. Нсебета, следовавший за Колдуном, сразу узнал детеныша! На его гладкой шкурке еще не было тех бархатных коричневых пятен, которые украшают спину взрослого зверя.

А Колдун уже поднял свой лук...

Нсебета не умел объяснять свои чувства и говорить красивые слова, зато умел быстро и решительно действовать. Он вскинул оружие и выпустил ту единственную стрелу, что была в его колчане. И вот она мчится наперерез первой — пущенной безжалостной рукой Колдуна.

То, что не удалось Нсебете на Игрищах, получилось сейчас: обе стрелы упали наземь, столкнувшись наконечниками.

В ярости затопал Колдун на месте, закричал на Нсебету, грозя ужасными карами. И вдруг за его спиной раздался грозный рык. Колдун обернулся — перед ним стоял леопард! Страшно взвыл Колдун, сделал шаг назад, оступился — и полетел с обрыва...

Неторопливо вернулся зверь к детенышу, и вот уже оба исчезли в зарослях.

Восторженно охотники подняли Нсебету на руки и принесли к вождю, не дав ногам героя коснуться земли. И тогда предводитель племени сказал:

— Я вижу, ты достоин Цветка Кактуса!

С наступлением ночи зажегся свадебный костер. Нсебета бросил к ногам Цветка Кактуса свое копье как обещание навсегда отдавать ей одной всю меткость глаз, силу рук, всю добычу охотника.

Мать Нсебеты, добрая Юта, ввела молодых в новую хижину. Так сказала она своей невестке:

— Ты видишь, дочь моя, как надо жить в нашей деревне. Если кто-нибудь обидит тебя, не будь злопамятной. Помиришься — и все забудется. Иначе трудно жить на свете!.. Кто скажет, что я бедная женщина? — продолжала Юта. — Кто скажет, что у меня нет ничего на свете?

Гости ответили ей:

— Никто!

— Я — бедная женщина, и родила только одного ребенка! Своего единственного сына. И был он у меня один. А теперь стало у меня двое детей — сын и дочь. Разве не так?

И опять гости ответили хором:

— Так!

— Теперь дай мне руку, дочь моя. И ты дай руку, сын. Вот, отдаю тебе ее. А больше у меня ничего нет!..

...Да, вот так в маленькой африканской деревне, на берегу великой Конго, двумя счастливыми стало больше... Сказка это или быль — судите сами. Только чудес в ней всего два: Доброта и Верность.

Как живешь, растение?

О книге-долгожительнице К. А. Тимирязева «Жизнь растения»

Среди книг много долгожителей. Но нас совсем не удивляет, что мы до сих пор зачитываемся книгами, написанными полтора, двести лет назад. Они нисколько не утратили своего значения, потому что в них говорится о том, что для людей вечно: о смысле жизни, о любви, о борьбе... А вот книги о науке стареют быстро. Наука стремительно развивается благодаря все новым и новым открытиям человечества. И многие книги о науке представляют интерес только для тех, кто занимается ее историей.

Тем поразительнее история книги «Жизнь растения». Она написана великим русским ученым **Климентом Аркадьевичем Тимирязевым**. Недавно этой научной книге исполнилось сто лет, а она до сих пор вызывает самый живой интерес у читателей.

«Жизнь растения» состоит из «десяти общедоступных чтений». «Общедоступными чтениями» назывались публичные лекции, которые проходили в Москве, в Политехническом музее. На лекциях в университете могли присутствовать только студенты. А о том, чтобы стать студентом, не могли и мечтать рабочие, конторщики, ремесленники, не имевшие для этого ни гимназического образования, ни денег. А вот на публичные лекции устремля-

лись все независимо от возраста, пола, национальности, звания и занятий. Без всякого преувеличения можно сказать, что слушал эти лекции народ.

А Тимирязев был ученым, который впервые в России, да и, пожалуй, во всем мире, поставил перед собой задачу совершенно новую: «Работать для науки, писать для народа». Для науки К. А. Тимирязев сделал очень много: он установил, каким образом растения питаются солнечными лучами. А свои открытия изложил так, что они стали понятны не только небольшой группе ученых, а каждому грамотному человеку.

Среди множества замечательных книг, написанных К. А. Тимирязевым, «Жизнь растения» занимает особое место. Она необыкновенно остроумно и понятно рассказывает об устройстве растений. Для того, чтобы нагляднее объяснить все слушателям и читателям, Тимирязев придумал множество поразительных опытов.

Например, один из приборов Тимирязева был устроен так, что, когда растение начинало испытывать голод, оно само

звонило в колокольчик, напоминая, что пора его подкормить...

«Жизнь растения» заинтересовала наукой многие тысячи людей. Но она же их предупреждала, что наукой нельзя заниматься для своего личного благополучия, что она требует от человека всю жизнь, все силы. Тимирязев убеждал, что каждый ученый должен быть готов отказаться от своих взглядов, если кто-нибудь докажет, что они неверны. Эти высокие требования К. А. Тимирязева и сейчас важны и обязательны для каждого, кто хочет стать ученым.

Книга К. А. Тимирязева открывала своим читателям не только сложную природу растения, но и ее красоту, значение этой красоты для человека. Автор «Жизни растения» убеждал людей беречь природу, потому что в ней главный залог нашего физического и душевного здоровья. Сейчас мы привыкли к тому, что на зверей чаще «охотятся» с фотоаппаратом, нежели с ружьем. Но тогда, столетие назад, люди поражались словам Тимирязева: «Я убежден, что придет время, когда люди будут чаще бродить по лесам и полям не с ружьем, а с камерой фотографа за плечами, и не затем, чтобы подшибить несчастную пичужку, а чтобы любоваться природой...»

Лев РАЗГОН.

ПЕРЕМЕНКА

Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учитель. Какого склонения существительное «зайчик»?

Ученик. Слабого.

Лена Алехина,
г. Петропавловск-Камчатский.

НА УРОКЕ АНАТОМИИ

Учительница. Что ты знаешь об ответных реакциях дождевых червей на раздражение? (Молчание.) Ну, например, что делает червь, если он попадает на солнце?

Ученик. Сушится...

Л. Горбунова,
г. Ижевск.

НА УРОКЕ ГЕОМЕТРИИ

Учитель. Какие ты знаешь геометрические фигуры?

Ученик. Арбуз.

Галя Герасимова
и Маша Зуйкина,
село Проскурино,
Саратовская область.

НА УРОКЕ ЗООЛОГИИ

Учитель. Расскажи нам о кенгуру.

Ученик. Кенгуру носят своих детей в кожаных сумочках.

Люда Д.,
Медаевская средняя школа,
Мордовская АССР.

НА УРОКЕ ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

Учительница. Чем питаются слоны?

Ученик. Хоботом.

Герман Ларин,
г. Новомосковск,
Тульская область.

НА УРОКЕ ИСТОРИИ

Учитель. Расскажи нам о Перикле.

Ученик. Перикл был добрый. Он не копил деньги, а раздавал их бедным детям на кино.

Лина Гончарова,
порт Ванино, Хабаровский край.

НА УРОКЕ БОТАНИКИ

Учительница. Расскажи нам о водорослях. (Молчание.) Есть у них листья, корни, цветы?..

Ученица. Нет.

Учительница. Так что же у водорослей есть?

Ученица. Ничего.

Эльвира Тенникова,
п. Копьево, Красноярский край.

Из школьных сочинений

«У городничего и Хлестакова проглядывает подхалимство».
«Марья Кирилловна и князь поехали венчаться в загс».
«Мы спали, но нам не спалось».
«Репин шел по берегу Невы и увидел бурлаков на Волге».
«Мальчик облизался до ушей».
«Длинная бурая морда лося увенчана тяжелыми ветвистыми ногами».
«У всех у них из-под лобья выглядывали лица...»

Ведет Н. РОСТОВЦЕВА,
Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Дискуссионный пионерский клуб «За и против» получил от читателей немало писем с просьбой поговорить и поспорить о кинофильме «В моей смерти прошу винить Клаву К.». Пожелания ребят мы передали писателю Макс Бременеру, который однажды уже выступал в нашем клубе с беседой о киноискусстве.

В этом номере «Пионера» вы прочтете о том, какие размышления вызывает фильм режиссеров Н. Лебедева и Э. Ясана по киноповести М. Львовского «В моей смерти прошу винить Клаву К.». Картина эта была отмечена высокими наградами: получила Главный приз на Международном кинофестивале в Испании и Главную премию на Всесоюзном в Ташкенте.

Макс БРЕМЕНЕР

Может быть, эту статью стоило бы назвать немножко иначе: от младенчества к мужеству, потому что, если помните, мы знакомимся с Сережей Лавровым, когда его первый раз в жизни привели в детский сад. Мама и папа собирались уйти, Сережа рыдал так, будто его оставляют не до вечера, а навсегда, и тут позвали Клаву, ровесницу Сережи. В киноповести М. Львовского (повествование во многих главах ведется от лица Сережи) первые фразы такие: «Я влюбился в Клаву Климову, когда мне было четыре года. Это случилось в понедельник».

Потом Сережа и Клава почти неразлучны — и в младших классах школы и в старших. В третьем классе Клава рассказывает своей маме, когда речь идет о Сереже:

«— Я ему клятву дала!

— В чем?

— В чем надо».

Как видите, в киноповести есть и главы, где рассказывает Клава.

Перед окончанием девятого класса, весной, Сережа Клаву первый раз в жизни поцеловал (его не остановило то, что у нее в это время была ангина), а очень скоро после этого Сережа и Клава познакомились с Лавриком из параллельного класса. И для Сережи Лаврова произошло невероятное, непредвиденное — крушение: клятва, которую дала ему Клава в третьем классе, потеряла силу...

Конечно, Сережа Лавров оказался совершенно не готов к перемене в жизни, которая произошла почти мгновенно. К такой перемене никто не бывает готов. Когда Сережа внезапно очутился в трагиче-

ском положении, оказалось, что ему недостает важнейших в человеческой жизни умений.

Пожалуй, многие из вас со мною тут не согласятся. Как так?.. Ведь Сережа как раз очень много умеет!

Верно. Он умеет учиться, умеет драться, умеет дружить, умеет танцевать. Здорово играет в шахматы (чемпион школы!). И не только это.

Но многого не умеет совсем. Например, не умеет страдать. Он еще не попадал в положения, когда человеку приходится испытывать боль. В такие положения, когда нельзя этого избежать, от этого уклониться. А значит, надо **уметь** страдать. Как это — уметь?.. Ну, прежде всего не досадовать на всех вокруг оттого, что больно **тебе**. Не придирайтесь к друзьям, к знакомым и незнакомым, если у **тебя** дурное настроение.

Каких еще важнейших умений недостает, по-вашему, Сереже Лаврову и ребятам, на него похожим? Мне вот кажется, умения **спорить, не ссорясь**. По правде говоря, это умеют далеко не все. Даже не все взрослые люди. Жаль, что так... Потому что именно в споре, а не в ссоре рождается истина!

А умение согласиться с критическим замечанием... Разве это просто: увидеть правоту того, кто сказал тебе неожиданную и неприятную правду? Ведь куда проще обидеться. Отрицать свои слабости и недостатки. Уверять, что тот, кто сделал тебе замечание, хуже тебя и вообще дурак. Но так умные люди не поступают. Ни в детстве, ни потом.

Многого не умея, не понимая, Сережа свой мужской спор с Лавриком пытается разрешить мальчишеским способом: при помощи драки. Однако Лав-

рик отказывается от драки. Он искусно уклоняется от ударов и не отвечает на них. Почему?.. Как вы думаете?

Лаврик — ровесник Сережи, но он взрослее его, больше пережил и передумал. И потому догадывается, что не в боксерском поединке и не в дуэли на шпагах решится, кого любить Клаве. Не на чемпионате и не в матче решится. Тут иные законы, чем в спорте или в игре. Сережа медленно и постепенно убеждается в этом. А сперва он запальчиво угрожает тем, что немедля покончит жизнь самоубийством. Он хочет показать и доказать, как сильно любит Клаву, но еще больше — наказать Клаву. Ему многое предстоит пережить, прежде чем он почувствует: наказывать Клаву так же нелепо, как бить Лаврика. Ни Клава, ни Лаврик не виноваты перед ним в том, что полюбили друг друга.

Вообще в истории дружбы, влюбленности, расставания Сережи и Клавы, рассказанной в кинофильме и киноповести (истории печальной, иногда — трагической, хоть в ней и много комических подробностей), **никто ни перед кем не виноват**. Нужно сделать немало шагов от мальчишества к мужеству, чтобы убедиться в этом.

Писателю М. Львовскому дороги подростки, которые не уверены в себе, недовольны собой и пытаются — пусть неуклюже! — себя воспитывать. Сами. Он считает, что это очень важно, очень многое сулит, и не ошибается, по-моему.

Мне показалось, что у Лаврика, подростка в очках, в той сцене, где он твердо, непреклонно отказывается от драки с Сережей Лавровым и от вражды с ним, есть и внешнее и внутреннее сходство с Михаилом Ботвинником. Я заметил это сходство раньше, чем узнал, что Лаврик сыграл вничью с Талем.

Ботвинник, многолетний чемпион мира по шахматам, с детских лет был моим любимым героем. Я «болел» за него с давних довоенных лет и учился у него до последнего времени, хотя я не шахматист и никогда не был знаком с ним. Тогда — чему же учился?

...Сколько раз и от скольких людей (самого разного возраста) мы слышали в оправдание: «У меня такой характер!» Но ведь это не оправдание. Характер свой человек может воспитывать, кое в чем изменять — Ботвинник доказал это с редкой наглядностью. В соревнованиях ему часто не доставало времени на обдумывание ходов, и он попадал в цейтнот. Почти всегда ему было мало двух с половиной часов на первые сорок ходов. Это стало особенно заметно в его матче с Талем. Много лет считалось, что попадать в цейтнот — в характере Ботвинника. Однако ни в одной из двадцати партий матча-реванша с Талем Ботвинник не испытывал нехватки времени и не должен был спешить. Он думал быстрее, чем когда-либо раньше, быстрее, чем в молодости! Наверно, это имел в виду журналист, который написал о нем после его победы над Талем: «Ему удалось победить даже самого себя...»

По-моему, лишь тот, кто способен воспитывать самого себя, может рассчитывать на успех в воспитании другого человека. Воспитание это начинается с внимания к нему.

Заметили ли вы, что Лаврик отчасти изменил характер Клавы? Может быть, в киноповести это заметнее, чем в кинофильме. Помните, все думали, что у Клавы нет музыкального слуха, и она не пела в школьном хоре, а только открывала рот, всегда стояла среди поющих, так сказать, для красоты.

Чтобы зрителям было приятнее глядеть на тех, кто поет. А Лаврик обнаружил у Клавы абсолютный слух (на что когда-то не хватило времени у Неони-лы), слух, который нуждается в развитии. Развить его Неонила помогла, и Клава запела чистым голосом.

Все-таки одно дело, если человек лишь открывает рот и шевелит губами, стоя рядом с поющими, и другое дело, если человек поет вместе со всеми. Одно дело — решать за человека задачи, так что ему остается лишь переписать готовые решения, и другое дело — научить его решать те же задачи.

Не это ли имела в виду Клава, когда, запинаясь, сама себя перебивая, с трудом сказала Сереже:

«— Ты все время дарил мне... себя. А Лаврик...

— Что Лаврик?

— Подарил мне... меня».

Это важно, однако еще важнее — просто главное! — другое: то, что Клава впервые обратила внимание на старые скульптуры своей мамы. Те самые, что она видела столько раз в жизни, не обращая на них внимания.

Клава увидела их и сказала маме, давно занимающейся не ваянием, а шитьем:

«— Это твое дело.

— Кому они нужны, Клабочка?» — спрашивает мама о скульптурах.

«— Мне».

То, что Лаврик обнаружил у Клавы слух, и то, что Клава **увидела** впервые мамины скульптуры, связано одно с другим, как вам кажется?..

Во всяком случае, у Клавы изменился характер, если она способна сказать о себе:

«— Я была очень дрянной девчонкой».

Вы согласны со мной?

Помните, как серьезно, дружески, бережно, настойчиво уберегли Лаврик и Туся Сережу от его мальчишеской затеи прыгнуть с обрыва в Кубань и покончить счеты с жизнью?

Так вот после того, как выдержал с честью трудные испытания, навестил Лаврика, понимая, что тот — друг его, а не соперник, встретил Клаву и смог потолковать с ней, ни в чем ее не упрекая, не роняя своего достоинства, — после всего этого Сергей пришел к обрыву над Кубанью. Пришел, поумнев и возмужав, на место, где чуть не совершил когда-то непоправимую глупость.

И нечаянно, **случайно** упал с обрыва. Выступ высокого берега обвалился под ним, когда он слегка подпрыгнул, вспоминая давнее...

Это есть в киноповести, но в фильме этого нет. Между тем это важный эпизод в истории Сережи Лаврова. Более того — важная пора в его жизни, потому что Сережа оказывается в больнице, переносит не одну операцию, прежде чем доктору Корнильеву и Тусе Ищенко удастся поставить его на ноги. Трудно сказать, что было важнее: хирургия доктора или милосердие Туси, которая не отходила от Сережи много суток подряд. Во всяком случае, были у Сережи Лаврова основания подумать, что он без Туси не может жить.

Вот почему не удивляют в конце киноповести слова Сережи:

«— Я люблю тебя, Таня».

В кинофильме эти же слова Сергея совершенно неожиданны. Они могут даже показаться просто несерьезными.

Сравните конец киноповести с концом кинофильма, и вы обнаружите вот что: **одни и те же слова** могут быть искренними или, наоборот, пустыми в зависимости от того, знает ли читатель (зритель), по какой причине они произнесены.

ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ

В СТРАНЕ ШАХА

И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ

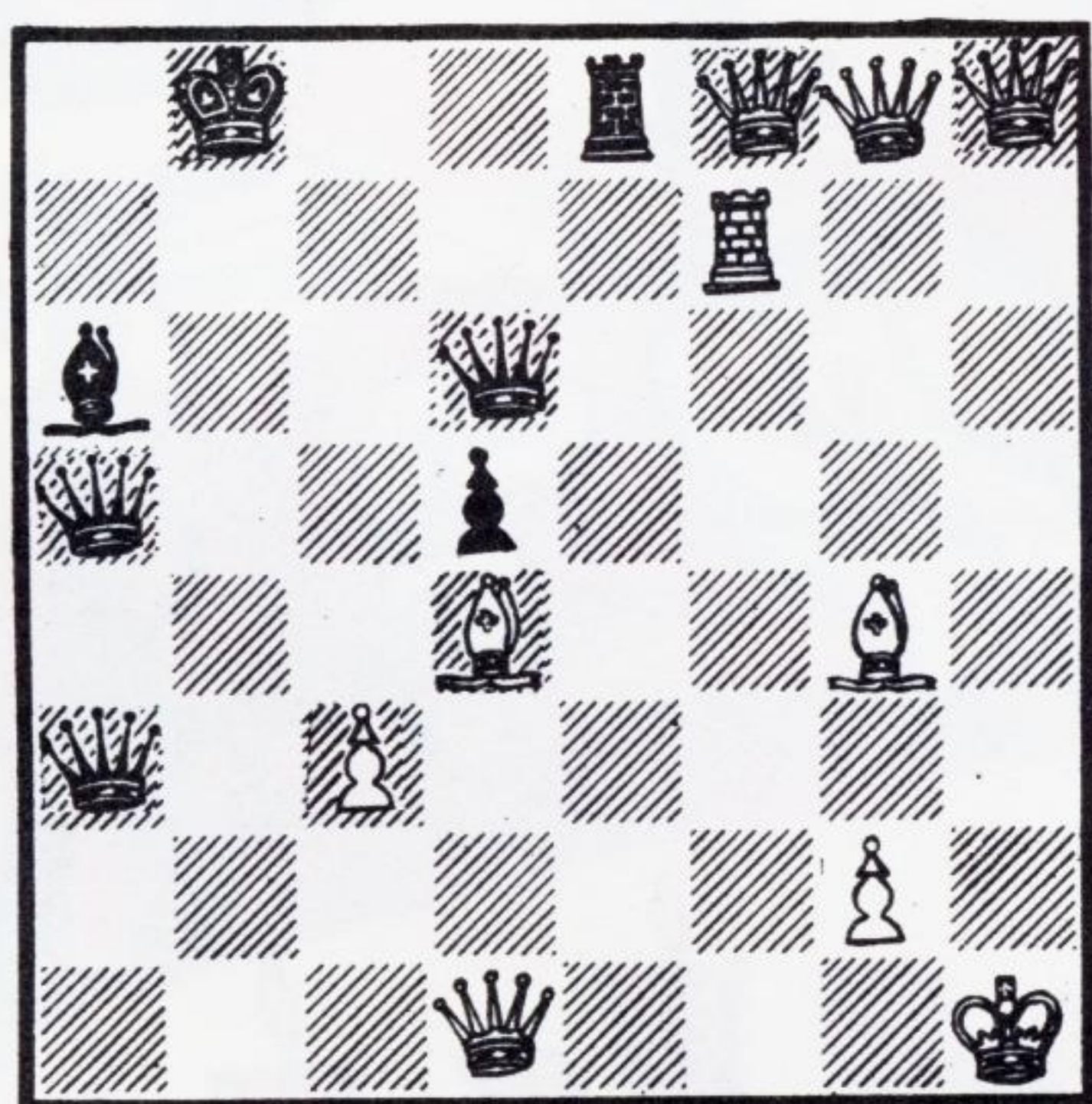
Из почты Пешкина

В этом номере журнала Пешкин отвечает на письма ученика восьмого класса **Виталия Охотского** из города Новая Каховка Херсонской области и ученицы шестого класса москвички **Кати Селивановой**.

«Можно ли пешку, которая доберется до восьмой или первой горизонтали, оставить пешкой?» — спрашивает Виталий.

А Катя возвращается к вопросу, на который мы уже не раз отвечали. Ее интересует, можно ли пешку превращать в ферзя, если один ферзь уже есть на доске.

Пешку можно превращать в любую фигуру, конечно, кроме короля, вне зависимости от того, есть такие фигуры на доске или нет. Оставлять пешку в прежнем ранге — пешкой — нельзя.

Посмотрите на эту диаграмму. Удивительно, но бой здесь ведут семь ферзей! И это не придуманное положение. К такой позиции пришла партия, сыгранная недавно двумя любителями в Австралии.

Не верится? Ну что же, рас-

ставьте шахматы и разыграйте эту партию.

СИЦИЛИАНСКАЯ ЗАЩИТА

Белые —
Самптер,

черные —
Кинг.

1. e4 c5. 2. Kf3 Kc6 3. d4 cd 4. K:d4 a6 5. Kc3 Фc7 6. Ce2 a6 7. 0—0 b5 8. Kph1 Kf6 9. f4 b4 10. e5 bc 11. ef cb 12. fg baФ 13. ghФ Ф:a2 14. Ф:h7 a5 15. h4 a4 16. h5 a3 17. h6 Фb1 18. Фg8 a2 19. h7 a1Ф 20. h8Ф Фb4 21. Ce3 K:d4 22. C:d4 Фаа3 23. Ch5 d5 24. f5 Ca6 25. fe 0—0—0 26. Л:f7 Фca5 27. c3 Фd6 28. Cg4 Ле8 29. e7+Kpb8 30. efФ. Черные сдались.

Разбирая эту партию, будьте внимательны, не запутайтесь в перестановках многочисленных ферзей.

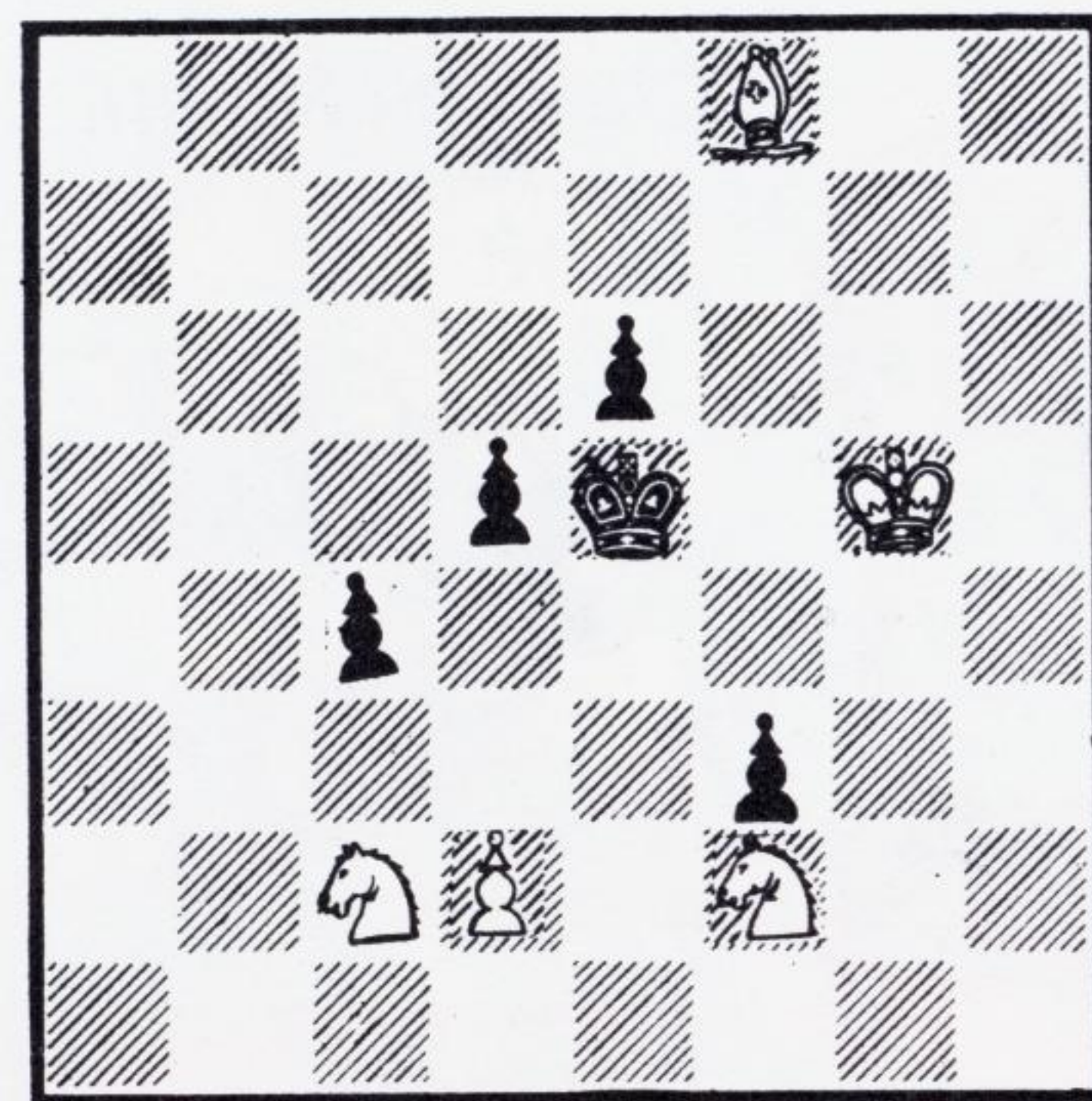
Многие ребята шлют Пешкину свои задачи. Хорошо, что вы, друзья, пробуете свои силы и в шахматной композиции, но составлять красивые и трудные задачи нелегко. Решение задач, которые мы помещаем, поможет вам понять, что хорошо и плохо в композиции.

Вот, например, задача, которую прислал **Сережа Токар** из города Яготин Киевской области.

Белые: Kph1, Фb2, Лc3, Kg5; черные: Kph8, Фg7, Лg8, Kh6, пешки g6, h7. Мат в два хода.

Замысел хороший, но решение находится без труда. После 1. Лc3—c7 черным нет спасения. Для того, чтобы задача была интересной, решение должно быть неожиданным, не таким очевидным.

Интереснее задача **Виталия Охотского**.

Виталий считает, что, начиная игру, белые дают мат в четыре хода. Найдите его решение и попробуйте решить эту задачу в меньшее число ходов. Удастся ли вам это?

Награды друзьям Пешкина

За успехи в своем конкурсе решений Пешкин наградил почетными грамотами **Игоря** и **Олега Стениных** (ст. Северская, Краснодарский край), **Сашу Богуславского** (Владивосток), **Диму Соловьева** (п. Чаньяворск, Коми АССР), **Максима Ларина** (Омск), **Иру Пархоменко** (Винница), **Женю Сидорова** (Жданов), **Жанну** и **Таню Корневых** (г. Солигорск, Минская область), **Наташу Козак** (Полтава), **Володю Гатаулина** (Казань), **Юлю Прокофьеву** (Ленинград), **Машу** и **Юру Ивенских** (Москва), **Диму Атласа** (Минск) и других участников заочного соревнования.

Многие ребята получили спортивный разряд.

УМА ПАЛАТА

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой.

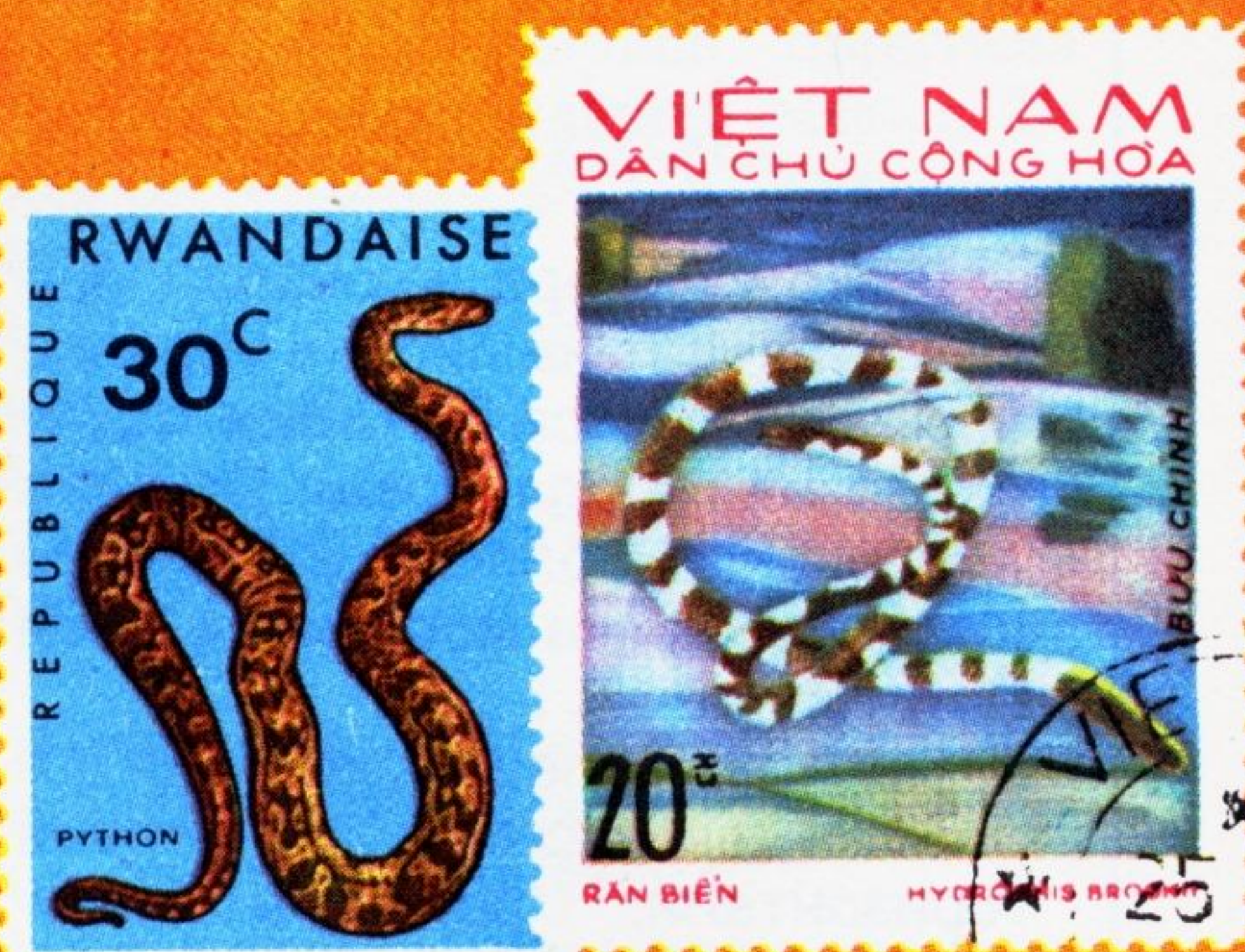

коллекция ФАКИРА

Я — Факир и чародей,
Собираю только змей
И скрываю, сколько марок
Есть в коллекции моей.
К этой тайне подобраться
Жажда есть в твоей груди?

Три десятка операций
На змее произведи!
Раздели, сложи, умножь —
До решения дойдешь!

Пинцет.

Игры Луны и Тинисета

Дрессировка

Вот нас девятка на арене,
Мы имеем бравый вид

ХА-ХА-ХА!

Служитель музея по имени Фили
Задумал доспехи очистить от пыли.
Из тоненьких перьев музейные щетки,
Но латы ужасно боялись щекотки!
Со скрипом и лязгом они хохотали!
Скажите, какие детали пропали?

Капитан Перо.

Капитан Перо
ищет помощника

Игры деда Буквоеда

ГЛАСНЫЕ-НЕЯСНЫЕ

новый трюк!

Новый трюк в моей программе:
Пять артистов перед вами,
Ни секунды не теряй,
Буквы гласные раздай.

Зорким будь, соображая,
У кого в губах какая.
(Приглашаются в игру
Только О,Е,А,И,У!)

А при этой перемене
Кто и где теперь стоит?

Живживка.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 5

Игры Лупы и Пинцета

Не хватает марки с четырьмя парусами.

Игры Деда Буквоеда

Таблица

Ум — очки. Должны получиться только такие слова, утверждает Дед Буквоед: корова, осел, жираф, барсук, верблюд, белка, собака, зебра, тюлень, пантера.

Капитан Перо ищет помощника

Пять метких стрел под № 2, 3, 4, 6, 9.

Живживка нашел парный носок. Он под № 2.

Дружбе крепнуть!

Город Тынду на Байкало-Амурской магистрали называют столицей БАМа. В этом городе много новостроек и среди них школа красавица — школа-интернат № 8. Ее подарили ребятам строители в прошлом году. На открытии этой школы, где сегодня учится 980 ребят, побывал корреспондент «Пионера». В тот торжественный день был заключен Договор о дружбе — договор ее учеников и редакции.

Журнал «Пионер» обратился к своим постоянным авторам и читателям, членам Всесоюзного штаба Тимура с просьбой собрать для подшефной школы интересные книги, материалы о жизни и подвиге Аркадия Петровича Гайдара, чтобы открыть школьный музей писателя-бойца. На просьбу редакции сразу же откликнулись многие писатели. Книги со своими автографами для библиотеки подарили З. И. Воскресенская, В. П. Крапивин, Б. Н. Камов, А. Л. Ампелонов, В. Т. Коржиков и многие другие. В Тынду полетели посылки из разных уголков страны — из Смоленска, Саратовской области, сельских школ Прибалтики, Челябинска...

А «Пионер» подарил подшивки журнала за последние десять лет, где печатались лучшие произведения советских детских писателей.

И вот в апреле — вторая встреча журнала «Пионер» с ребятами школы-интерната № 8 города Тынды. На торжественном пионерском сборе книги, собранные «Пионером», были переданы совету дружины.

«Пионер» сердечно благодарит всех ребят и взрослых, участвовавших в выполнении Договора о дружбе.

Новые встречи редакции журнала «Пионер» и учеников школы-интерната № 8 города Тынды еще впереди!

Ю. ГОЛОВНЕВА.

СОДЕРЖАНИЕ

Школа умелых хозяев	
Это же кро-ли-ки! — В. Рыбин.....	II обл.
Летопись «Пионера»	
Медаль ЮНЕСКО — советской пионерке	4
Здравствуй, «Рябинушка»! — Стихи Ю. Луцкевича.....	5
Соколиная охота. — Рассказ В. Козлова. Рисунки М. Лисогорского	6
Сами о себе	11, 32
Всего-то несколько дней... — Повесть В. Железникова. Продолжение. Рисунки В. Дудкина.....	12
Фотоотражение. — И. Голубева. Фотографии В. Крупского	27
У верховьев Волги. — Н. Щербаков. Фотографии автора	30
Всесоюзный сбор-поиск «Судьба семьи в судьбе страны»	31
Свет синих крыльев. — Рассказ И. Голубевой. Рисунок Ю. Родина.....	32
Путешествие в Спортландию. — Ведет Т. Петрова. Фотографии А. Бочина.....	34
«Кораблик»	38
Товарищи дети. — Спектакль в двух отделениях С. Михалкова. Продолжение. Рисунки В. Нагаева.....	40
Эстафета памяти	
Бескорыстие доброты. — В. Розов. Записал А. Максимов	46
Кругосветное путешествие «Пионера»	
От Севильи до Мадрида. — А. Грек. Фотографии автора	48
Малая пионерская энциклопедия.....	52
Сын Леопарда. — Рассказ Д. Энтиной.....	53
Что нам читать? — Ведет А. Друянова. Рисунок А. Гришина	57
«Переменка»	58, III обл.
Дискуссионный пионерский клуб «За и против»	
От мальчишества к мужеству. — М. Бреженер. Рисунок П. Пророкова.....	59
В стране шаха — владыки черных и белых полей. М. Юдович	61
Ума палата	62
Дружбе крепнуть! — Ю. Головнева.....	64
Мы — рабочие. — Песня. Музыка Р. Майорова. Слова Ю. Луцкевича.....	IV обл.

На обложке:

На школьной кролеферме. — Рисунок Д. Барабаша.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А. Л. АМПЕЛОНОВ, Р. З. БАБЛОЯН (редактор отдела литературы и искусства), В. А. БЛИЗНЕНКОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), Т. А. ГАЙДАР, О. И. ГРЕКОВА, А. А. ДЕРКАЧ, Н. В. ИЛЬИНА, В. П. КРАПИВИН, Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, С. Л. МАКЕЕВ (ответственный секретарь), С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, Л. С. СИМОНОВА (зам. главного редактора), И. Н. ХРИСТОВАЯ (редактор отдела коммунистического воспитания), Ю. М. ЧИЧКОВ.

Редактор отдела оформления А. М. ГРИШИН.

Технический редактор Е. Г. ЕВДОКИМОВА.

Макет Ю. Л. РОДИНА.

© Издательство «Правда», «Пионер», 1981.

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 01.04.81.

Подписано к печати 15.04.81. А 05086. Формат 84×60¹/₈.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,00.

Усл. кр.-отт. 31,25. Тираж 1720000 экз. Изд. № 1053. Заказ № 492.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137. ГСП, ул. «Правды», 24.

ПЕРЕМЕНКА

Многие из вас, ребята, пишут, что хотели бы встретиться в «Переменке» с молодой артисткой **Евгенией СИМОНОВОЙ**. Большинство из вас помнят ее роли в фильмах «Афоня», «Пропавшая экспедиция», «Обыкновенное чудо»... Эта актриса работает в Московском драматическом театре имени Маяковского. Она лауреат премии Ленинского комсомола. Сегодня Евгения Симонова отвечает на вопросы нашего корреспондента **Марины ПОТОЦКОЙ**.

Корреспондент. Женя, вы с детства мечтали стать актрисой?

Е. Симонова. Не мечтала. Но лет в шесть я уже сыграла свою первую роль, и не какой-нибудь там белочки или зайчика, а... Джульетты! Мой брат Юра — он на четыре года старше — решил поставить дома «Ромео и Джульетту». Значит, я — Джульетта, он — Ромео, мама и папа — зрители. Брат дал мне эмалированную кружку и сказал: «Это понарошку яд. Ты его выпей, а потом падай и не шевелись, как будто умерла. Ясно?» Я падала на жесткий пол и не шевелилась. Брат — Ромео закалывался игрушечным кинжалом. Зрители кричали «Браво!», а я шептала: «Юрочка, можно мне встать?..» «Лежи! — приказывал брат. — Сейчас яд начнет действовать...»

Уже тогда я поняла, что актером быть нелегко!

Корреспондент. Женя, а как вы учились в школе? Чем увлекались?

Е. Симонова. Знаете, когда я училась в школе, у меня совершенно не было свободного времени. Его теперь еще меньше стало, но тогда я думала: нет у

меня детства! Одни нагрузки: школа специальная — английская, да еще школа музыкальная, хореография, конный спорт... Только потому не бросала, что всему очень хотелось научиться!

Помню, лошадь у меня была ужасно сердитая. Как я к ней ни подлизывалась, она все равно меня норовила сбросить! А когда я входила к ней в денник, главное было — схватить ее под уздцы, пока она не лягнула!.. Я всегда успевала, но однажды меня все-таки лягнула... другая лошадь, приятельница моей злочки. Было очень обидно и больно, но заниматься я не бросила! И как же мне это потом пригодилось в работе!

В фильме «Пропавшая экспедиция» я много ездила верхом. Дали мне на съемках лошадь хорошую, смирную. В первом эпизоде я должна была на ней проехать метров пять — от столба до столба. А сколько дублей было!.. То солнце ушло, то, наоборот, слишком ярко светит, то лошадь невыразительно идет, то я невыразительно сижу... Проходит час, другой, третий...

Наконец хозяин лошади не выдержал: «Все, товарищи! Лошадь устала, больше не может. Лошадь должна отдохнуть!»

Лошадь устала, а я?! Обо мне никто и не подумал. Слезла я с лошади, пошла на ватных ногах, села на травку и чувствую — сейчас зареву... (Мне тогда девятнадцать лет было, я еще к кино не очень привыкла и быстро уставала.) А ко мне гримерша наша бежит, кричит: «Женя, ты что это?! Плакать? А как же грим?! Испортишь! Сейчас твой крупный план снимать будут! Потом, потом поплачешь...»

Так и не дала мне раскиснуть, спасибо ей!

А вообще-то у меня на съемках другая беда — я очень смешливая. Иногда так трудно бывает не засмеяться в кадре, если заметишь или вспомнишь что-нибудь смешное!..

Корреспондент. Скажите, а зрители письма вам пишут?

Е. Симонова. Писем и в самом деле приходит много. Иногда среди них попадаются смешные. Одна девочка пишет: «Я очень хочу стать артисткой. Но у меня курносый нос. Боюсь, он помешает. Ведь все артистки красивые».

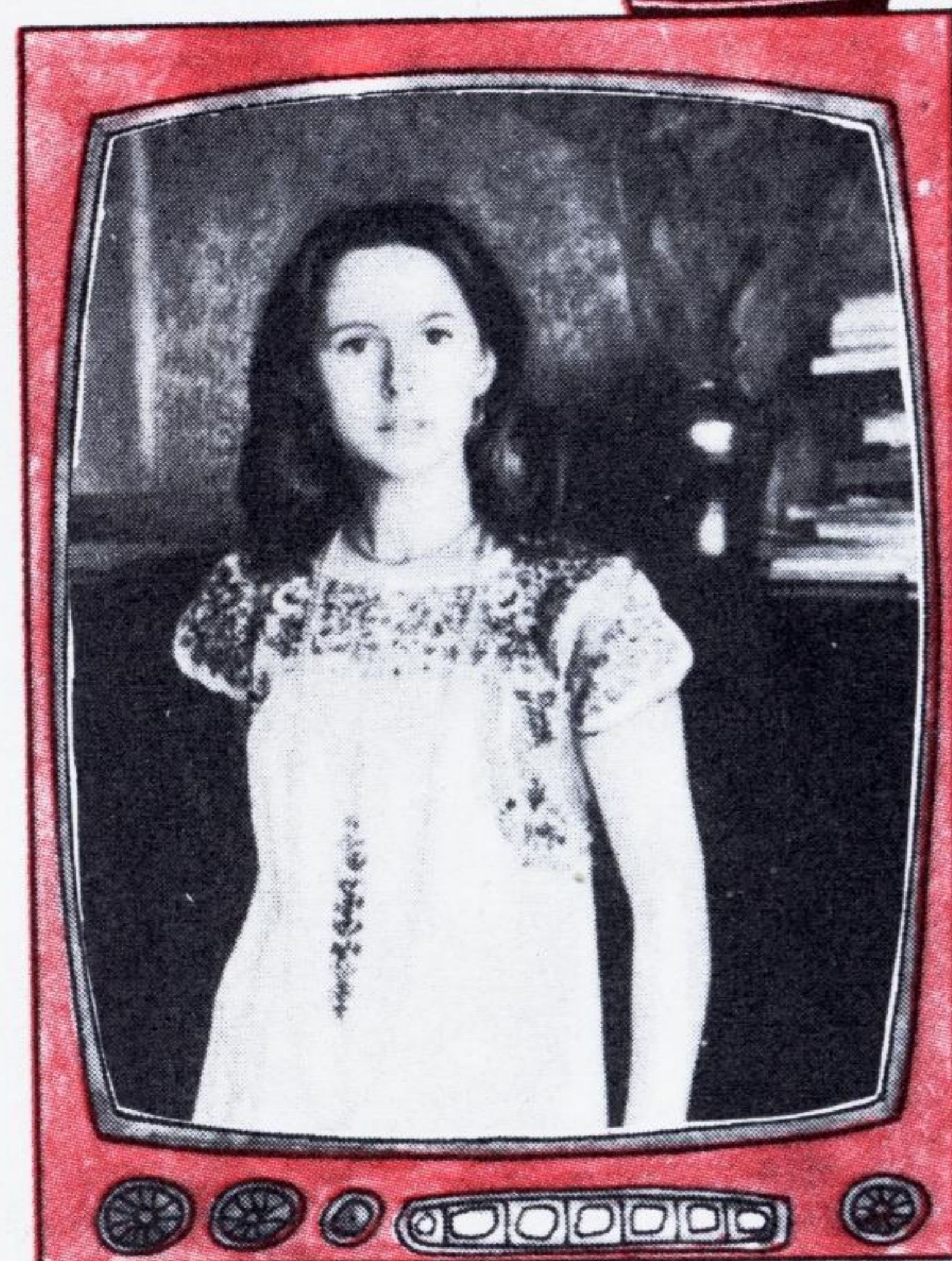
Корреспондент. А что вы ответили на это письмо?

Е. Симонова. Что нос не мешает. И вообще главное — не красота, а совсем другое...

И оказалось, что через два часа в московском кинотеатре «Россия» состоится премьера нового фильма «26 дней из жизни Достоевского» с Евгенией Симоновой в главной женской роли. Перед началом фильма актриса должна была встретиться со зрителями. И, так как до этого Жене еще предстояло подшить новое платье, мы решили интервью закончить.

На прощание она написала:

*Читателям журнала
«Пионер» с наилучшими
пожеланиями.
Женя Симонова*

Фотография И. ГНЕВАШЕВА.

Мы — рабочие

Музыка Романа МАЙОРОВА.

Слова Юрия ЛУЦКЕВИЧА.

От Камчатки до Волги и Дона
Все уверенней наши шаги.
На чернила на наших ладонях
Трудовые мозоли легли.

Припев: Нам зимою чертить треугольники,
На контрольных вздыхать озабоченно.
А сейчас, а сейчас мы — не школьники!
Мы — рабочие!
Мы — рабочие!

Мы испытаны ливнем и зноем,
И работой, где пот — в три ручья.
И за нас бригадир наш спокоен,
Говорит нам: «Вы смена моя!»

Припев.

Распахнем мы сердца наши людям,
Пронесем мы по жизни весну.
Скоро мы комсомольцами будем!
Мы в ответе за нашу страну!

Припев.

Подвижно. Задорно

Музыка Романа МАЙОРОВА.

Слова Юрия ЛУЦКЕВИЧА.

От Камчатки до Волги и Дона
Все уверенней наши шаги.
На чернила на наших ладонях
Трудовые мозоли легли.

Припев: Нам зимою чертить треугольники,
На контрольных вздыхать озабоченно.
А сейчас, а сейчас мы — не школьники!
Мы — рабочие!
Мы — рабочие!

Мы испытаны ливнем и зноем,
И работой, где пот — в три ручья.
И за нас бригадир наш спокоен,
Говорит нам: «Вы смена моя!»

Припев.

Распахнем мы сердца наши людям,
Пронесем мы по жизни весну.
Скоро мы комсомольцами будем!
Мы в ответе за нашу страну!

Припев.

*) Исполнять при повторении